

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е. В. Антонова

**БАКТРИЯ И МАРГИАНА
НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ**

ОЧЕРКИ

МОСКВА
ИВ РАН
2020

ББК 63.4

А 72

Ответственный редактор

Н. А. Дубова

Рецензенты

Л. А. Чвырь, Н. М. Виноградова

А 72 Антонова Е. В.

Бактрия и Маргиана на Древнем Востоке. Очерки / Отв. ред. Н. А. Дубова; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 228 с. + ил.

ISBN 978-5-89282-949-6

Книга состоит из очерков, посвященных исследованию генезиса Бактрийско-Маргианского археологического комплекса/культуры (БМАК) в эпоху городской революции, ставшей переломным моментом истории Ближнего Востока. Автор анализирует вопросы структуры общества, формирования сообществ, сосуществования разных хозяйственно-культурных типов, организации ремесла и торговли на исследуемой территории. Особое внимание уделяется реконструкции образа мира жителей БМАК на материале известных для них декоративных элементов. Обсуждаются также специфичные для БМАК погребения баранов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
О городской революции.....	13
Вторая городская революция.....	18
Некоторые проблемы генезиса БМАК.....	25
Анауская культура и БМАК.....	29
Иран.....	44
Бактрийско-Маргианская археологическая культура и памятники равнины Горгана.....	50
Южная Бактрия.....	53
Восточная Бактрия.....	71
Памятники равнины Горгана.....	73
Бактрийско-Маргианская археологическая культура.....	80
Погребения баранов.....	105
Животноводы и земледельцы.....	111
Погребение баранов с ослом и «калькули».....	123
Обмен и торговля.....	131
К реконструкции картины мира обитателей Бактрии и Маргианы.....	145
К реконструкции структуры общества.....	169
Приложение. «Миниатюрные колонки» и «посохи» БМАК: связи с египетскими реалиями.....	181
Заключение.....	204
Литература.....	214

ВВЕДЕНИЕ

В середине XX в. наука о древнейшем и древнем Востоке претерпела кардинальные изменения. Это стало возможно благодаря исследованиям в разных областях знания. Продолжалось изучение и интерпретация письменных источников, благодаря которым обретали всё большую определенность древнейшие периоды одной из первых цивилизаций – месопотамской и соседней с ней цивилизации Сузианы. Исследования также не могли быть эффективными без планирования и расширения археологических работ. Вклад внесли не только археологи и историки, но и все, кто видел необходимость обращаться к ранним свидетельствам, отлагавшимся в культурном слое, для понимания истоков исторических явлений. В результате совместных усилий приобрели определенность начальные этапы формирования производящего хозяйства, земледелия и скотоводства, позволившие древним преодолеть жесткую зависимость от природы. Открытия людей неолитической эпохи в результате революционных перемен привели к созданию основ первых цивилизаций. В новом свете предстали известные по письменным документам государства, их доистория и ранняя история. Археологические раскопки на Ближнем и Среднем Востоке выявили многочисленные высокоразвитые культуры, которые перестали рассматривать как первобытные, хотя их создатели еще не знали письменности. Первоначально таковые считались периферийными по отношению к государственным образованиям, но оказалось, что их создатели обладали сложной социальной организацией, ремеслом и обменом, позволявшими им поддерживать свое существование в сложных климатических условиях. Они не только сами использовали полезные ископаемые, но и вступали в обмен металлами и минералами с близкими и отдален-

ными соседями, в первую очередь обитателями плодородных речных долин.

Оказалось, что и представление о некоем генеральном пути развития обществ Востока по единой для всех модели, месопотамской, является упрощенным. История обитателей долин великих и небольших рек, гор, предгорий и степных пространств предстает теперь как мозаика осваивавших их сообществ, своеобразие которых – одно из условий существования и развития общей системы. Новые открытия показали, что отдельные общества и сообщества поддерживали между собой связи. Они стали особенно близкими после переломной эпохи «городской революции», произошедшей в Месопотамии в IV тыс. до н. э.

Этот термин, как и другой – «неолитическая революция» – вызвал возражения. Главное среди них – замедленность протекавших в древности процессов, которые представлялись скорее эволюционными, чем революционными; последние признавались присущими лишь новому времени. Уточнения, определившие условность терминов, привели к признанию правомерности его использования. Более того, появилось и новое определение, на сей раз уже более позднего явления – «вторая городская революция», которая происходила на тысячелетие позже первой. В ходе ее, благодаря влиянию из Месопотамии, перемены коснулись Сирии и части Анатолии. Возможно, ее волны достигли Северного и Восточного Ирана, Афганистана и юга Туркменистана.

В настоящее время можно считать общепризнанным, что продуктивное изучение отдельного историко-культурного явления на древнем Востоке, в частности «Бактрийско-Маргианского археологического комплекса» (БМАК), главного объекта нашего исследования, возможно лишь в пределах широкого пространства – от Средиземноморья до цивилизации долины Инда. Хотя хронологические рамки БМАК в широком смысле определяются второй

половиной III – серединой II тыс. до н. э., чтобы представить явление во всей его полноте, оказалось необходимым обратиться и к первой городской революции.

Археологи находятся в зависимости от известных, т. е. добытых посредством раскопок, материалов. Выводы, полученные на протяжении нескольких лет работ, могут измениться с внезапным открытием новых фактов. Планирование будущих работ – сложное дело. Возможны ситуации, когда размеры вскрытых площадей и своеобразие обнаруженных погребений, архитектурных сооружений и т. д. не только радуют исследователя, но и mnoжат проблемы, связанные с трудностью интерпретаций. Ситуация сложная, поскольку приходится опираться только на «немые» остатки. Иногда археологи при этом руководствуются интуицией, не очень заботясь об аргументации своих предположений и выводов. При этом, опираясь на известные аналогии, удается создавать цепочки гипотез, элементы которых могут выстраиваться и постепенно приобретать характер доказанных положений.

Исследование богатых материалов раскопок в Маргиане заставило автора обратиться к предполагаемым источкам БМАК. Поиски их на далеком западе, как оказалось, не привели к убедительным выводам. Между тем недалеко от Маргианы лежит давно известная культура подгорной полосы Копет Дага – это анауская культура энеолита и бронзового века (середина V – начало II тыс. до н. э.). Генетические связи БМАК с нею прослеживаются на основании анализа керамических комплексов, антропоморфных фигурок, геометрических мотивов печатей и изображений на фигурках, в меньшей степени – элементов погребений и, вероятно, планировки рядовых жилищ. В то же время очевидно, что анауская культура и БМАК кардинально различаются. Причину этого нельзя не усматривать в их существовании в различные эпохи. БМАК – порождение времени широких контактов, обменов, сети которых пере-

секают весь Ближний и Средний Восток особенно с середины III тыс. до н. э. Позже возникают колонии типа анатолийских карумов – знаменательное явление, указывающее на широту контактов на Востоке.

Во время вынужденного перерыва археологических раскопок на Востоке была написана книга П. Амье об обменах на территории Ирана¹. Она сыграла и продолжает играть в осмыслении древней истории роль, которую трудно преувеличить. В середине III тыс. до н. э. в обширном регионе от севера, востока и юго-востока Ирана, юга Туркменистана и Афганистана сложилась общность образований, объединенных близкими историческими судьбами и отношениями обмена. Определивший эту общность П. Амье именовал ее Внешним Ираном².

Бактрийско-Маргианский археологический комплекс – понятие, предложенное В. И. Сарианиди. Он сформулировал и свое представление о генезисе этого явления. Е. Е. Кузьмина³ предложила именовать его не «комплекс», а «культура». При этом принятая аббревиатура (БМАК) сохраняется. Е. Е. Кузьмина справедливо считала, что наименование «комплекс» неправомерно сужает масштабы открытого В. И. Сарианиди историко-культурного явления до совокупности археологических типов. А. П. Франкфор называет БМАК цивилизацией Окса⁴, что считают не вполне точным, поскольку территория ее бытования выходит за пределы бассейна Амударьи, Окса античных текстов.

Судьба археологических работ на юге Туркменистана сложилась так, что памятники энеолита–бронзы этого

¹ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris: Ministre de la Culture et de la Communication éditions de la Réunion des musées nationaux, 1986.

² Ibid. P.171–172, 195.

³ Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М. – СПб., 2008. С. 47.

⁴ Francfort H.-P, Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus // Iranica Antiqua, Vol. XLV, 2010. P. 52.

региона – стали наиболее исследованными среди дописменных культур на всем центральноазиатском пространстве. В советское время это было связано, в частности, с тем, что археология считалась важной областью знаний, раскрывающей далекую историю народов Советского Союза. С 70-х годов прошлого века до недавнего времени раскопками в южной части Туркменистана руководил неутомимый энтузиаст и удачливый полевой археолог В. И. Сарияниди. Теперь данные БМАК и в особенности материалы раскопок главного объекта в Маргиане – Гонур Депе – предстают как один из важных источников для реконструкции дописменной истории не только одного региона, но и всего Ближнего Востока.

Раскопки Гонур Депе продолжают до сих пор, их результаты систематически публикуются. Это состояние продолжающихся работ сопряжено с естественными трудностями их интерпретации, что неоднократно отмечалось авторами отчетов. Новые данные иногда приводят к изменениям успевшей сложиться картины. В то же время потребность системного подхода требует выработки метода отбора материала хотя бы по принципу его информативности. Исследуя отношения обмена в Иране в книге 1986 г., П. Амье признавал, что его сочинение стало возможным во время приостановки крупномасштабных раскопок. Вынужденный перерыв работ позволил материалу «отстояться», пережить этапы первоначального осмысления. Ситуация с исследованиями Гонура иная. В результате новые находки вносят коррективы в предположения о социальной организации сообществ носителей этой культуры, о назначении не только целых архитектурных сооружений, но и их частей, назначении и семантике категорий многочисленных вещей и т. д. Нередко они находятся в области более или менее уверенных предположений авторов раскопок. Это вынудило автора настоящей монографии не анализировать детально архитектуру «храмов»

и «дворцов», а сосредоточить внимание на более доступных для осмысления категориях источников. Невозможно было отказаться от попыток реконструировать некоторые обряды, в первую очередь связанные с погребениями. Признаки вещей открывают возможность проникнуть в образ мира создавших их людей. Оказалось, что археологически зафиксированные особенности хозяйства носителей БМАК позволяют затронуть проблему взаимосвязей сообществ оседлых земледельцев и подвижных животноводов. Невозможно было обойти вниманием проблему реконструкции общественной структуры носителей столь значимой в истории Востока культуры.

Подчеркнем, что в этой работе оказалось невозможным выйти за поздние хронологические рамки бытования БМАК. Период после первых веков II тыс. до н. э. – особая эпоха. Около XIII в. до н. э. земледельческая культура переживает кризис, и в Средней Азии на исторической арене начинают действовать новые силы⁵.

Хотя можно было бы полагать, что в прошлое отошли времена, когда историки, исследующие древность на основании письменных свидетельств, считали археологические материалы второстепенными, лишь иллюстрирующими документы, однако, это не вполне так. Такое отношение к «материальным источникам» было возможно, пока история человечества начиналась со времен возникновения первых цивилизаций. Археология – молодая наука. Осознание необходимости проведения систематических раскопок пришло относительно недавно. Разработка методов раскопок и способов реконструкции культур прошлого продолжается.

Недалеко время, когда миру был явлен исторический Шумер; в 60-х годах прошлого века начаты раскопки

⁵ Кузьмина Е. Е. Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной бронзы (РЖВ) в работах Виктора Ивановича Сараниди // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб, 2010.

города Эблы – государства, обладавшего собственной письменной традицией. Оказалось, что на небольших расстояниях от древних государств существовали сложно структурированные сообщества, не обладавшие, однако, важным способом фиксации своего бытия – письменностью. Тем не менее, и они оставили свои «послания», поскольку совокупности вещей в определенном контексте содержат информацию. Эти вещественные тексты необходимо «дешифровать», и задача их историко-культурного понимания зачастую не менее сложна, чем дешифровка новонайденной письменности.

Письменные источники дают информацию о хозяйственной жизни, политических отношениях, экономике, мировосприятии, религии, обрядах, искусстве и других аспектах жизни древних. Однако в древних государствах, когда уже существовала развитая письменность, жизнь сельского населения, как и многие сферы жизни горожан, оставались за пределами ее фиксации. Археологические данные позволяют компенсировать этот дисбаланс. К сожалению, стремление открыть эффектные монументальные постройки или богатые погребения в крупных поселениях зачастую отодвигает на второй план изучение небольших неурбанизированных селений или рядовой застройки в городах. Археологи, работающие на Востоке, отмечают, что этим отличаются исследования во многих странах, в то время как именно такие раскопки могут способствовать ликвидации пробелов в изучении истории древности⁶.

Плодотворность совместного анализа материальных остатков и письменных свидетельств доказана многими исследованиями. Яркий образец – книга И. М. Дьяконова, привлечшего данные многолетних раскопок Л. Вулли в Уре⁷. В ней в результате скрупулезного анализа освеще-

⁶ Akkermans P. M. M. G., Schwartz G. M. *The Archaeology of Syria: From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies (ca 16000–300 BC)*. Cambridge, 2003. P. 91.

⁷ Дьяконов И. М. *Люди города Ура*. М., 1990. 429 с.

щены многие стороны жизни горожан разных социальных групп в конце III тыс. до н. э. Это время III династии Ура, отчасти близкое периоду существования БМАК. Снова и снова подтверждается заключение И. М. Дьяконова, что «представление о том, что существовал древний Восток "вообще" – не более как распространенное заблуждение»⁸. Оно особенно справедливо при исследовании бесписьменных культур.

Интерпретация явления, настолько богатого историко-культурными свидетельствами, каким предстает БМАК, видится невозможной вне учета некоторых общих процессов и событий истории древнего Ближнего и Среднего Востока. Среди них те, которые имели место в эпоху формирования сложноструктурированных обществ. Отдельного рассмотрения требуют особенности жизнеобеспечивающей сферы, организация ремесла и торговли, своеобразие общественных отношений. Нельзя не учитывать влияния колебаний климата, в теснейшей зависимости от которых находилась жизнь людей целых регионов. Очевидна плодотворность широкого системного подхода, при котором воспринимаемые как региональные явления могут лишаться, по крайней мере, части своей уникальности. В них обнаруживаются общие для многих признаки, предположительно региональные или широкие закономерности. Полученные результаты могут способствовать интерпретации загадочных явлений, которыми так богата археология.

Стремление к восстановлению цельной картины истории отдельных регионов заставило П. Амье обращаться к анализу стиля и репертуара изобразительных памятников, знатоком которых он является. Многие вещи с территории Афганистана были обнаружены в ходе грабительских раскопок могильников. Он назвал их «древности-сироты» (*antiquités orpheline*), считая ответственными

⁸ Там же. С. 10.

за их несчастный статус археологов, власти и музейных работников⁹. Ученому удалось определить место многих из таких вещей в истории Бактрии и наметить пути взаимоотношений ее обитателей с переднеазиатскими соседями.

Исследованию того типа, который представляет настоящая работа, очень помогают современные обобщающие труды, где анализ обширного материала сочетается с его интерпретацией. Примерами подобных явилась книга П. Амье и сочинение двух авторов, посвященное археологии Сирии от эпохи охотников и собирателей до времени возникновения урбанизированных сообществ¹⁰. В них сочетается широта охвата материала и его анализ, опирающийся на достижения современной археологии и теорий смежных наук.

Настоящая работа не могла быть написана без деятельного участия Н. А. Дубовой, непосредственного участника полевых исследований в Южном Туркменистане. С ней обсуждалось множество проблем. В неоплатном долгу я перед И. Я. Качаловой, без самоотверженности и терпения которой мне не удалось бы поставить последнюю точку.

⁹ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant. J.-C. P. 23.

¹⁰ Akkermans P. M. M. G., Schwartz G. M. The Archaeology of Syria.... Cambridge, 2003.

О ГОРОДСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. Г. Чайлд – автор принятых в науке понятий «неолитическая революция» и «городская революция». Эти понятия вызвали возражения со стороны приверженцев строгих дефиниций. Революция – это кратковременное событие, переворот, присущий более всего Новому времени. Распространение перемен, которые привели к освоению земледелия и скотоводства, а также формированию производящего хозяйства, на исходных территориях заняло не одно столетие, а на больших пространствах – тысячелетия. Городская революция была кратковременной, хотя ее предпосылки вызревали долго. Инерционность научного сообщества не помешала принятию этих понятий, а с течением времени показала их пригодность для определения особого этапа (или этапов) древней истории Востока. Разумеется, появление новых данных и смена поколений ученых, стремящихся оставить свой след в науке, внесли изменения в старую парадигму. По всей вероятности, предложенные В. Г. Чайлдом признаки городской революции будут по-прежнему способствовать осмыслению древней истории¹.

В результате «городской революции»:

1. Возникают поселения, относительно крупные в пределах изучаемой территории, с высокой плотностью населения и соответствующей застройкой.

2. Горожане, в отличие от жителей деревень, продолжают заниматься сельским хозяйством, однако возникает деятельность «специалистов» – ремесленников, торговцев, жрецов, «управленцев».

3. Появление таковых стало возможно благодаря наличию излишков продуктов питания.

¹ Child V. G. The Urban Revolution // Town Planning Review. Vol. 21, 1950. P. 10.

4. В городах сосредоточены символы концентрации излишков. Археологически в первую очередь фиксируют появление храмов и только потом – жилищ знати.

5. Правящий класс освобожден от физического труда, а низший – от умственного (что В. Г. Чайлд рассматривал как положительное явление в облегчении человеческого бытия, т. к. «думать трудно»).

6–7. Возникает письменность, затем точные науки (астрономия, математика), а также календарь.

8. Возникает искусство «наивного реализма».

9. Города – это центры торговли, в том числе с отдаленными странами.

10. Ремесленники живут в городах и могут не переходить, как прежде, с места на место в поисках работы (по мнению В. Г. Чайлда, они в более раннее время были бродячими).

Город – исторически и регионально изменчивый феномен. При определении городов той или иной эпохи либо региона, вряд ли целесообразно исходить из раз и навсегда установленного набора признаков, необходим учет особенностей системы. Города – важнейший элемент возникающей одновременно с ними цивилизации в первоначальном и строгом смысле слова (сейчас это определение иногда применяют в новом, расширенном смысле для характеристики крупных историко-культурных образований); таким образом, предложенные В. Г. Чайлдом критерии позволяют определить специфические особенности городов тех или иных археологических культур.

Новые идеи позволили обогатить представления о явлениях, сопровождавших возникновение цивилизации, ибо только города являются ее подлинным признаком. Возникновение государства, считает П. Амье, лишь один аспект новой богатой реальности, не порвавшей с «гуманизмом», ощущением ценности челове-

ской личности, свойственном, по его мнению, эпохе неолита².

Революционные изменения хозяйственной деятельности, развитие торговли на далекие расстояния сопровождала культурная революция, прогресс в интеллектуальной сфере, чего, по мнению П. Амье, исследователи-антропологи часто не замечают³. Импульс поры «урукской экспансии» сменился временем возросшей инициативности обитателей областей за пределами Месопотамии. Это явление – лишь условное обозначение эпохи Великих перемен в масштабе истории всего Старого Света. Началось время широкого распространения разнообразной информации. Многие области Старого Света постепенно знакомятся с новациями, возникающими в регионах первых государств. Растущая активность не только близких, но и отдаленных их соседей стала ощущаться очень скоро. Рост населения на территориях, относительно бедных пригодной для обработки земель, побуждал людей передвигаться и приближаться к границам цивилизаций.

Таким заметным явлением было, например, широкое распространение керамики геоксюрского типа к северу и югу от первоначальной области обитания ее создателей на юге Туркменистана. Археологам хорошо знакомы ситуации, когда они находят вещи явно неместного происхождения, и возникает проблема: каким образом, в результате каких событий или процессов у носителей изучаемых культур они оказались в чужой для них среде, и о чем это может свидетельствовать. Такой вопрос редко находит однозначный ответ. Одно из возможных предположений – рост населения на исходной территории.

В результате городской революции сложились городогосударства, находившиеся в разнообразных отношениях

² Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 209.

³ Ibid. P. 210

между собой. Это самостоятельные, но взаимосвязанные образования. Урукская культура недолго оставалась в тесных границах Нижней Месопотамии: в 60-е годы прошлого века на Среднем Евфрате были открыты поселения с материалами среднего Урука (3600–3000 гг. до н. э.). Сама их планировка отличалась от той стихийной, которой следовали строители постепенно растущих городов юга. Хабуба Кабира имела две улицы, пересекавшиеся под прямым углом и снабженные дренажной системой. Часть территории была обнесена стеной толщиной 3 м с башнями и бастионами, с двумя воротами. Планировка построек следует южным традициям⁴.

Найдены таблички только с цифровыми знаками и характерными для урукского времени оттисками печатей (в том числе с изображениями «сцен повседневной жизни»). Еще несколько поселений обнаружено по течению Евфрата. Расцвет урукских колоний относят к концу IV тыс. до н. э. Признаки присутствия «урукцев» встречены и на Хабуре.

Целью движения из Южной Месопотамии в соседние регионы было, как полагают, получение леса и полезных ископаемых – меди из копей Эргани в Турции и месторождений Ирана, серебра и обсидиана из Турции. В обмен жители Месопотамии могли предлагать излишки зерна, финики, ремесленные изделия, в том числе шерстяные ткани, ценившиеся обитателями соседних стран на протяжении многих столетий. Колонисты приходили как поселенцы со своими привычными приемами строительства и декором стен сооружений особого (общественного) назначения «гвоздями» конусами из обожженной глины. Эти люди приносили свою керамику, в том числе характерные стандартные чаши грубой лепки со скошенным венчиком

⁴ Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998. С. 134–139.

(предположительно они служили мерами рациона участников общественных работ)⁵.

В связи со спецификой хозяйственно-культурного развития обществ Передней Азии интересующего нас времени вспоминаются рассуждения И. М. Дьяконова об особенностях «в общем однотипной экономики древней Передней Азии»⁶. Один из путей свойствен регионам с крупномасштабной ирригацией, каким была Месопотамия и может быть Сузиана, имеющая по степени обводненности немалое сходство с Нижней Месопотамией. По другому пути двинулась «вся ближневосточная периферия», лишенная возможностей крупномасштабной ирригации; развитие шло медленнее, более естественным путем. И позже, даже в условиях сложившихся государств, здесь сохранялась роль большесемейных хозяйств не только в земледелии и ремесле, но и в торговле.

Развитие общества, населявшего южнотуркменистанский Алтын-депе, было прервано в результате перемен климата; здесь не произошла городская революция. Тем не менее местное общество по-своему сопротивлялось постигшим его бедствиям. Часть населения, вероятно, ушла в долину полноводного Мургаба. Но уже до этого в Алтын-депе появились новые культы, признаки которых усматривают в появлении крупных вещей из полированного камня⁷, которые в значительном количестве обнаружены в поселениях и погребениях также оставленного Тепе Гиссара и БМАК; последней культуре была уготована более благоприятная судьба.

⁵ Akkermans P. M. M. G., Schwartz G. M. The Archaeology of Syria... P. 190–202.

⁶ Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II-I тыс. до н. э. // Древний Восток. Города и торговля (III-I тыс. до н. э.). Ереван, 1973. С. 35.

⁷ Березкин Ю. Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н. э. // ВДИ, № 3, 1994. С. 14–38.

ВТОРАЯ ГОРОДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В этой работе нас особенно интересуют взаимодействия областей Ближнего и Среднего Востока как единого целого. Поэтому есть смысл обратиться к ситуации, складывающейся с середины III тыс. до н. э. на севере Сирии, севере Месопотамии, на юго-востоке Анатолии. Здесь возникают иерархически организованные группы поселений с крупным центральным (где существовала элита, руководившая хозяйственной жизнью, торговлей или обменом и ремеслом, строительством крупных сооружений), меньшими селениями на некотором расстоянии от них и окружающими небольшие селения деревнями. В этих регионах перемены произошли почти на 1000 лет позже первой городской революции в Месопотамии. Это явление было предложено именовать «второй городской революцией»¹. Роль катализатора сыграло возникновение Аккадского государства, которое иногда именуют империей.

Около 2300 г. до н. э. предполагается распространение месопотамского влияния и возникновение значительного образования с центром в Эбле². Здесь обнаружены дворцовые постройки с многочисленными помещениями, среди которых парадные и тронный зал (названия, предложенные авторами раскопок, нередко вызывают сомнения)³. Среди комнат служебного назначения – склады для зерна и оливкового масла. Рядом располагались мастерские. Множество вещей несут признаки знакомства с изобразительными традициями Месопотамии. Среди них – «штандарт» с инкрустациями из известняковых пластин на деревянной основе, с изображениями солдат и пленных. Он отчасти

¹ Akkermans P. M. M., Schwartz G. M. The Archaeology of Syria...P. 233.

² Древняя Эбла (Раскопки в Сирии) / Сост. и введение П. Маттиэ. М., 1985.

³ Ibid. P. 238.

напоминает знаменитый «штандарт», найденный в одной из царских гробниц Ура. Несомненны признаки отдаленных торговых контактов. В одном из дворцов обнаружено 22 кг необработанных кусков лазурита; найдены и изделия из него. Эти данные представляют особый интерес для исследований Бактрийско-Маргианской культуры, т. к. месторождения этого столь ценившегося минерала находятся неподалеку от нее. В связи с этими находками отмечают, что расстояние от Эблы до Бадахшана – 3000 км⁴.

В Эбле найден дворцовый архив – сохранилось 17 000 табличек с клинописными текстами на своеобразном эблаитском языке, который относится к семитским. В них содержатся данные об организации дворцовых служб, о чиновниках, ремесленниках, распределении рациона; есть и тексты литературного содержания⁵. После разрушения аккадцами Эбла оставалась важным региональным центром.

В Сирии III тыс. до н. э. существовало несколько крупных городов. Особое место принадлежит Мари, городу на важнейших торговых путях, в том числе у переправы через Евфрат. Его площадь – около 100 га. Поселения второго порядка были значительно меньшими: 15–30 га. Далее следовали небольшие деревни. Хозяйственные и административные центры окружены стенами, иногда с каменными основаниями. О военных столкновениях говорят и сожженные руины, предметы вооружения в погребениях, изображения военных сцен в мозаиках⁶.

Примечательно, что развивалось металлургическое производство, но продолжалось изготовление кремневых и обсидиановых наконечников стрел, микросверл и пластин. Обычной оставалась мышьяковистая медь, но увеличи-

⁴ Ibid. P. 239.

⁵ Дьяконов И. М. Значение Эблы для истории и языкознания // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии). Составление и введение П. Маттиэ. М., 1985. С. 334.

⁶ Akkermans P. M. M. G., Schwartz G. M. The Archaeology of Syria... P. 268–269.

лось использование оловянной бронзы. Это имело место не в Палестине и Египте, а именно в Сирии и Месопотамии. Не исключено, что это указывает на распространение олова посредством обмена из относительно близких месторождений, находящихся в Афганистане. Использование олова совпадает с распространением лазурита и золота, которые находились там же или в близком регионе. Встречаемость трех важных материалов – индикаторов связей – отмечена не только в Эбле, но и в Уре, Мари, крупном поселении Банате⁷. Напомним, что это явление представляет особый интерес в связи с историей БМАК – культурой, располагавшейся и на территории Афганистана и к северу от него.

Раздумья об истоках «второй городской революции» склоняют исследователей к выводу, подсказанному самим материалом. Стимулирующее влияние со стороны развитых государств, разумеется, месопотамских, встречалось с запросами элит окраинных образований. Однако этого крайне обобщенного подхода в данном историческом контексте недостаточно: им можно было бы ограничиться при изучении места Сирии периода первой городской революции. Сейчас сирийский регион приобрел черты, послужившие основой его значительного места на всем древнем Востоке, чему способствовали следующие характеристики историко-культурной ситуации:

1. Экологические условия создавали возможность получения продуктов земледелия и скотоводства, достаточных для поддержания существования сложноструктурированных обществ с городскими центрами. Высокой была продуктивность в отдельных районах богарного земледелия.

2. Элита оказалась способной организовать накопление запасов продуктов питания, их изъятие, транспортировку и распределение в обмен на труд.

⁷ Ibid. P. 270–272.

3. Расположение на торговых путях создавало возможность накопления и получения доходов от контроля над путями обмена (вспомним 22 кг лазурита в одном из дворцов Эблы).

4. Определенную роль играли военные действия, т. к. они способствовали подвижности населения⁸.

И. М. Дьяконов, посвятивший месту Эблы в истории обстоятельную статью в сборнике исследований этого города, считал, что ее существование свидетельствует против привычной догмы, в соответствии с которой первые цивилизации могли возникать только в долинах великих рек⁹. Кажется все же, что он был не совсем прав. Эбла, как и некоторые другие государства древности, могла возникнуть в середине III тыс. до н. э. не только в итоге самостоятельного развития, но и благодаря стимулам со стороны речных цивилизаций Месопотамии и Египта, восприятию их долгого опыта.

Катализатором «второй городской революции» была Месопотамия, где давно возникла и совершенствовалась письменность. Достоинства этого способа фиксации и трансляции информации быстро были оценены местными элитами. Время существования обнаруженных в Эбле архивов – 40–50 лет, когда правили три царя. В текстах обнаружены не только сведения о чиновниках, распределении рациона, ремесле, но и литературные произведения¹⁰.

Стандарты культуры Месопотамии, в первую очередь элитарной, служили эталонами. Воспринимаются образцы монументальных построек, официального искусства, атрибутов власти, облачений знати. Конечно, влияние испытывали ремесла (особенно, можно думать, высокоразвитое текстильное производство). Тексты из Эблы содержат

⁸ Ibid. P. 275–276.

⁹ Дьяконов И. М. Значение Эблы для истории и языкознания. С. 318.

¹⁰ Akkermans P. M. M. G., Schwartz G. M. The Archaeology of Syria... P. 283.

сведения о дворцовом контроле над производством металлов, о ежегодных поступлениях меди, серебра, в меньших количествах – золота. Важное на Востоке средство транспорта – осел – был одомашнен уже в IV тыс. до н. э.¹¹ Примечательно существование ритуальных захоронений ослов¹².

Важно отметить, что на значительных территориях зафиксированы сходные формы вооружения: таковы, в частности, наконечники копий¹³ с загнутым черешком. Подобные известны в погребениях Тепе Гиссара, а грубое подражание – в погребении № 2900 Гонур Депе. В то же время сохраняется архаичная традиция использования кремня и обсидиана для изготовления стрел, пластин и микросверл¹⁴. Эти предпочтения зафиксированы и в туркменском Гонур Депе.

В конце III тыс. до н. э. сильная засуха поразила Сирию, Восточное Средиземноморье, Анатолию, Египет, а также Иран и Туркменистан. В Сирии следы атмосферной пыли обнаружены в Лейлане (ок. 2200 г. до н. э.); запустели многие поселения на Хабуре. Около 2300 г. до н. э. аккадские власти пытались принимать меры против наступления засухи. Особенно пострадали или были оставлены не только небольшие поселения и деревни, но и Эбла¹⁵.

В то же время кризис не затронул некоторые сирийские города – Мари, Уркеш (Телль Мюзан), Навар (Телль Брак). Продолжению жизни этих городов способствовали как природные условия, так и расположение на торговых путях. В предполагаемом дворце в Уркеше найдено большое количество оттисков цилиндрических печатей (в том числе с изо-

¹¹ Ibid. P. 272.

¹² Ibid. P. 280–281.

¹³ Ibid. P. 271, fig. 8.22.d.

¹⁴ Ibid. P. 272.

¹⁵ Ibid. P. 282–283.

бражением царской семьи, а также печать повара с соответствующим изображением)¹⁶. Найдены и печати хурритского царя Уркеша и царицы с примечательным аккадским именем, означающим «лазуритовая девушка»¹⁷.

В засушливый период сообщества людей были вынуждены переселяться в поисках лучших для жизни земель. Прорыв амореев привел к прекращению правления III династии Ура в Месопотамии и утверждению вторгшихся амореев в некоторых городах. Первоначально в Месопотамии их воспринимали как варваров. И. М. Дьяконов отмечает, что они не были кочевниками типа бедуинов, потому что у них не было ни коней, ни верблюдов¹⁸. Пастушество сочеталось с земледелием в благоприятных условиях. Неподалеку от поселений земледельцев могли находиться стоянки пастухов, которые вступали друг с другом во взаимовыгодные отношения.

В начале, в период правления Аккадской династии, амореи воспринимали городской образ жизни. Росту их роли способствовала организация на основах родства, объединения родов, что характерно для всех пастушеских народов. Аналогичные отношения складывались между египтянами и пришельцами из сиро-палестинского региона, которые пришли к власти в части Нижнего Египта под именем «цари-пастухи» или гиксосы. Они, как и амореи, укоренились в регионе, основав свои династии. Хорошо известно, что подвижная среда способствует разнообразию контактов, в том числе обменно-торговых в свойственных тем временам формах, когда экономические побуждения сопровождались межличностными связями.

Далее мы обратимся к памятникам БМАК, указывающим на отношения носителей этой культуры с аморей-

¹⁶ Ibid. P. 284.

¹⁷ Ibid. P. 285.

¹⁸ Дьяконов И. М. Люди города Ура. С. 13.

скими царствами¹⁹. Здесь отметим лишь некоторые черты погребальных обрядов, зафиксированных в Сирии и имеющих параллели в погребениях Гонур Депе – это погребения собак.

При раскопках Гонура авторами работ они обычно воспринимаются как свидетельства протозороастрийских культов и представлений. Между тем встреченные на территории Сирии погребения собак рассматриваются в иной связи, а именно в контексте почитания месопотамской богини врачевания Нинкаррак²⁰. Кроме того, в погребениях Лейлана, Чагар Базара и Багуза обнаружены бронзовые ситечки вместе с кувшинами, которые могли использовать для процеживания напитков, имевших осадок²¹, а отнюдь не для изготовления «протозороастрийской» сомы/хаомы.

¹⁹ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 189, 194, 198–199.

²⁰ Akkermans P. M. M. G., Schwartz G. M. The Archaeology of Syria... P. 318.

²¹ Ibid. P. 322.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА БМАК

Одним из первооткрывателей Бактрийско-Маргианской археологической культуры, обнаружившим огромное количество памятников разного типа и исследовавшим их на протяжении многих десятилетий, был В. И. Сарианиди. Он предложил именовать это образование «комплексом». Как уже говорилось, было бы более адекватным явлению называть его «культурой», что не меняет облик принятой аббревиатуры. В. И. Сарианиди проводил раскопки и на территории исторической Бактрии, но главное место в его исследованиях занимают памятники Маргианы, точнее самого большого – Гонур Депе. Его он считал столицей «страны Маргуш» (сатрапия под таким названием фигурирует в Бехистунской надписи). Обнаруженную им страну он трактовал как пятый «центр мировой цивилизации» наряду с Месопотамией, Египтом, Китаем и Индией.

В. И. Сарианиди принадлежит целостная теория сложения БМАК, на которой необходимо остановиться. В центре его внимания были в первую очередь архитектурные сооружения, погребения с богатым инвентарем и вещи, облик которых свидетельствовал о происхождении с отдаленных и, реже, относительно близких территорий. Он полагал, что создателями и распространителями комплекса были арийцы, расселившиеся через «опорные территории» – «арийское государство» Митанни, Аккадское государство и древний Элам, где он обнаруживал следы пребывания этих племен.

Об этом В. И. Сарианиди писал во многих работах, начиная с публикации результатов обследований памятников долины Мургаба¹, за которой последовало множество других. С течением времени его позиция укрепля-

¹ Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990а. С. 90–102.

лась не только благодаря собственным исследованиям, но и предположениям немногих лингвистов, склонявшихся к концепции переднеазиатской прародины индоевропейцев и путей их миграций, в частности, Вяч. Вс. Иванова (они вызвали в свое время редкие для нашего научного сообщества бурные обсуждения).

Анализ идей и методов интерпретации памятников, обнаруженных В. И. Сарияниди, принадлежит относительно немногим археологам, историкам и лингвистам. (Следует упомянуть дискуссию² на страницах журнала «Вестник древней истории»). В то же время большое число отечественных и зарубежных археологов обращаются к результатам его раскопок как к источникам материалов для собственных исследований. Тогда, в 1989 г., В. И. Сарияниди встретил непониманием реакцию оппонентов на идею «протозороастризма» и связанных с ней сюжетов. Между тем вопросы и замечания сопровождались вполне естественными комплиментарными заявлениями: новизна добытых им данных и перспективность их изучения были очевидны. К сожалению, в «стране Маргуш» остался недоисследованным «храмовый комплекс Тоголок 21»; его культурно-историческая интерпретация, будем надеяться, впереди.

Особое место в осмыслении памятников БМАК, или цивилизации Окса, занимают работы А.-П. Франкфора. В статье, обобщающей результаты многолетних исследований разных авторов, он и его соавтор Кс. Трэмблей указывают на обширность зоны распространения материалов БМАК³. А.-П. Франкфор замечает, что эта зона не находилась на «краю света»: от Хорасана до Бадахшана и

² Сарияниди В. И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема происхождения зороастризма // ВДИ, № 1, 1989. С. 152–169; Сарияниди В. И. Зороастрийская проблема в свете новейших археологических открытий // ВДИ. № 2, 1989. С. 178–181.

³ Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus.

от Самарканда до Годари-Шаха (Систан) больше 1000 км, но это не более, чем между Уром и Сабзеваром (Нишапур) и Уром и Керманом, а связи между Уром и указанными иранскими областями хорошо обоснованы⁴. Обширность этой зоны требует осмысления и не представляет легкой задачи.

Отечественные археологи установили, что материалы БМАК встречаются между Андхоем и Меймене и в долине Ширин Тагао в Давлетабадском оазисе у Балха⁵. А.-П. Франкфор подчеркивает важность обнаружения материалов энеолитического времени на Великом Хорасанском пути, связывавшем Верхнюю и Нижнюю Месопотамию с сиро-анатолийским миром в то время, когда формировались основы «цивилизации Окса»⁶. Таким образом, уже в энеолите территория БМАК не была удалена от путей обменов. Примечательно, что в памятниках раннединастической Месопотамии зафиксированы находки лазурита и олова. По предположению А.-П. Франкфора, будущие исследования в Хорасане, в Бактрии и далее до Согда могут дать новые сведения, которые позволят скорректировать представления о регионе к северу от предгорий Копет Дага как о центре всей «центральноазиатской протоистории», существование которой относится ко времени Намазга III–VI. Не исключено, что регион с его большими южнотуркменистанскими дepe, представлен в контексте таких исследований, как «деревья, скрывающие лес». Более значимой в таком случае окажется ось Великого Хорасанского пути, пролегающая между предгорьями Копет Дага и северной границей пустыни Даште-Кевир⁷.

⁴ Ibid. P. 107–108.

⁵ Ibid. P. 111.

⁶ Ibid. P. 112.

⁷ Ibid. P. 111–112.

Территориальный диапазон распространения находок БМАК заставляет обратиться к идеям П. Амье об общности «Внешнего Ирана» – культур, обрамляющих Иранское плато⁸. Он обратил внимание на сходства в культуре их верхнего, элитарного слоя, которые указывают на существование некоего культурного «койнэ» – общего языка, объединявшего его носителей. К материальному выражению этого койнэ он относил изделия из ценившихся минералов и металлов, предметы вооружения, украшения.

Т. е. общими чертами обладают именно те вещи, которыми, по мнению В. И. Сарианиди, отмечен путь продвижения создателей БМАК с запада на восток. В то же время роль в генезисе БМАК низовой культуры, которой обладали и носители южнотуркменской анауской, он считал незначительной. Между тем общность Внешнего Ирана начала складываться в середине III тыс. до н. э., когда формировалась БМАК, а до этого здесь долгое время существовали своеобразные локальные образования. Одним из них была анауская культура, заслуживающая особого внимания в контексте нашего исследования.

⁸ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 171.

АНАУСКАЯ КУЛЬТУРА И БМАК

Как известно, оседлые земледельцы долго сохраняют привязанность к своей земле, крайне неохотно и лишь под давлением чрезвычайных обстоятельств ее оставляют. Анауская культура юга Туркменистана – одна из наиболее изученных раннеземледельческих культур Востока. Ее исследование началось в конце XIX – начале XX вв. Не ставя целью дать подробный очерк истории раскопок, упомянем лишь некоторые работы (более полную картину можно найти во многих статьях в частности, в статье М. Този и Б. Черазетти¹).

Одними из первых были раскопки Р. Пампелли холма Анау в самом начале XX в. неподалеку от Ашхабада. Тогда была определена стратиграфия этого ставшего эпонимным поселения культуры, уточненная Б. А. Куфтиным в 1952 г. на основании исследований Намазга-депе (мощность культурного слоя последнего составила 30 м). Была создана принятая до сих пор периодизация: выделены периоды Намазга I–VI эпохи энеолита – бронзы. Но история обживания подгорной полосы Копет Дага восходит к еще более раннему времени, к неолиту, к которому относятся памятники Джейтунской культуры. Исследования поселений первобытных земледельцев обобщены в монографии В. М. Массона², в которой они были введены в контекст известных к тому времени раннеземледельческих культур Востока.

Материалы раскопок многочисленных памятников анауской культуры позволяют проследить преемственность развития от энеолита до эпохи бронзы включительно.

¹ Tosi M., Cerasetti B. Once upon time... a Brief reflections on the history of «The Archaeological Map of the Murghab Delta (AMMD)» Project in relation to the Fundamental Role of V. I. Sarianidi // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб, 2010. С. 86–102.

² Массон В. М. Средняя Азия и древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.

Рассматривая данные в синхронном и диахронном плане, можно выйти на общую задачу – попытаться выявить характерные признаки облика культуры обширного региона. Существовая на протяжении нескольких тысячелетий, она сохраняла преемственность и обогащалась новыми чертами благодаря внутренним импульсам и воспринимаемым инокультурным явлениям. Представляется, что признание преемственности – важная исходная позиция в понимании путей развития культур обитателей юга Туркменистана, как анауской, так и БМАК.

Говоря о генезисе БМАК, неизбежно приходится обращаться к проблеме передвижений оседлых земледельцев и об их взаимоотношениях с местным населением, в том числе о возможности его вытеснения пришельцами. В связи с этим И. М. Дьяконов писал, что вытеснение могло иметь место только в условиях численного и материально-культурного превосходства пришельцев: «Трудно представить себе, например, чтобы древнейшие индоевропейцы шли, как танк, по Европе и Азии, сметая местное население. Недаром антропологически современные индийцы-арийцы практически неотличимы от их предшественников (видимо, дравидов), создавших культуру Мохенджо-Даро. На самом деле происходит не вытеснение, а слияние этносов может сохраниться и (редко) даже весь комплекс материальной культуры, но сменится язык»³. Субстратные явления в культуре сохраняются и в случае прихода нового этноса.

При рассмотрении материалов анауской культуры энеолитического времени, при сравнении их с позднейшими, относящимися к эпохе бронзы, обнаруживаются явные признаки трансформации устойчивых конфигураций местных традиций. Эту преемственность целесообразно проследить не с самого начала энеолита, а

³ Дьяконов И. М. Алародии II: Прародина европейцев: по поводу книги Е. Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?» // ВДИ, № 1, 1995. С. 124.

с периода среднего энеолита, Намазга II, когда облик культуры вырисовывается достаточно определенно, о чем позволяют судить в первую очередь сосуды из глины. Лепная керамика простых форм украшалась фризами из геометрических узоров (включающих иногда схематичные изображения растения и антропоморфную фигуру). Исследователи указывали на некоторое сходство керамических орнаментов с бытовавшими в Месопотамии и Юго-Западном Иране⁴. Антропоморфная пластика представлена условными фигурками сидящих женских существ с тяжелыми формами. Относительная однородность и простота вещей указывает на то, что обитатели подгорной полосы Копет Дага общались в основном между собой и с соседними соседями. Скорее всего, доминировали внутренние связи в пределах семейно-родовых общин и между ними. Их члены довольствовались благами существования, которые они получали благодаря земледелию с примитивной ирригацией. Металлические изделия очень редки.

Единичные находки мелких изделий из лазурита тем не менее указывают на некоторое участие в отдаленных контактах (вряд ли могли существовать другие источники лазурита, кроме бадахшанских). Во время Намазга I – раннего Намазга III (середина V – первые две трети IV тыс. до н. э.) признаки изменений накапливаются медленно, что предполагает доминирование внутренних процессов.

Культура эпохи НМЗ III (последняя треть IV – начало III тыс. до н. э.) отмечена существенными переменами. Важный их индикатор – появление орнаментики так называемого геоксюрского стиля – черно-красных геометрических узоров. Они составляли фризы, в которых доминирующее положение занимали крестообразные мотивы и их модификации. Встречаются также изображения козлов и антропоморфных существ. Своеобразна орнаментика

⁴ Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.: Л., 1966. С. 126–127.

карадепинского типа, характеризующаяся наряду с геометрическими мотивами изображениями не только козлов, но и пятнистых хищников, хищных птиц с простертыми крыльями и крупных нехищных птиц. Аналогии орнаментальным мотивам обнаруживали в Сялке III 4–7, Гиссаре IV–IIA, Фарсе и т. д.⁵ Примечательно, что изображения этих же животных и птиц известны на печатях БМАК, и это вряд ли случайное совпадение, напротив, оно – свидетельство устойчивости образа мира.

Постоянная беда Южного Туркменистана – нехватка воды из-за скудости сезонных водотоков и миграции русел рек, а недостаток земли – следствие засоления почв. Это при естественном для земледельцев росте населения вызывало перемещения в поисках пригодных земель. Сосуды с орнаментами геоксюрского типа обнаружены в Саразме близ Пенджикента. На сисанском (Восточный Иран) поселении Шахри-Сохта в нижних горизонтах 20–30% расписной керамики обнаруживают сходство с геоксюрской, а также кветтской (Белуджистан).

Существенно меняется антропоморфная пластика: распространяются сидящие, реже стоящие фигурки стройных женщин и мужчин с широкими плечами и сложенными на животе руками. На нескольких поселениях найдены фрагменты фигурок; это так называемые «головки воинов» в шлемах с выпущенной косой; трактовка деталей позволила предположить, что их оттискивали в формочках. Высказывали мнение, что ряд признаков мужских фигурок указывает на влияние со стороны обитателей Западного Ирана и убейдской культуры Южной Месопотамии⁶ или

⁵ Masson V. M., Sarianidi V. I. *Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids* // *Ancient Peoples and Places*, Vol. 79. London: Thames and Hudson, 1972. P. 76, 84.

⁶ Хлопин И. Н. К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана: (по материалам ЮТАКЭ 1956–1957 гг.) // *Труды ЮТАКЭ*. Т. X. Л.; Массон В. М. Восточные параллели убейдской культуры // *КСИА*, 1962. Вып. 91.

более позднего времени из того же региона⁷. Возможно, возрастает социальная роль мужчин, что могло быть следствием усложнения форм деятельности, необходимостью освоения новых территорий, новыми явлениями в ремесле. О росте ремесленной специализации свидетельствуют данные погребений в некрополе систанского Шахри-Сохта. В этом поселении найдены оттиски печатей-штампов в том числе с признаками протоэламских элементов (см. ниже).

Симптоматично, что именно к позднему энеолиту относятся первые находки печатей на Алтын-депе. Их делали из обожженной глины. Известны их оттиски с рельефным изображением креста⁸. Предполагается, что печати служили амулетами, но, вероятно, еще и знаками собственности. В одном из дворов на Алтын-депе было обнаружено зернохранилище, которое могло вмещать до 30 т зерна – годовой запас группы семей. Здесь же найдены глиняные буллы с оттисками печатей и веревок⁹.

Время позднего энеолита анауской культуры – эпоха интенсивных контактов на территориях, которые П. Амье назвал Внешним Ираном. Культуры их обитателей объединяли отношения обмена и общность исторических судеб. Они располагались на северо-западе, юге и востоке Ирана, юге Афганистана и Туркменистана. Их ускоренное развитие по сравнению с предшествующим временем было стимулировано становлением городской цивилизации на юге Месопотамии и в Сузиане, когда имела место урукская

⁷ Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977. С. 75.

⁸ Кирчо Л. Б. Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе // СА, № 3, М.: Наука, 1990. С. 176.

⁹ Кирчо Л. Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М.: Старый сад, 2004. С. 147–148.

экспансия, а влияние протоэламской цивилизации распространялось до Шахри-Сохта.

Традиции позднего энеолита продолжались в эпоху ранней бронзы, НМЗ IV (2900–2300 гг. до н. э.). Люди опять были вынуждены переселяться. В долине Теджена известно единственное поселение этого времени. В районе Ашхабада и западнее прослеживается появление новых элементов в керамике, близких зафиксированным в долине Горгана (Тепе Гиссар, Шах Тепе). Не исключено, что уже ощущается приближение широкомасштабного иссушения климата.

Важный индикатор преемственности – керамика, которая продолжает позднеэнеолитические традиции¹⁰, но появление гончарного круга ведет к существенным переменам. Измельчается традиционный орнамент, который в конце концов исчезает. Одновременно формы сосудов становятся разнообразнее и изысканнее – свидетельство того, какое место в культуре принадлежало этой категории вещей. Значимость сосудов – вместилищ – в образе мира была чрезвычайно высокой. Ценность сосуда, как и статус его владельца, прежде определял орнамент, а теперь его место заняла форма. Скоро кроме традиционного материала – глины – престижные вместилища стали делать из камня и металла.

Раскопки Алтын-депе показали, что в ранней бронзе сохраняются старые традиции жилой застройки, но появляется и анфиладное размещение трех помещений и двора вдоль них, существовавшее затем в средней бронзе. Следуя такому плану, сооружаются и некоторые погребальные камеры. В них хоронили членов малых семей двух-трех поколений. Наряду с ними бытовали и погребения в ямах¹¹.

¹⁰ Там же. С. 156–158.

¹¹ Там же. С. 151–153.

По наблюдениям археологов, среди семей, населявших квартал, одна занимала особое положение. Ее члены совершали ритуалы в помещениях со своеобразными очагами и нишами в стенах. Это свидетельствует и о продолжении позднеэнеолитических традиций, столь выразительно проявившихся в соседнем с Алтын-депе Илгынлы-депе. На двух последних поселениях найдены признаки ритуальных захоронений сожженных «парадных помещений»¹².

Наряду с совершенствованием керамического и металлургического производств, обработки камня, явны признаки развития обмена. Глиняные фигурки верблюдов свидетельствуют об одомашнивании этих животных в конце ранней бронзы¹³. Значение верблюдов в жизни людей Востока невозможно преувеличить.

Явления, зафиксированные в ранней бронзе, привели затем к формированию, по определению В. М. Массона, «протогородской цивилизации Алтын-депе» периода НамазгаV (конец III – начало I тыс. до н. э.). Это время представляет особый интерес как в контексте трансформаций анауской культуры, так и в связи с формированием БМАК. В. М. Массон, в течение многих лет возглавлявший экспедицию на Алтын-депе, поставил задачу – реконструировать культуру в регионе, удаленном от первых цивилизаций, но следовавшей по тому же пути.

В. М. Массон при интерпретации обнаруженных его экспедициями данных использовал изыскания зарубежных исследователей. В то же время он исходил из марксистских построений возникновения раннеклассового общества и соответствующих государственных образований. Археоло-

¹² Соловьева Н. Ф. Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Илгынлы-депе): автореферат дисс. кандидата исторических наук. СПб., 2005. 32 с.

¹³ Кирчо Л. Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации... С. 154.

гически выявляемыми признаками цивилизации он полагал основную «триаду» (№ 1–3), дополняемую другими признаками (№ 4–5).

1. Существование крупных «населенных центров» – городов.

2. Существование монументальной культовой или светской архитектуры.

3. Наличие свидетельств высокого «производственного потенциала».

4. Высокий уровень социальной дифференциации.

5. Наличие памятников письменности.

Исходя из свидетельств сложения древневосточных цивилизаций и «цивилизации Алтын-депе», он установил, что «Сложение культурного комплекса цивилизации происходит не сразу, и нередко мы наблюдаем, как в формирующихся цивилизациях представлены еще не все элементы, показательные для более высокой ступени развития»¹⁴. Очевидно, В. М. Массон имел в виду отсутствие письменности на Алтын-депе. Это заключение важно для понимания трансформаций культур бронзового века юга Туркменистана: и в БМАК до настоящего момента так и не удалось обнаружить признаки существования письменности у местного населения.

Поселение на месте Алтын-депе существовало с энеолитического времени (конец V – начало IV тыс. до н. э.); общая мощность культурного слоя около 30 м. Его общая площадь в поздний период существования – 46 га. Прослежено, что обжитое пространство заметно увеличилось в позднем энеолите; тогда, в геоксюрское время, оно достигало предположительно 20 га. В. М. Массон замечает, что развитие культуры на юге Туркменистана было относительно замедленным из-за ограниченности водных ресур-

¹⁴ Массон В. М. Цивилизация древневосточного типа на юге Средней Азии // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1975. М., 1976. С. 431.

сов. Это в условиях наступления засушливого периода в конце III тыс. до н. э. привело к запустению поселений подгорной полосы Копет Дага.

В. М. Массон разделил застройку верхнего слоя Алтын-депе (НМЗ V) на три разновидности в зависимости от размеров жилищ и организации жилого пространства, а также особенностей их планировки и благоустройства. Он пришел к выводу, что обитатели образовывали три социальные группы, выделенные на основании размеров жилищ, имущественного статуса (отражавшегося в погребальном инвентаре), а также особенностей пищевого рациона¹⁵. Жилые помещения группировались в многоквартирные массивы. На окраине были сосредоточены керамические горны. Особое место занимал монументальный культовый комплекс («зиккурат»), а также предполагаемое жилище социально выдвинутых лиц и особый погребальный комплекс. Таким образом, вырисовывалась картина «общества древневосточного типа»: его составляли рядовые общинники, зажиточные горожане и знать.

Особого внимания заслуживает погребальный комплекс. В определенной мере его планировка напоминает погребения поры ранней бронзы. Он состоит из длинного коридорообразного помещения и еще пяти, «расположенных анфиладой вдоль него»¹⁶. Из коридора попадали в своеобразный вестибюль, за которым находилось «святилище». В его центре располагался очаг-подиум и сосуды для возлияний. У северной стены был прямоугольный «алтарь» с деревянным настилом. На нем и под ним обнаружен скелет человека, а также разрозненные кости и отдельные черепа, в том числе череп мужчины 60–70 лет. На «алтаре» найдены бусы из лазурита и слоновой кости (возможно, ими была расшита ткань, покрывавшая «алтарь»). В северо-

¹⁵ Массон В. М. Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. С. 96–108.

¹⁶ Там же. С. 74–80.

восточном углу «святилища» лежал скелет без черепа. В проходе найдены рога муфлона, первоначально, возможно, укрепленные над ним.

В северо-западном углу находились крупные шлифованные каменные предметы – «гирия», «миниатюрная колонка», каменные «жезлы» (прямой с косо срезанным основанием и короткий с вздутием посередине), а также овальные серебряные бляхи, бусы из лазурита, бирюзы, сердолика, агата и золота, лазуритовая печать и золотые головки быка и волка. Головки отлиты из золота, детали проработаны дополнительно. Рога и уши быка вставные, из серебряной проволоки и золотой фольги. Полулунная вставка на лбу и вставки в глаза – из бирюзы. Уплощенная морда быка с ноздрями и прямым ртом выполнена условно. Здесь же обнаружена плакетка из серого камня с белыми вставками в виде крестообразной и полулунной фигур, разделенных двумя белыми полосками.

В следующем помещении, почти без находок, на полу был большой очаг, предположительно для очистительного огня. Следующее помещение служило погребальной камерой, обычной в погребениях на Алтын-депе. При помещении новых останков накопившиеся кости сдвигали, и только последний костяк сохранил анатомический порядок. Были определены останки 11 человек, у трех черепа были отделены и находились в стенных нишах. Наконец, в последнем помещении останки сдвинуты в угол. Рядом был небольшой сосудик для возлияний. В ходе ритуалов и по мере накопления останков их перемещали из «святилища» в «гробницу», а затем в последнее помещение. Всего в погребении выявлены останки почти 15 женщин, 12 мужчин и 3 детей старше шести лет (не исключено, что их было больше). Максимальный возраст – 35–40 лет, но под «алтарем» был похоронен старец 60–70 лет¹⁷.

¹⁷ Там же. С. 80.

Значение этого погребального комплекса представляется недооцененным в связи с осмыслением генезиса «царских» захоронений Гонур Депе. Погребения ранней бронзы и более поздняя гробница на Алтын-депе не привлекли в этой связи внимание В. И. Сарияниди и его коллег. Автор настоящей работы берет на себя смелость предположить, что особенности гробниц из нескольких помещений и коридором на Алтын-депе могут указывать направление поисков предшественников планировки таинственных «царских» захоронений Гонура.

Расположение этой гробницы рядом с «зиккуратом» привело В. М. Массона к выводу, что она заключала останки членов жреческой общины, «связанной с обслуживанием культового центра Алтын-депе». Сам же культовый комплекс, судя по головке быка – аналога символа шумерского лунного божества Нанны-Сина – был, видимо, посвящен его «южнотуркменистанскому варианту»¹⁸.

Все особенности Алтын-депе, по мнению В. М. Массона, позволяют отнести его к числу первых городов. Признаком существования письменности, однако, найти не удалось. Знаки, наносившиеся на статуэтки, при их сходстве с месопотамскими, все же не могут рассматриваться как письменные. Есть убедительные основания возводить их к орнаментальным мотивам – условным изображениям, при помощи которых отображались основные параметры образа мира.

В. М. Массон пришел к выводу, что урбанизация на поселениях, в сущности, так называемого Внешнего Ирана, согласно П. Амье, происходила не благодаря «месопотамской диффузии, а в первую очередь является результатом внутреннего процесса... на основе эксплуатации местных ресурсов и роста населения»¹⁹. Его мало интересовали при-

¹⁸ Массон В. М. Цивилизация древневосточного типа на юге Средней Азии. С. 436.

¹⁹ Там же. С. 443.

знаки обмена/торговли на далекие расстояния – привозная слоновая кость, минералы. Из этих материалов изготавливали украшения и престижные вещи. Между тем юг Туркменистана находился в небольшом отдалении от Великого Хорасанского Пути, по которому осуществлялись связи между Месопотамией, Сирией и другими странами Востока. Вряд ли Копет Даг служил серьезной преградой контактам. Не следует упускать из внимания одомашнивание верблюда: потребность в этом замечательном животном явно ощущалась.

Исследовательская процедура В. М. Массона была внимательно рассмотрена Ю. Е. Березкиным. В результате он пришел к иным заключениям о структуре общества обитателей Алтын-депе. Так, он обратил внимание на специфический облик представителей «знати» и «зажиточных горожан», в частности, потому, что в их жилищах встречаются признаки производственной деятельности. В то же время «ремесленное производство в богатых домохозяйствах могло иметь свои организационные и функциональные особенности»²⁰. Нечеткость границ между выделенными В. М. Массоном группами заставила Ю. Е. Березкина сделать заключение о высоком социальном положении ремесленников Алтын-депе. В названии одной из своих статей он именует его «городом мастеров»²¹.

Ю. Е. Березкину принадлежит наблюдение, важное для понимания особенностей социального развития обитателей Алтын-депе – архаизм их верований: они сохранили «полную преемственность... с конца IV тыс. до н. э. вплоть до периода Намазга V включительно»²². Материальные свидетельства их остаются почти неизменными – это глиняные статуэтки мифических покровителей: до 5%

²⁰ Березкин Ю. Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии... С. 28.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 33.

мужские, остальные – женские. Известны еще фрагменты керамических моделей повозок, назначение которых не известно. Примечательно существование керамических коробочек, стенки которых декорированы традиционными крестообразными фигурами. В погребениях Гонура обнаружены вместилища, именуемые «реликвариями». Может быть, эти вместилища предназначались для хранения священных вещей и происходили от «коробочек» типа алтынских. Происхождение же маргианских женских и мужских фигурок от анауских (несмотря на появление новых черт, что естественно) не вызывает сомнений. Ю. Е. Березкин полагает, что традиционно сохраняющееся почитание семейно-родовых предков отрицает возможность существования на Алтыне жречества, т. е. корпорации служителей божеств.

Аналогичную ситуацию отмечали исследователи Шахри-Сохта – систанского поселения, в котором значительная часть жителей занималась ремеслом, при этом некоторые занимали более высокое, чем прочие, положение. Технический уровень производства в обоих поселениях практически не различается. Возникает вопрос – в чем причина отличий Шахри-Сохта от Алтын-депе. Шахри-Сохта производит впечатление большего богатства погребений и сложности жилых построек, что отмечает Ю. Е. Березкин. В то же время в обоих поселениях мало массивных изделий из драгоценных металлов, нет оружия и «предметов искусства»²³. Это, с его точки зрения, является решающими показателями интенсивности развития, накопления богатств и военных столкновений. Накоплением богатств отличается общество Гонур Деде. Это поселение отмечено многочисленностью свидетельств отдаленных торговых контактов, а также высокоразвитым ремеслом.

²³ Там же. С. 32.

Памятники анауской культуры – формы погребений и погребальные обряды, антропоморфная пластика, орнаментальные мотивы, предметы, фиксирующие и передающие существенные стороны образа мира, керамика и т. д., продолжают бытовать в БМАК. Это и ряд других моментов позволяет заключить, что культура населения юга Туркменистана несмотря на пережитые катаклизмы сохраняла по крайней мере на низовом уровне немалую преемственность, хотя перемены затронули и ее.

Южный Туркменистан – более отдаленная территория от Месопотамии и соседней с ней Сузианы. Это обстоятельство, как и ограниченность возможностей сельского хозяйства, определяли медленность развития. В отличие от нее систанский Шахри-Сохта находился в ином положении: это крайний пункт протоэламского воздействия. Здесь ощущалась близость городской цивилизации. Постоянная потребность в отсутствующих ресурсах способствовала развитию обмена с окраинными сообществами.

Наступление ксеротермического максимума в конце III тыс. до н. э. сказалось на жизни Центральной Азии от Гиссара до Алтына и севера Афганистана. Как воспринимали люди природное бедствие – было ли оно быстрым или постепенным – трудно судить. Можно лишь предполагать, что крестьянские сообщества переносили его легче, чем обитатели поселений, переживших нечто вроде «городской революции». Да и происходила ли она на этой периферии, где сложились, по мнению В. М. Массона, «цивилизации второго порядка»?

Что же отличает первые города Месопотамии поры городской революции от Алтын-депе и подобных ему поселений эпохи средней бронзы? Города Месопотамии возникли почти на 1000 лет раньше того, что зафиксировано в верхнем слое Алтын-депе. Культурное влияние сложившейся в результате городской революции урукской цивилизации и затем Аккадского царства было огромным.

«Алтынское» общество было иным, в силу многих причин оно не переживало городской революции. Это культура, характерная по ряду признаков для других, входивших в сообщество, названное П. Амье Внешним Ираном. Она – одно из периферийных образований этого сообщества, отличительные особенности которых множились с течением времени, в ходе исторического развития.

Говоря об урукской цивилизации, П. Амье вслед за исследователями Южной Месопотамии заметил, что принятие решений в городах-государствах сосредоточено, по крайней мере на трех уровнях – в столице, в меньших поселениях и в деревнях. Он присоединяется к исследователям, считающим, что иерархически менее сложные образования относятся к категории вождеств.

ИРАН

Существование архаического государства в Сузах I предполагают в пору раннего Урука (начало IV тыс. до н. э.). Сузы испытали влияние урукской цивилизации, хотя город был независимым центром. Здесь обнаружены свидетельства существования властных институтов, накопления излишков, торговли. В Сузах к концу урукского периода – началу Джемдет-Насра относят признаки протоэламской культуры¹. Присвоенное ей наименование указывает, что она предшествовала началу формирования исторического эламского единства. Сузиана не была единственной колыбелью новой цивилизации: часть ее территории входила в зону урукской экспансии. Обитатели Месопотамии в поисках металлов и минералов стремились не только вверх по Евфрату, но и на Плато через восточную оконечность родной для них низменности.

Протоэламская цивилизация – сложное образование, ее природу представляют как двойную: сузианскую и горную. В целом она отмечена явлениями, присущими городской революции и горскому элементу с характерными особенностями культуры; в горах обитали носители эламского языка². Эта «двусоставность» отмечается как важнейшая особенность: «Решающим для истории и культуры Элама было сочетание равнинного и горного ландшафтов – Шушуна и Аншана. В этом было его преимущество перед соседней равнинной Месопотамией. Развитие культуры Аншана зависело от богатств эламского горного края. Отсюда шумеры и вавилоняне получали благодаря торговле или военным походам строительный материал, разные руды... полудрагоценные камни»³.

¹ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 91.

² Ibid. P. 91–92.

³ Хинц В. Государство Элам / Пер. с нем. Л. Л. Шохиной. М.: Наука, 1977. С. 16–17.

Сходные с урукскими сузианские материалы зафиксированы на Плато в Сялке, Годин-тепе и других⁴. Территории, куда проникали обитатели равнин, были разнородными в экологическом и этническом отношении. В предгорьях практиковалось отгонное скотоводство. Пришельцы с равнинных частей могли жить обособленно от местных жителей или поддерживать с ними тесные связи.

Взаимодействие горских и равнинных культур прослеживается, в частности, по данным глиптики. Так, редкие цилиндрические печати Западного Ирана имели изображения, близкие наносившимся на штампы доисторического Луристана и Суз I. Свидетельствами существования вождей-жрецов являются изображения «гениев» с головой горного барана и в «горских» сапогах с загнутыми носками; известны две металлические фигурки таких мифических существ. В Сузиане его место занял «царь-жрец», образ которого близок изображениям антропоморфных божеств⁵.

В Фарсе исследовано поселение Телль Мальян – эламский Аншан. Демографический взрыв привел здесь к росту числа деревень и истощению земель. В результате возникла необходимость перехода к пастушескому скотоводству. В период Банеш (3500–2800 гг. до н. э.), одновременно Позднему Уруку, в регионе Телль Мальяна зафиксировано около 30 деревень. Существовало гончарное ремесло; в одном поселении было производство сосудов из травертина. Вероятно, продукты, производимые номадами, обменивались на производимое земледельцами. Крупное поселение Мальян (площадь около 25 га, население ок. 4000 человек) окружено пятью агломерациями, некоторые поселения имели укрепления.

На самом Мальяне обнаружены постройки особого назначения. Стены одной из них в слое III были покрыты

⁴ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 69–72.

⁵ Ibid. P. 73; Антонова Е. В. Антропоморфный персонаж на печатях Месопотамии и Ирана // ВДИ, № 2, 1991. С. 3–17.

росписями красной, желтой и черной красками. Орнаментальные композиции составляли из цветочных и крестообразных мотивов. Последние характерны для росписи керамических сосудов, они известны на поселениях от систанского Шахри-Сохта до Туркменистана. В этой явно особой постройке найдены глиняные таблички с протоэламскими цифровыми знаками и оттисками печатей с анималистическими и геометрическими изображениями. В более позднем слое II над этим сооружением было построено другое, более обширное. Оно было двухэтажным, на нижнем этаже находился склад со стоящими в ряд крупными сосудами для хранения и протоэламскими табличками⁶.

Для темы нашего исследования особый интерес представляет систанское Шахри-Сохта – одно из поселений обширного региона, обитатели которого самой природой были предназначены для участия в целой сети взаимосвязей. Расстояния между древними дельтами текущих с Гиндукуша и Копет Дага рек были небольшими. До одомашнивания в III тыс. до н. э. верблюда все коммуникации осуществлялись только силами людей. Шахри-Сохта – одно из самых больших поселений в долине Гильменда. О нем мы уже говорили в связи с продвижением на юг групп носителей анауской культуры периода НМЗ III, признаком которых был характерный орнамент геоксюрского типа. П. Амье отметил совпадение этого движения с подъемом протоэламского единства и движением людей – носителей культуры с характерными для нее признаками – не только в Систан, но и в Керман⁷. П. Амье полагал, что распространение «замечательно гомогенной» керамики геоксюрского типа позволяет определить контуры культурной общности, особенности которой тем не менее трудно представить.

⁶ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 106–107.

⁷ Ibid. P. 114.

Конечно, он прав в том, что в Туркмении эта общность была более архаичной, чем в протоэламском Иране и Месопотамии с их урбанизацией⁸.

Присутствие «протоэламитов» в Шахри-Сохта ограничивалось верхним уровнем их «цивилизации»; оно проявилось в глиптике. Найдена также табличка с цифровыми знаками и стертым оттиском печати. На оттисках цилиндрических печатей обнаружены изображения грифонов (комбинация тел льва и птицы, рот существа напоминает рыбий), близких известным в Сузах. Другой оттиск несет более примитивное изображение: четвероногое животное с обвившейся вокруг него змеей и, возможно, птица⁹.

Хозяйство обитателей опиралось на местные ресурсы, они были вовлечены в обмены на далекие расстояния. Максимум развития Шахри-Сохта относят к 2450–2100 гг. до н. э., когда площадь его могла достичь 80 га. Ремеслом занимались его обитатели и жители небольших окрестных поселений. На них, как и на Шахри-Сохта, работали гончары. На Шахри-Сохта занимались и изготовлением сосудов из кристаллического гипса («алебастра») и украшений из лазурита и бирюзы.

Обитатели Шахри-Сохта хоронили своих умерших в обособленном от жилой территории некрополе, где было исследовано около 200 погребений. В них были устроены не только одиночные, но и множественные захоронения¹⁰. М. Пиперно исследовал инвентарь погребений, состоявший из глиняных и каменных сосудов, украшений из бирюзы, лазурита, бронзы, золота и серебра, а также печатей-штампов и жертвенных приношений – козлят. Он пришел к заключению, что им выявлено существование

⁸ Ibid.

⁹ A Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. ill. 58,2.

¹⁰ Piperno M. Socio-economic Implications from the Graveyard of Shahr-i Sokhta // South Asian Archaeology 1977 / ed. by Taddei M., Vol.1, Naples, 1979. P. 123–139.

социальной структуры из трех групп, границы между которыми ему проследить не удалось. Тем не менее он обнаружил сходство этой структуры с выявленной В. М. Массоном на Алтын Деве. Напомним, что В. М. Массон в своем анализе основывался на данных о жилищах и погребениях. Он относил ремесленников к категории «бедняков», здесь же ситуация иная. Инвентарь погребений ремесленников по богатству занимает среднее положение. В то же время самые «богатые» захоронения не содержат признаков, которые предполагали бы существование жрецов и «теократического общества».

Приводившиеся М. Пиперно и его коллегами данные много лет назад были проанализированы автором настоящей работы¹¹. В основу подразделения был положен условный, но немаловажный признак – количество глиняных сосудов в погребениях, которое указывает на уровень благосостояния погребенного и число участников погребальной церемонии. В соответствии с этим признаком погребения разделились на две группы – с большим и незначительным числом сосудов¹². Помимо керамических, принималось во внимание количество каменных сосудов, а также бронзовых, золотых, бирюзовых и лазуритовых изделий.

«Богатые» по количеству и качеству инвентаря погребения принадлежат ремесленникам. В частности, в погребении № 12 обнаружено более 50 микропластин, орудия для полировки, бронзовый топорик и лазурит.

Другим крупным поселением, близким по материальной культуре к Шахри-Сохта, был расположенный к северо-востоку от него, около Кандагара, Мундигак. Его отличием были два сооружения, условно названные «дво-

¹¹ Антонова Е.В. Контакты Месопотамии с восточными землями в IV–III тысячелетиях до н. э. // *Азия – диалог цивилизаций*. СПб.: Гиперион, 1996. С. 221–226.

¹² Там же. С. 223.

рец» и «храм». Несмотря на названия (впрочем, в кавычках), у этих построек особым образом оформлены только фасады. Они позволяют говорить о претензии верхнего слоя на создание престижных архитектурных сооружений, фасады которых лишь маскируют примитивность внутренней планировки¹³.

Таким образом, в недрах по крайней мере некоторых культур Внешнего Ирана от анауской до Мундигака можно проследить сходные явления, которые в глазах археологов имеют немалое значение. Создается впечатление, что это имитации в предполагаемом верхнем слое обществ некоторых внешних форм быта элиты более «продвинутых» сообществ. На Алтын-депе – это создание «зиккурата» и особого погребального комплекса, на Шахри-Сохта – возведение какого-то двухэтажного здания, на Мундигаке – двух сооружений с особым образом оформленными фасадами. В этих культурах развивался обмен на далекие расстояния. В отличие от ситуации, которая открылась благодаря широким раскопкам в Сирии, где, по имеющимся сведениям, произошла «вторая городская революция», они ее не пережили.

¹³ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 184.

БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПАМЯТНИКИ РАВНИНЫ ГОРГАНА

По мнению П. Амье, культуры Бактрии и Маргианы – вершины развития культур Внешнего Ирана¹. К настоящему времени по степени изученности Маргиана значительно превосшла уровень данных, накопленных в Бактрии. Археологические исследования в древней дельте р. Мургаб предпринимались еще в 50-х годах прошлого века, но были относительно маломасштабными по сравнению с теми, которые развернулись здесь позже, в 70-х годах. Долина Мургаба именовалась Маргианой в античных текстах. В Бехистунской надписи упоминалась страна Маргуш. В 1972 г. начались исследования Маргианской экспедиции Института археологии АН СССР, позже РАН; позднее к ней присоединились археологи из Ашхабада. В разное время в раскопках принимали участие зарубежные археологи.

По данным обследований конца 80-х гг. прошлого века, на территории древней дельты Мургаба поселения группировались в оазисах дельтового веера реки; они получили названия Келлелийский, Таипский, Адам-Басанский, Аучинский, Гонурский, Тоголокский, Аджи-Куинский, Таипский, Тахирбайский. Исследования культурного слоя были затруднены из-за того, что отдельные участки оказались скрыты барханами, а в других случаях слой оказался разрушен эрозией. Первая монография, посвященная результатам исследований и пробным раскопкам, была опубликована В. И. Сарияниди². Тогда было обнаружено около 200 поселений оседлых земледельцев, в то время как

¹ Ibid. P. 213.

² Сарияниди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.

еще многие могли быть скрыты под наносами песка³. Действительно, согласно недавним сведениям, сейчас выявлено более 500 поселений⁴. Гонур Депе («Серый холм») – главный объект раскопок, продолжающихся до сих пор.

В. И. Сарианиди, как и другие исследователи, первоначально полагал, что на юге Туркменистана прослеживается преемственное развитие культур от неолитической Джейтунской до анауской энеолита–бронзового века периодов Намазга I–V. В 1976 г. он считал, что есть основания для предположения о происхождении первых поселенцев дельты Мургаба из юго-восточных предгорий Копет Дага, возможно, «даже с Алтын-депе». Об этом свидетельствовали антропоморфные фигурки и изображения на каменных печатях-амулетах⁵. Новые находки привели к изменению его точки зрения: появившиеся данные оказались настолько значительными, что вызвали корректировку прежней картины. В. И. Сарианиди пришел к заключению, что признаки культуры на Мургабе и в Афганистане имели мало общего даже с самым поздним этапом анауской культуры. Они были объединены под именем Бактрийско-Маргианского археологического комплекса⁶. Уже говорилось, что это сложное и обширное археологическое образование целесообразно именовать, как было предложено Е. Е. Кузьминой, культурой⁷.

Множество данных свидетельствуют о наступлении новой эпохи на юге Туркменистана. Масштабы перемен, вероятно, были обусловлены наступлением на Востоке

³ Там же. С. 5.

⁴ Дубова Н. А. Типы погребений Гонур Депе (Туркменистан) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник статей памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 327.

⁵ Сарианиди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля // СА, № 1, М.: Наука, 1976. С. 42.

⁶ Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. С.77.

⁷ Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М. – СПб. С. 47.

засушливого периода в конце III – начале II тыс. до н. э. Прекращается жизнь даже на крупных поселениях подгорной полосы Копет Дага. Признаки этих процессов особенно полно выявлены благодаря масштабным раскопкам Алтын-депе: здесь процветание резко оборвалось в пору Намазга V. Такое запустение отмечено на местах поселений Горганы Гиссарского региона относительно недалеко к западу и во многих областях Востока. Самые интенсивные исследования проводились в Маргиане в древней дельте полноводной реки, каким был Мургаб. Поселения того же культурного круга были выявлены на территории Узбекистана и в Афганистане, на территории южной Бактрии.

ЮЖНАЯ БАКТРИЯ

В Афганистане многие памятники стали известны прежде, чем в Маргиане. Деятельность грабителей имела катастрофические последствия для археологии этой страны: научным исследованиям предшествовало разорение многочисленных некрополей местным населением. Вещи, оказавшиеся в руках коллекционеров и любителей древностей в результате действий крестьян при безответственном попустительстве властей, были названы П. Амье «древностями-сиротами». Это точное определение: многочисленные вещи были вырваны из собственных, родных им контекстов. Часть их, к счастью, попала в музеи. В результате исследований вещей, оказавшихся в музейных собраниях, благодаря усилиям в первую очередь самого П. Амье и других «приемных родителей», удалось в какой-то степени восстановить историческую ситуацию бытия многих из них¹. Вместе с научными раскопками отечественных археологов в Афганистане и еще более продуктивными исследованиями в Маргиане они послужили основой реконструкции некоторых важных этапов древней истории Центральной Азии.

В северной части Афганистана между Амударьей и горами Гиндукуша и Памира лежит равнина, которая со времени возникновения державы Ахеменидов воспринималась завоевателями как чрезвычайно привлекательная. Здесь можно было заниматься ирригационным земледелием, горы были богаты ценными минералами; отсюда, из сатрапии Бактрии, персидские цари получали золото.

В начале 1970-х гг. Советско-Афганской археологической экспедицией были обнаружены многочисленные

¹ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 190–207.

поселения. Они располагались в четырех оазисах – Давлетабадском, Дашлинском (здесь выявлено наибольшее число поселений эпохи бронзы – 41), а также в Фарукабадском и Никчинском². Оазисы разделены пустыней и занимают площадь длиной 30 км, где было обнаружено более 60 поселений. Это в основном остатки небольших деревень, но известны и крепости, две из которых раскапывались.

Среди объектов исследований был и могильник. Он находился на месте «круглого здания» Дашлы 3. 92 погребения сохранились плохо. Скорченные костяки лежали на правом и левом боку головой на север. Инвентарь – керамические сосуды (от 1–2 до 15–20), иногда с костями мелкого скота. Металлические изделия – сосуды, зеркала, браслеты, булавки, кинжалы, вещи из камня – косметические флаконы, кремневые наконечники стрел, бусы. В двух случаях захоронены бараны до 1 года, на боку, головой на север. С Дашлы 18 и 19 территориально связаны могильники из нескольких сотен погребений, почти полностью разграбленных³.

Начиная с раскопок на севере Афганистана исследования БМАК стали главными в систематических археологических работах В. И. Сарияниди. Уже в книге 1990 г. он предпринял попытку определить место этой культуры среди других, соседних или относительно удаленных. Общими для Бактрии и Маргианы он считал следующие признаки: планировка построек Дашлы 3, Сапалли (Бактрия) и Келлели (Маргиана); элементы погребального обряда – преимущественно северная ориентировка умерших, существование погребений баранов; наличие амулетов мургабского стиля; наличие глиняных сосудов со скульптурными изображениями по венчику; аналогичные

² Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 / Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1977. С. 22.

³ Там же. С. 51–55.

каменные изделия – навершия булав с лентообразным узором, биконические бусы с узором в виде кружка с точкой внутри, косметические флаконы; металлические булавки с навершием в виде кулака; церемониальные топоры; алебастровые «вотивные» вазы на ножках; каменные сосуды в виде почки; каменные составные статуэтки; идентичный керамический комплекс⁴.

Примечательно, что в перечне критериев БМАК В. И. Сарияниди объединил вещи с индивидуальными признаками и целые категории вещей. Керамике не уделяется серьезного внимания. В частности, обращаясь к сопоставлению материалов разных памятников, он пишет: «Оставляя в стороне вопрос о керамике, обратимся к более характерным категориям изделий»⁵. Между тем, как хорошо известно археологам, особенно изучающим до- и бесписьменные культуры, именно керамические комплексы являются одним из основных показателей, позволяющих представить облик культуры и ее трансформации.

Скрупулезные исследования керамики Маргианы и Бактрии были осуществлены Л. Т. Пьянковой. Она заключила, что керамика наиболее ранних комплексов Маргианы имеет прямые аналогии в Алтын-депе, особенно в верхних слоях: «В целом можно констатировать, что керамическое производство Маргианы и Бактрии явилось результатом дальнейшего развития комплексов подгорной равнины Копет Дага, относимых ко времени Намазга V, и участие населения этого региона в формировании культуры бактрийско-маргианского археологического комплекса не вызывает никаких сомнений, хотя и не снимает всей сложности проблемы происхождения цивилизации в целом и ее широкого территориального распространения»⁶. И далее –

⁴ Сарияниди В. И. Древности страны Маргуш. С. 78–80.

⁵ Там же. С.79.

⁶ Пьянкова Л. Т. Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 19, 1994. С. 138–139.

важные замечания об аналогиях в керамике хараппы и постхараппы в выделяемом ею третьем хронологическом периоде всего комплекса. Первый период БМАК она относил к рубежу III–II тыс. до н. э., второй – к XVIII–XIV вв. до н. э., третий – к XIV–X вв. до н. э.⁷ Связи между комплексами керамики подгорной полосы и Маргианы прослежены Б. Н. Удеумуратовым⁸.

В. И. Сарияниди полагал, что главными показателями связей между культурами являются не керамические сосуды, а изделия из камня, медных сплавов, украшения (Тепе Гиссар, Шахдад, Белуджистан, Кветта, Мергар), на которых он сосредоточил внимание, отмечая керамические изделия лишь в особых случаях. К ним относятся серо- или чернолощенные сосуды из Гиссара, образцы которых встречались и в подгорной полосе Копет Дага. На этом основании В. И. Сарияниди выделил единую керамическую провинцию с центром в Восточном Иране, что соответствовало его представлениям о генезисе БМАК: «...создается впечатление, что племена, которые принесли с собой эту керамику, предположительно, из Восточного Ирана, не задержались в Южном Туркменистане и, оставив здесь лишь незначительные группы населения...», переместились в Маргиану⁹. В. И. Сарияниди предваряет предполагаемый вопрос оппонентов: были ли сходства в разных культурных образованиях результатом «простых» взаимных культурных контактов или прихода нового населения¹⁰? По его мнению, «простые» культурные контакты «перерастают в широкое племенное расселение» в начале II тыс. до н. э.¹¹

⁷ Там же. С. 144–146.

⁸ Удеумуратов Б. Н. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение / Отв. ред. В. М. Массон. Ашхабад: Ылым, 1993. 148 с.

⁹ Сарияниди В. И. Древности страны Маргуш. С. 84.

¹⁰ Там же. С. 87.

¹¹ Сарияниди В. И. Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. 340 с.

Н. И. Вавилов в ходе своих многочисленных путешествий при исследованиях происхождения и распространения культурных растений (их результатом явилась, в частности, коллекция растений, сохраненная сотрудниками во время ленинградской блокады) делал важные наблюдения о хозяйстве и культуре народов. Путешествуя по Афганистану, он отметил: «Современный естественноисторический и сельскохозяйственный облик районов Мазари-Шерифа, Ташкурмана, Шибармана, Андхоя, Ахчи, Меймене и всего Афганского Туркестана до Файзабада, включая Балх, свидетельствует о том, что в прошлом, как и в настоящем, здесь не было условий для создания длительной оседлой культуры... Вся область Афганского Туркестана представляет большой простор для кочевого и полукочевого хозяйства, с прекрасными пастбищами, с большой продукцией кормов... Все значение древней Бактрии сводится к ее центральному положению на великом торговом пути из Индии в Месопотамию, к изобилию дешевых кормов»¹².

В. И. Сарияниди описывал район расположения исследовавшихся советской экспедицией памятников на севере страны как пустынный, где участки такыров перемежались песчаными грядами. В древности, по его мнению, здесь существовали водотоки, позволявшие заниматься земледелием. Были обнаружены поселения двух типов – низкие расплывшиеся возвышения без следов укреплений. Внимание археологов привлекали более выразительные останки, например, состоящие из высокого холма-крепости и примыкающего к ней небольшого бугра¹³.

Главными объектами внимания советской экспедиции на севере Афганистана были холмы, облик которых позволял предполагать, что они скрывают руины мону-

¹² Вавилов Н. И. Пять континентов / Отв. ред. Л. Е. Родин. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1987. С. 46.

¹³ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977. С. 35–38.

ментальных сооружений. Но объектом раскопок стал и Дашлы 1, относительно небольшая крепость площадью 90×85 м¹⁴. По ее углам и по периметру стен были округлые башни. Раскопки на небольшой площади выявили жилую застройку и следы пожара. Это наблюдение, подкрепленное находками глиняных ядер для пращи, свидетельствует о совсем не мирной жизни людей. В. И. Сарианиди предположил, что в крепости находились жилища немногочисленных крупных патриархальных семей и сравнил их с современными деревушками и крепостцами рядом с ними. Маленькие крепости принадлежали семьям с относительно высоким уровнем благосостояния¹⁵.

Гораздо большее внимание было уделено крупным сооружениям. Одно из них – Дашлы 3, высокий холм с низким бугром рядом. Здесь и было исследовано «дворцово-культовое сооружение» общественного значения¹⁶. Комплекс настолько велик, что удалось раскопать лишь его четвертую часть. В центре его находились постройки, обнесенные кольцом помещений, образованном двумя рядами стен. В. И. Сарианиди назвал его «круглым храмом». С таким определением не был согласен П. Амье, предпочитавший не метафорические, а строгие определения. Называя его «псевдохрамом», он полагал, что обнаруженное в центре сооружение прямоугольного плана было подобно «сгоревшему зданию» Гиссара III. Относительно определения его функций у исследователей были разные мнения. П. Амье склонялся к признанию «круглого храма» Дашлы со всеми постройками резиденцией важного лица, которому принадлежали и располагавшиеся здесь склады¹⁷. Последние В. И. Сарианиди считал сакральными сооружениями.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 54.

¹⁶ Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. С. 34.

¹⁷ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 194.

Внешняя стена «круглого храма» имела девять квадратных выступов – «башен». Пространство образованного стенами коридора было разделено на помещения разного размера, которых, судя по плану, было около 20. Вход, вероятно, находился на севере; он вел во двор, занятый небольшими постройками разного плана. Внешний диаметр стены – около 80 м. Центральная постройка имела площадь около 154 кв. м с двумя входами в северной стене; ее стены были тщательно оштукатурены. Главными в ней были два прямоугольных помещения с еще тремя, обрамляющими их с севера, и одним с востока. В одном из них (площадью около 18 кв. м) в стенах сделаны две ниши, к одной стене пристроена суфа, в другом были суфа и очаг. На полу обнаружен слой золы с угольками и мелкими костями, а также ценная вещь – каменный сосуд в виде почки¹⁸.

Помимо этого здания, внутри располагались три постройки, не такие значительные, как центральная. Западная часть всего пространства занята тремя сооружениями явно особого назначения, которые В. И. Сарианиди называл «кельями». Подобные сооружения, в дальнейшем обнаруженные при раскопках в Маргиане, он рассматривал как сакральные. На Дашлы 3 – это расположенные в ряд узкие, открытые с одного торца помещения, площадью менее 10 кв. м каждая¹⁹. П. Амье интерпретировал их иначе, считая складами. Он напоминал, что подобные существовали в поселениях эпохи бронзы по всему Востоку до Крита²⁰.

«Круглый храм» был центром застройки, большую часть которой составляли многокомнатные жилища относительно нерегулярной планировки. Некоторые из них

¹⁸ Ibid. P. 34–36.

¹⁹ Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. С. 35.

²⁰ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 194.

имели подсобные конструкции, напоминающие «кельи», но меньшего размера²¹.

Неподалеку от «храма» было раскопано другое монументальное сооружение, условно названное «дворцом»²². Оно имело прямоугольные очертания и ориентировано углами по сторонам света; в центре находился двор. Общая площадь всего сооружения 84×88 м, площадь внутреннего двора 38×40 м²³. После периода существования «дворца» его место было занято жилыми и хозяйственными постройками, а еще позже здесь функционировала плавильная печь.

Центральный двор был обнесен двойной стеной, образующей коридорообразные помещения. Общий план сооружения отличается сложностью. Ко всем стенам пристроены узкие Т-образные помещения, образованные параллельными стенами. От углов сооружения под прямым углом отходили пары Г-образных коридоров, сообщавшихся с центральным двором. Стены всех помещений снабжены внутренними и внешними пилястрами, по всей вероятности, для их укрепления, что было необходимо при небольшой толщине стен. Входом во «дворец» служила прямоугольная постройка у южного угла, заключавшая три узких помещения, вероятно, с воротами.

Главный комплекс находился у юго-восточной стены двора. Он состоял из шести помещений. В двух из них были суфы и стенные ниши, в углах – ступенчатые выступы. Вдоль остальных стен располагались лишь второстепенные постройки, в то время как у северо-западной было «сооружение оригинальной планировки»²⁴. Это два ряда узких помещений, разделенных коридором. В одном ряду их

²¹ Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. С. 35, рис. 11.

²² Там же. С. 40–50.

²³ Там же. С. 41.

²⁴ Там же. С. 43.

было 10, в другом 12. Отсеки перекрыты «поставленными на ребро и наклоненными друг к другу кирпичами», образовывавшими как бы двускатную крышу. Внутри них находился мусор, кости животных и несколько сосудов. Сверху была сделана вымостка, возможно, являвшаяся полом здания. По предположению В. И. Сарияниди, таинственная конструкция могла предназначаться для обогрева помещения, хотя главный признак, а именно следы огня в ней, отсутствует. План этого сооружения напоминает «кельи», находившиеся в «храме», к которым мы еще обратимся.

Стены предположительно стоявшего наверху здания были облицованы алебастровыми плитками, фрагменты которых сохранились – они несли орнаменты, в том числе растительные. Возможно, здесь находились и фигуры быков, судя по уцелевшим фрагментам рогов.

«Дворец», как и «храм», П. Амье считал постройками, аналогичными ассирийским карумам, где купцы хранили свои товары²⁵. Узкие помещения он считал складскими и распространенными на всем Востоке до Крита. Согласно В. И. Сарияниди, это сакральные конструкции.

«Дворец» имеет признаки сооружения, предназначенного для обороны. Это своего рода крепость, доступ в которую старались затруднить различными способами. С точки зрения современного архитектора, они обладают признаками блестящего планировочного решения²⁶. Ложные входы могли служить ловушками для нападавших. На то, что возможности нападения в этой области были реальны, указывают найденные их следы на Дашлы 1 (см. выше). Нельзя исключать, что другая важная особенность «дворца» – двойные стены – служили не только их прочности: внутреннее пространство могло быть использовано для жилья. Так, например, в Библии сообщается,

²⁵ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 194.

²⁶ Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад: Культурный центр Посольства Исламской Республики Иран, 2003. С. 54.

что при завоевании Иерихона Иисусом Навином осаждавшие воспользовались помощью местной жительницы Раав, предательски впустившей их в город. Ее дом «был частью городской стены» (Нав. 2:15).

Своеобразная планировка во время сохранения мифопоэтического взгляда на мир могла служить не только практическим целям: она должна была соответствовать основополагающим чертам образа мира. М. Мамедов назвал планировку «дворца» «ковровой»²⁷, похожей на традиционные мотивы орнаментации туркменских ковров. Детали этой планировки выражены главным образом в гармоничном плане, который по большей части оказывался скрыт в видимом облике сооружения. Но это не должно было смущать создателей, целью которых было воплощение в конструкции сакрального образа мира.

Итак, гармония сооружения, с нашей точки зрения, заключена в планировке. Оно монументально и внешне, отличаясь от обычных жилых сооружений еще и элементами оформления фасадов. Постройки, выделяющиеся среди обычных жилых, были обнаружены и в других центральноазиатских поселениях, в частности, в афганском Мундигаке и на туркменском Алтын-депе с его предполагаемым «зиккуратом». П. Амье²⁸ полагал, что такие постройки мало соответствовали параметрам обществ, которые можно считать достигшими состояния государства. Подобные конструкции отражают лишь попытки местной элиты имитировать известные ей, существовавшие в более развитых социальных контекстах в Месопотамии и Эламе.

Хотя нет прямых сведений о происхождении насельников Дашлы, указания на это можно усматривать в сходстве планов «храма» и «дворца» с геометрическими орна-

²⁷ Там же. С. 59.

²⁸ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 188.

ментальными мотивами, свойственными традиционным анауским (см. ниже). В то же время господство в общей планировке местных традиций, пусть представляющих на территории севера Афганистана как изолированные, не должно препятствовать обнаружению одной детали, предполагающей знакомство местных строителей с ближневосточной архитектурой. Это выступающий угловой вход во «дворец» с особой оборонительной системой. Способ защиты входа с помощью трех ворот отмечают как распространенный на Ближнем Востоке²⁹. Этот немаловажный элемент в конструкции оборонительного сооружения позволяет предполагать знакомство строителей Дашлы с чужеземной архитектурой. Сочетание местных традиций с привнесенной представляется многозначительным. Если прав П. Амье, видящий в дашлинских сооружениях нечто вроде ассирийских карумов, то перед нами – свидетельство сотрудничества представителей двух разных культур. К сожалению, здесь мы имеем лишь два звена разорванной цепи, хотя аналогии в анауской среде кажутся достаточно убедительными. Примечательно наблюдение В. И. Сарияниди о сходстве плана «храма» с формами металлических круглых печатей эпохи поздней бронзы. Они имеют несколько рельефных вписанных друг в друга кругов с перемычками между ними. В центре таких печатей находилась крестообразная фигура или розетка³⁰. Не менее важно сближение сооружения сложного плана («дворца») с геометрическими орнаментальными мотивами расписной керамики и формами печатей, что было отмечено К. Ламберг-Карловски³¹.

Вероятно, носители не только анауской культуры, но и БМАК принадлежали к культурам архаического типа.

²⁹ Вулли Л. Забытое царство. М.: Наука, 1986. С. 59.

³⁰ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. Прим. 14, С. 39.

³¹ Lamberg-Karlovsky C. C. The Bronze Age of Bactria // Bactria. An Ancient Oasis Civilization from the Sand of Afghanistan / ed. by Ligabue G., Salvatori S. Venezia: Erizzo Edirice, 1989. P. 17.

Мировосприятие оставалось по преимуществу образно-мифологическим. Образы, определявшие картину мира, находили отражение в планировке целых архитектурных комплексов. В основе представлений о мире лежала характерная для оседлых земледельцев геометризованная модель с центром, четырьмя сторонами, верхом и низом. В орнаментике анауской культуры Южного Туркменистана крестообразные мотивы были доминирующими начиная с позднего Намазга II, и продолжали сохранять это место до исчезновения росписей на сосудах, когда в обиход вошла гончарная керамика. Одновременно условные знаки в виде ромбов, полуромбов, крестов и полукрестов появились на антропоморфных статуэтках. С распространением печатей-штампов мотив креста занял важное место и на них³². До определенного момента в планировке построек эти мотивы обычно скрыты от современных интерпретаторов, поскольку они в ней визуально не реализуются. Образ мира присутствует скрыто (имплицитно) или воплощается в ритуалах, а также в словесных описаниях любых явлений, важных в культуре. Образ мира актуализируется и при строительстве, т. е. освоении нового пространства, «одомашнивании» его, когда оно делается «своим». Прямоугольные сооружения могли наделяться необходимым для их функционирования бытием в процессе строительства и менее визуально выраженными способами, например, посредством ритуальных действий в семантически важных частях (в центре, в углах, в верхней и нижней части). Строительство началось с обрядов определения границ обустраиваемого пространства.

Установление границ особенно важно при утверждении сообщества людей на новом месте. Тогда необходимо

³² Антонова Е. В. О геометрических фигурах анауской культуры и БМАК // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди / Труды Маргианской археологической экспедиции, Т.3, СПб.: Алетейя, 2010. С. 303–312.

максимально полно отождествить новое здание со своим образом мира, чтобы наделить его свойствами защищенности. Вероятно, для этой цели планировке «дворца» и «храма» могли придавать причудливую, с нашей точки зрения, форму. В то же время своеобразная (можно думать, заимствованная) планировка главного входа во «дворец» Дашлы, также служила защитой, но в этом случае реальной, а не магической.

По-видимому, исследования древних архитектурных сооружений дописьменных культур, подобных БМАК, от их раскопок до интерпретации – задача, которую можно причислить к одной из самых сложных. Интерпретируя их, первооткрыватель необычных сооружений фактически вынужден брести на ощупь, выделяя гипотетические признаки «храмов» («дворцов») или пытаться наметить их генезис. Естественны поиски их происхождения в Месопотамии – одной из колыбелей цивилизации Востока³³. Однако в случае с дашлинскими зданиями эти поиски не привели к убедительным заключениям: слишком отличны оказались бактрийские постройки, явно принадлежавшие местной, своеобразной культурной среде.

Возвращаясь к архитектурным сооружениям Дашлы, следует обратиться к комплексам узких камер, характерным для архитектуры БМАК. Попытки их истолкования продолжаются до сих пор. Одно из заключений о камерах в Маргиане было сделано В. И. Сарияниди при исследовании Тоголок-21. Он полагал, что это – кельи, в которых каким-то образом размещались люди, связанные с функционированием центрального сооружения этого комплекса, «храма». Подобные им многочисленные «кельи» обнаружены у одной из оград этого поселения³⁴. Проблема бытования этих узких помещений сопровождала В. И. Сариа-

³³ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. С. 39–46.

³⁴ Сарияниди В. И. Древности страны Маргуш. С. 118.

ниди долгие годы его раскопок³⁵. Через много лет он продолжал описывать помещения типа «келий», назначение которых продолжал считать неизвестным, неизменно склоняясь к культово-религиозному их назначению. В тех случаях, когда они служили элементами построек, их присутствие служило одним из указаний назначения данных сооружений: они определялись как храмовые.

В работе об этих конструкциях архитектор А. М. Урманова подводит некоторые итоги. Она определила два их типа: это основания неких сооружений, где опорную часть составляли ряды замкнутых отсеков (1), а также камерные помещения, разомкнутые с одной стороны (2)³⁶. Тщательные обмеры позволили выявить некоторые особенности, существенные для определения их функций. Так, один из наиболее представительных комплексов находился в северо-восточной части «кремля» Северного Гонура. Высота его наружных стен определяется в 100–170 см, внутренняя длина – 80–100 см. По четырем стенам располагалось около 60 камер. В отдельных местах сохранились не только своды, но и фрагменты находившейся на них платформы. В этом, как и в других случаях, отмечается тщательность обмазки стенок глиной³⁷.

История исследования «келий» продолжается несколько десятилетий, и вряд ли можно ожидать ее завершения. Причина, как кажется – уверенность в правоте первооткрывателя памятников этого типа в Маргиане. А. М. Урманова в качестве аргумента против признания утилитарности «келий» выдвигает такие их признаки, как тщательность обмазки и «чистота» внутренней поверхности, а также отсутствие в них вещей. Она рассматривает

³⁵ Сарианиди В. И. Гонур Депе. Город царей и богов. Ашхабад: Türkmen-döwlethabarlary, 2005. С. 71–72.

³⁶ Урманова А. М. К проблеме сооружений типа «кели» // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т.5. М., 2014. С. 138–139.

³⁷ Там же. С. 142.

эти черты как свидетельства назначения: это были подиумы, связанные с «неким обрядом», возможно, «запечатыванием воздуха». Воздух – одна из стихий, которым могли поклоняться на Гонуре³⁸.

Примечательно, что, характеризуя различные постройки на поселениях БМАК, авторы практически не упоминают складские помещения. Можно подумать, что древних интересовали только храмы и связанные с ними конструкции, которые они считали необходимым содержать в чистоте. При этом о хранилищах речь не заходит. Где же обитатели больших поселений должны были хранить запасы зерна, основы их жизнеобеспечения, для которых были нужны защищенные от грызунов, проветриваемые и чистые конструкции? Хотелось бы вспомнить, что во дворе дома еще энеолитического времени на Алтын-депе было найдено основание зернохранилища вместимостью до 30 тонн зерна, что составляло годовой запас группы семей. Здесь же обнаружены и глиняные буллы с оттисками печатей и веревок³⁹.

Доказывать, что «гонурцы» поклонялись воздуху, А. М. Урманова не сочла необходимым, тем более что «храмы» воды, огня и сомы были уже давно и уверенно выявлены В. И. Сарианиди. Между тем в связи с проблемой назначения «келий» представляют интерес древние свидетельства. Среди них зафиксированы изображения на сузианских печатях позднеурукского времени, относимые к категории «сцен повседневной жизни»⁴⁰. На них вполне узнаваемо переданы реальные действия – это изображения людей около зернохранилища в виде сооружения из кирпича-сырца с длинным рядом куполов. Фасад одной такой постройки расчленен нишами, «...над которыми

³⁸ Урманова А. М. К проблеме сооружений типа «келий». С. 140.

³⁹ Кирчо Л. Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации... С. 148.

⁴⁰ Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. С. 84, 116.

под горизонтальной крышей расположены узкие люки для проветривания хранилищ. Работники возятся с мешками или кувшинами. Они носят свои тяжести на голове или плече, поднимаясь к отверстиям в куполах на лестницах-стремлянках или пристроенных сбоку лестничных маршах... Цоколь изолировал хранилища от земли. Однако были и зернохранилища, наполовину размещенные в земле»⁴¹. Вряд ли стоит игнорировать эти хорошо документированные сведения ради создания «храмов воздуха». П. Амье упоминал храмовый амбар в Сузах, построенный к северу от храма Нинхурсаг царем Шульги после 2100 г. до н. э. Его фундамент имел сводчатые галереи для вентиляции. Этот амбар был монументальным, хотя бывали и большего размера⁴². Архитектура таких сооружений в силу ее утилитарности сохранялась на протяжении столетий по всему Востоку. Совершенно очевидно, что хранилища зерна должны были занимать определенное место в застройке как больших поселений, так и маленьких.

Как говорилось выше, находки в погребениях, обнаруженных в Афганистане В. И. Сарияниди, были относительно скудны, археологов опережали пастухи, ошибочно определявшие местонахождения подбойно-катакомбных погребений. В своих статьях В. И. Сарияниди опубликовал вещи из афганских лавок древностей⁴³. Находки дают хоть неполную, но тем не менее информативную картину. На рынке оказались в первую очередь древние предметы роскоши, высшие создания «бактрийской цивилизации». Среди них изделия из бронзы и минерала желтоватого и зеленоватого цвета, а также хлорита (в том числе косметические сосуды с квадратным основанием и высоким горлом, распространенные в Иране второй

⁴¹ Хинц В. Государство Элам. С. 22–23.

⁴² Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 143.

⁴³ Сарияниди В. И. Косметические флаконы из Бактрии // СА, № 1, М.: Наука, 1979. С. 255–261.

половины III тыс. до н. э.), для которых характерен широко распространенный орнамент в виде кружков с точкой. Известны так называемые колонки, встречающиеся от Гиссара и далее на территории поселений, относимых П. Амье к Внешнему Ирану. Металлические изделия из меди с примесью мышьяка представлены разнообразными богато украшенными предметами вооружения (топоры, молоты, среди них – с изображениями однорогого дракона с бородкой, известного в Сузах), туалетные сосуды. Стоит упомянуть находки «алебард», подобные которым обнаружены в погребениях Гонура. Это колюще-рубящее оружие, вероятно парадное, своего рода меч. Их происхождение ведут от свободных подражаний новошумерским или скорее сирийским; их образцы известны в Сузах⁴⁴.

Безусловно, вершиной металлургии являются ажурные медные, редко серебряные печати. Они в основном геометрических форм, с растительными, антропоморфными, зоо- и орнитоморфными мотивами. Значительно количество и каменных печатей, в том числе пять цилиндрических. Они настолько близки найденным в Маргиане, что В. И. Сарияниди объединил их под названием бактрийско-маргианской глиптики. В сводной работе он приводит 1560 образцов из Афганистана и около 260 из Маргианы⁴⁵. За истекшие годы интенсивных раскопок на Гонуре картина, конечно, должна была несколько измениться, но остается показательной. Бактрийская часть комплекса печатей как будто богаче не только количественно, но и по набору изображений. Последние позволили П. Амье наметить пути и хронологию контактов «бактрийцев» с отдаленными областями Востока. Эти исследования остаются актуальными до наших дней. Перечислим лишь некоторые важные мотивы, помещавшиеся на них.

⁴⁴ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 195–196.

⁴⁵ Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M., 1998. 335 p.

Бог (гений) с головой хищной птицы и крыльями, сидящий на змее, подобно великому эламскому богу эпохи Аттахушу, т. е. XIX в. до н. э. Сопровождающее животное или «трон» – львиный дракон с одним рогом и бородкой. Другую дату дает изображение гения на одном колене с головой хищной птицы и крыльями. Аналогии – Сирия XVII в. до н. э., время аморейских династий.

Другое важное указание – бактрийская печать с изображением орла и печать из Мари с аналогичным изображением. Последняя датируется XVII в. до н. э. Известны и изображения на бактрийских печатях, подобные критской «Владычице животных» – находки аналогичных им выстраиваются в протянувшуюся с запада на восток цепочку связей. Часть этой цепочки могла сложиться в то время, когда Зимрилим из Мари устанавливал связи с эламскими правителями⁴⁶. Это представляется немаловажным для БМАК, поскольку контакты с Эламом играли особенно значительную роль в ее истории.

⁴⁶ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 197–199.

ВОСТОЧНАЯ БАКТРИЯ

Для понимания историко-культурной ситуации на территории бытования БМАК большое значение имеют раскопки поселения Шортугай на равнине Северного Афганистана в излучине Амударьи и ее притока Кокчи. Его площадь 2,5 га. Выявлены жилой и ремесленный кварталы. Начало четырех периодов существования Шортугая датируют 2500–2400 гг. до н. э. Примечательно, что оно основано пришельцами из долины Инда в начале периода зрелой хараппы.

Пришельцы принесли с собой приемы строительства, керамику, искусство и ремесла, растения и животных. Ирригация зафиксирована не только здесь, но и еще в нескольких афганских поселениях. При этом оросительный канал из-за особенностей рельефа пришлось проводить за 30 км из Кокчи, а не из близкого Пянджа¹.

Предполагают, что колонисты были направлены сюда из «хараппской империи», чтобы на месте собирать и подготавливать к отправке в метрополию медь, золото и лазурит. Последний «хараппцы», в отличие от других обитателей Востока, не особенно ценили. Зато все без исключения стремились к золоту. А.-П. Франкфор предположил, что к далекому Пянджу их привлекала возможность добывать золото из золотоносного песка реки, которая как раз в месте расположения поселения имела спокойное течение. Золото здесь добывали еще в 70-е годы. В русле реки до сих пор встречаются лазуритовые гальки, которыми в Шортугае не пренебрегали, зная существовавший спрос на этот минерал.

Пришельцам удалось создать организацию, приспособленную к местным условиям. Со временем, однако,

¹ Francfort H.-P. How the Twins met: Indus and Oxus Bronze Age Civilizations in Eastern Bactria. Shortugai Revisited Forty Years Later // Труды Маргрианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2016. С. 472–474.

на поселении возникает гетерогенная культура, отмеченная явными признаками более северных, бишкентской и вахшской (период IV, 1700–1500 гг. до н. э.). Явно присутствие подвижных скотоводов. Об этом, в частности, свидетельствуют погребения барана или козы. В статье 2016 г. А.-П. Франкфор предложил новую модель формирования «цивилизации Окса», как он именует БМАК, основываясь на важности для жизни древних территорий к северу от Гиндукуша².

Как же «хараппцам» удалось создать колонию, которой безусловно был Шортугай? Вероятно, они должны были хорошо узнать, возможно, разведать природные условия, чтобы доставить сюда из долины Инда привычные растения и животных. Кроме того, сюда поступали украшения из раковин или сердолика, привозить которые было, очевидно, нетрудно. Современные исследователи древнего Востока иногда преувеличивают неспособность людей того времени преодолевать большие пространства и добывать необходимую информацию об особенностях территорий, которые представляли для них интерес.

П. Амье выразил сомнение в определении сложившейся на Инде хараппской культуры или культурного сообщества как настоящей империи. К этому мнению невозможно не присоединиться. В определении А.-П. Франкфора звучит характерная для археологов склонность именовать необычные явления древности привычными терминами. Могло показаться, что обширное образование – хараппская культура – должна быть определена как империя. В то же время П. Амье считал возможным рассматривать Шортугай как поселение колонистов, подобное крепостям в западной части Бактрии³, хотя генезис их создателей в отличие от «шортугайцев» остается неясным.

² Ibid.

³ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 205.

ПАМЯТНИКИ РАВНИНЫ ГОРГАНА

Равнина Горгана расположена в северо-восточной части Ирана. Два самых важных исследованных поселения – Тепе Гиссар и Тюренг Тепе. Первое находится неподалеку от города Горгана к югу от Эльбурса, второе – севернее, на равнине у Каспийского моря. Культуры этих поселений близки, и даже нумерация выявленных стратиграфией напластований совпадает. Тепе Гиссар занимал выгодное положение из-за своей близости к Великому Хорасанскому пути. По нему с глубокой древности осуществлялись связи между западом и востоком. Расположение неподалеку от конечных протоков небольших рек позволяло обитателям заниматься земледелием. В пределах досягаемости находились залежи кремня, свинца, меди, золота, бирюзы¹.

Исследования этого одного из важнейших поселений энеолита–бронзового века начались еще в 30-е годы прошлого века и были продолжены около 50 лет спустя, но его результаты не могут считаться завершенными. Об этом свидетельствует опубликованное исследование Айши Гюрсан-Сальцманн², с которым автор получила возможность ознакомиться благодаря любезности Н. А. Дубовой.

Тепе Гиссар стал крупным поселением еще в энеолите. При раскопках экспедицией Э. Шмидта в 30-е гг. XX в. был получен разнообразный и богатый материал³, который не удалось уверенно стратифицировать⁴. Вероятно, это результат недостаточного опыта раскопок памят-

¹ Bulgarelli G. M. Tepe Hissar. Preliminary Report on a Surface, August 1972 // East and West, Vol. 24, 1974. P. 15–27.

² Gürsan-Salzmann, Ayşe. The New Chronology of the Bronze Age Settlement of Tepe Hissar, Iran. Philadelphia, 2016.

³ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 184–186.

⁴ Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.

ников с сырцовой архитектурой и сложной стратиграфией, вызванной также большим числом нарушений слоя во время жизни поселения. Оно было оставлено, по всей вероятности, из-за наступления ксеротермического периода, подобно многим другим.

Разнообразные и многочисленные вещи происходили в основном из погребений, которые иногда определялись как клады. Уточнения в стратиграфию и историю поселения внесли раскопки 70-х годов прошлого века, когда было проведено обследование его поверхности с целью обнаружения признаков производственной деятельности, давшее важные результаты⁵.

Материалы Гиссара привлекли внимание не только археологов. Одним из притягательных объектов для исследователей стала своеобразная серая или серо-черная лощеная керамика, которая появилась в Гиссаре II (первые две трети III тыс. до н. э.), когда еще продолжала бытовать традиционная расписная посуда. Серая лощеная керамика отличается высоким качеством, хотя была лепной. Уже в это время обитатели занимались литьем меди и свинца, а также изготовлением бус из привозных минералов, в частности, лазурита.

В следующем периоде III (конец III – начало II тыс. до н. э.), разделенном на три этапа (А, В и С), искусство изготовления серо-черной посуды с лощением достигло расцвета. Особо отмечают изящные сосуды, в том числе бутылевидные и невысокие с широкими сливами и носиками. Не исключено, что их качество вызвало интерес у соседей, поэтому они достигали достаточно отдаленных территорий, в частности, долины Мургаба и Гонур Деле.

Около середины XX в. возникла концепция появления и расселения на территории Ирана индоиранцев, свидетелем чего и рассматривали серо-черную лощеную

⁵ Bulgarelli G. M. Tepe Hissar. Preliminary Report on a Surface, August 1972.

керамику. В дискуссии участвовали археологи, историки и лингвисты. Детальная и убедительная аргументация против гипотезы раннего распространения была представлена Э. А. Грантовским в его работах, наиболее полно – в книге 1998 г.⁶ После его исследований тезис о массовом появлении индоиранцев в Иране и на юге Средней Азии ранее II тыс. до н. э. можно было бы считать окончательно решенным, хотя в исторической науке такие случаи очень редки. К теории о пришествии «арийцев», принесших Бактрийско-Маргианский комплекс из отдаленных областей, можно было бы не возвращаться, хотя невозможно исключать появление заключений, подобных содержащимся в статье Вяч. Вс. Иванова⁷. Его подходы к археологическим свидетельствам нередко отличаются своеобразием, предполагающим особые пути исследовательской мысли.

Высшим этапом развития культуры Гиссара были этапы В и С, эпохи средней и поздней бронзы⁸. К этому времени относится подъем металлургического производства, изготовление серебряных, золотых и электровых украшений в сочетании с полудрагоценными камнями.

В слое В было обнаружено так называемое «сгоревшее здание», отличавшееся особой планировкой и как будто занимавшее в нем особое, доминирующее положение. Его площадь более 300 кв. м. Оно состояло из двух смежных помещений и склада у входа перед ними. Здесь располагались запечатанные сосуды для хранения, найдены также знаки учета и металлические слитки. Некоторые детали

⁶ Грантовский Э. А. Иран и иранцы при Ахеменидах. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 37–90.

⁷ Иванов Вяч. Вс. 20 лет спустя о доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из Древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. Сб. статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / ред. Косарев М. Ф., Кожин П. М., Дубова Н. А. М.: Старый сад, 2004. С. 26–41.

⁸ Gürsan-Salzmann, Ayşe. The New Chronology of the Bronze Age Settlement of Tepe Hissar, Iran. P.279.

внутреннего убранства позволили предполагать, что оно предназначалось для отправления ритуалов. Человеческие останки, некоторые из них обожженные, находки оружия, украшений и других вещей создают картину гибели здания вместе с находившимися в нем людьми. Однако те же останки позволяют допустить, что на этом месте были устроены захоронения позднее. Исследования 70-х годов позволили отказаться от заключения, что это мог быть храм или укрепление. Скорее это было жилище богатого купца⁹.

Исследования поверхности показали, что на 11000 кв. м были металлургические шлаки от плавки меди и руды, содержащей свинец и серебро¹⁰. Металлические (медные) изделия многочисленны и разнообразны. Это предметы вооружения, сосуды, шпатели для косметических флаконов с фигурными наконечниками, ажурные печати с необычными для подобных изделий длинными ручками. Замечательное изделие найдено в «сгоревшем здании». Это блюдо с изображением в высоком рельефе льва, терзающего быка¹¹. Выразительно наконечник из «погребения жреца» в виде стержня с декором в виде трех сидящих человеческих фигурок, одна из которых с ребенком на руках¹².

Особый интерес представляет «клад» из неясного контекста на Главном холме. Это 13 металлических фигурок высотой около 6,5 см; лишь одна из них женская. Хотя они изготовлены грубо и неумело, налицо стремление мастеров к жизнеподобию; создается впечатление, что персонажи находятся в движении¹³. Не исключено, что мастера были

⁹ Ibid. P. 280–281.

¹⁰ Bulgarelli G. M. Tepe Hissar. Preliminary Report on a Surface, August 1972.

¹¹ Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. fig. 112.

¹² Ibid. fig. 117.

¹³ Gürsan-Salzmann, Ayşe. The New Chronology of the Bronze Age Settlement of Tepe Hissar, Iran. P. 257.

знакомы с аналогичными изделиями из Восточного Средиземноморья¹⁴. Их назначение может проясниться только после новых исследований Тепе Гиссара и аналогичных ему поселений.

Металлические изделия отличаются высоким качеством и разнообразием использовавшихся материалов. Помимо медно-бронзовых сплавов, это серебро и золото: примечателен серебряный сосудик и плоские овальные золотые бусы с трубчатым ребром, широко распространенные на Востоке¹⁵.

Исследователи отмечают высокое качество сосудов из алебастра, среди них – в виде чаш на высоких ножках, а также сосуды с носиками или со сливами. Тепе Гиссар – одно из многочисленных, как стало теперь известно, поселений, где обнаружены каменные колонки, своеобразные алтарики. На Гиссаре они встречаются вместе с каменными дисками. Подобные вещи обнаружены на юге Туркменистана, в том числе в Маргиане. И на горганских поселениях, и в Туркменистане они нередко встречаются в одних комплексах с каменными «посохами». Этим вещам в данной работе посвящено отдельное приложение.

Находки в Гиссаре, особенно в его верхнем слое, время существования которого одновременно или предшествует расцвету Гонура, убедительно свидетельствуют о важности роли, которую сыграла в его истории близость к Великому Хорасанскому пути. Не случайно, вероятно, в погребальном инвентаре много предметов вооружения: наконечники копий, кинжалы и защитное оружие предполагают военную напряженность. На высокий социальный

¹⁴ Авилова Л. И. Металлические изделия Ближнего Востока: историко-культурный контекст (энеолит – средний бронзовый век) // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б. А. Литвинского. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 38.

¹⁵ Art of the First Cities. The Third Millennium B. C. from the Mediterranean to the Indus / ed. by Joan Aruz with Ronald Wallenfels. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2003. P. 240.

статус воинов указывают признаки парадного оформления оружия, например, украшение древков копий металлическими накладками.

Исключительно разнообразие и изысканность форм глиняных сосудов, которым подражали произведения из металлов, в том числе драгоценных, среди них сосуды с носиками и сливами. Вероятно, глиняные сосуды ценились достаточно высоко. Наверняка еще выше ценились великолепные изделия из алебаstra, в том числе полосатого; формы некоторых из них тоже подражали глиняным. Металлические изделия представлены явно престижными образцами – украшениями, оружием и т. д. Богатство и разнообразие ремесленных изделий – свидетельство чрезвычайно высокого уровня техники и организации производства.

Нельзя не прислушаться к мнению А. Гюрсан-Сальцманн, предполагающей, что столь высокоразвитое производство могло функционировать в условиях достаточно сложной общественной организации, где существовала ступенчатая иерархия статусов, и было организовано обучение. Система эксплуатации ресурсов, регулирование технологических инноваций и т. д. не могли не сказаться на социальной структуре. В результате могла сложиться организация, подобная вождеству. Домашние производства должны были выходить за пределы семей, а руководство процессами в производстве и обмене могло быть использовано для продвижения в социуме. Вероятно, могло существовать «многоуровневое планирование» производства через организацию управления процессами от получения сырья до торговли готовыми вещами¹⁶. О существовании социальных статусов можно судить по находкам различных жезлов и наверший.

¹⁶ Gürsan-Salzmann, Ayşe. The New Chronology of the Bronze Age Settlement of Tepe Hissar, Iran. P. 286–291.

Кроме того, сложно организованное производство не могло существовать без регулярно функционировавшего обмена на значительные расстояния. Обмен в немалой степени определялся расположением Гиссара на древнем Хорасанском пути. Он открывал доступ к северу Месопотамии, к Сирии, Афганистану и западу Центральной Азии. Бирюза и лазурит вероятно происходили из района Нишапура и Бадахшана. Вероятны связи с югом Туркменистана¹⁷.

¹⁷ Ibid. P. 291.

БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Гонур Депе (Серый холм) расположен в 85 км к северу от г. Байрамали Марыйского велаята Туркменистана. За много лет раскопок вскрыта площадь более 70 га; мощность культурного слоя неравномерна, есть сведения, что местами он превышает 5 м¹.

В своих реконструкциях В. И. Сарианиди исходил из того, что население представляли местные и еще «в большей степени» пришлые северомесопотамские племена. В соответствии с планом, был сооружен «кремль», центральную часть которого занимал так называемый «дворцово-культовый комплекс». До его возведения «имелись какие-то незначительные сооружения»². Перед строительством, как было установлено в ходе раскопок, поверхность площадью около 1 га была не только выровнена, но и выложена кирпичами и покрыта глиняной обмазкой толщиной до 10 см. Судя по плану³, здесь были сооружены двойные ряды стен (конструкция, известная в поселениях севера Афганистана). Прямоугольник стен ориентирован по сторонам света; главный вход находится в северной стене. По углам располагаются прямоугольные башни, еще четыре башни выступают из стен⁴.

К внутренней поверхности наружных стен пристроены укрепляющие их регулярно расположенные прямоугольные пилястры. Конструкция стен напоминает ту, которой следовали строители афганских Дашлы. Архитектор М. Мамедов пишет о сводчатых перемычках в башнях и

¹ Сатаев Р. М. Животные в культуре древней Маргианы. Палеоэтнозоологические исследования / Отв. ред. Н. А. Дубова. М.: Старый сад, 2016. С. 28.

² Сарианиди В. И. Дворец Северного Гонура // ВДИ. № 2. С. 248.

³ Там же. С. 250.

⁴ Там же. С. 248.

стрельчатых амбразурах⁵. В северо-восточной части находился уже знакомый нам «комплекс келий».

Предполагаемый дворец располагался на обособленном пространстве и состоял из многочисленных помещений разного размера и двух, вероятно, открытых дворов. Среди этих помещений – «аудиенц-зал», «церемониальный зал» и два «огромных» зала, один из которых определен как «тронный». Небольшие помещения определяются автором раскопок как предназначавшиеся для «дворцовых служек» и «солдат гарнизона». Отличительная особенность убранства самых крупных – стенные ниши со ступенчатыми откосами⁶. В. И. Сарияниди называет их «слепыми окнами» и предполагает культовое назначение помещений, где находились как двухкамерные очаги, так и специальные, культовые, по его мнению⁷. Как ступенчатые оформлены и откосы некоторых дверных проемов, в том числе широких, имевших опорные столбы в створе. В. И. Сарияниди и М. Мамедов усматривают в этой конструкции сходство с постройками в Алалахе (Сирия).

Назначение всех частей «дворца» остается в пределах предположений. Среди них – два обширных двора и так называемые «песчаные комплексы» – «интригующая загадка маргианских архитекторов»⁸. У В. И. Сарияниди было предположение об отпращивании во дворце и погребальных ритуалов⁹. Не исключено, по его мнению, существование помещения, где располагалась дворцовая администрация, проживавшая рядом.

Таким образом, предполагаемый «дворец» реконструируется как значительное сооружение, но утвер-

⁵ Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. С. 23.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Сарияниди В. И. Дворец Северного Гонура. С. 249.

⁸ Там же. С. 255.

⁹ Там же. С. 255–256.

ждать, что он принадлежал царю, «некогда правившему всей Маргианой», в частности, потому, что здесь найдено каменное навершие диаметром 17 см – часть скипетра, по меньшей мере преждевременное. «Дворец... погиб в огне тотального пожара», по предположению В. И. Сарианиди, при нападении врагов; затем его частично восстановили. После этого он еще недолго существовал. Потом руины были использованы под жилье и были заняты «маленькими комнатухами»; позже здесь возникает большое кладбище¹⁰.

Итак, из публикации явствует, что раскопаны остатки большого сооружения, назначение которого остается в пределах предположений. Найденное в нем не может служить аргументом в пользу царской власти, социальной стратификации и рабства¹¹. «Дворец» Гонура столь же единственное в своем роде сооружение, как «храм» и «дворец» афганского Дашлы. Напомним, что автор больше постулирует, чем аргументирует. По поводу Дашлы П. Амье предположил, что это были поселения типа карумов, обнаруженных в Анатолии; они существовали тоже недолго¹².

В. И. Сарианиди постоянно ссылался на возможность возникновения реалий БМАК в результате воздействия со стороны Месопотамии. Нельзя ли предположить, что возникновение «кремля» Гонура было обязано процессам, подобным тем, которые имели место в Месопотамии, когда Зимрилим в XVII в. до н. э. устанавливал связи с эламскими правителями¹³? Это было время, когда архитектура Мари славилась среди правителей многих государств Востока. Аналогии БМАК в реалиях Элама и находки на Гонуре в «царских» погребениях повозок, колеса кото-

¹⁰ Там же. С. 257–259.

¹¹ Там же. С. 259.

¹² Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 194.

¹³ Ibid. P. 199.

рых имеют сходство с сузианскими – указания на предполагаемую возможность таких связей.

Более поздние работы выявили существование двух рядов стен, пространства между которыми были плотно застроены¹⁴ многокомнатными комплексами, среди которых обнаружено несколько предполагаемых храмов, «которые можно связать с протозороастризмом»¹⁵.

Высказывалась мысль о возможности возникновения многих своеобразных черт БМАК вследствие вовлеченности ее в торговлю на далекие расстояния. В связи с этим могли возникать карумы, подобные каппадокийским, хотя письменные документы – таблички в поселениях этой культуры отсутствуют. Б. Лионне считала показательными данные о распространении олова в конце III – начале II тыс. до н. э., когда оно фиксируется в Месопотамии и Сузах. Маргиана могла играть немаловажную роль в посреднической торговле этим металлом, в частности, между долиной Зеравшана и другими месторождениями руд, содержащих олово. В этом металле были чрезвычайно заинтересованы потребители в различных регионах¹⁶: он был «стратегическим сырьем», т. к. твердый сплав был необходим для изготовления орудий труда, но в первую очередь – бронзового оружия.

Материалы Гонур Депе настолько богаты и разнообразны, что их исследования в этой работе неизбежно должны были приобрести форму очерков. За время раскопок в экспедиции работали представители разных наук, отечественные и зарубежные, не только археологи, но и

¹⁴ Сарианиди В. И. Страна Маргуш открывает свои тайны. Дворцово-культурный ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. Маргианская археологическая экспедиция. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. М., 2004. С. 229–253.

¹⁵ Там же. С. 253.

¹⁶ Lyonnet B. Another Possible Interpretation of the Bactro-Margiana Culture (BMAC) of Central Asia: The Tin Trade // South Asian Archaeology 2001 / ed. by Jarrige C., Lefevre V. Vol. 1, Prehistory, 2005. P. 191–200.

антропологи, специалисты в области зоологии и ботаники, реставраторы. Все они имели благоприятные условия для публикации результатов своих исследований в регулярно издававшихся трудах экспедиции. Результаты этой в полном смысле комплексной работы позволили представить Маргиану как важный регион древнего Востока, центром которого является Гонур.

Какие же комплексы могут послужить отправными при исследовании этого очень сложного во всех отношениях поселения? Вряд ли найдется археолог, отрицающий, что значительные, если не главные данные об изучаемой им культуре или поселении могут дать погребения умерших; они – наиболее массовый и информативный источник. Погребальным обрядам принадлежит исключительно важная роль в фиксации отношений людей и мира, микро- и макрокосмоса. Они относятся к категории переходных обрядов, определяющих узловые моменты бытия людей: в них воплощаются представления круга «жизнь – смерть – жизнь».

Датировка Гонур Депе начала строиться на основе анализа отдельных вещей и их комплексов в стратифицированных отложениях, при этом фоном служил контекст культурного пространства Центральной Азии и Ближнего Востока. Существует и серия радиоуглеродных определений¹⁷. Общая дата жизни Гонура – 2300–1600 гг. до н. э. Согласно публикации 2013 г., 3 радиоуглеродные даты «царского некрополя» помещают его в конец III тыс. до н. э. Первый период (2300/2250 – 1800/1700 гг. до н. э.) завершился большим пожаром в центральной части, именуемой дворцово-культовым ансамблем. Затем постройки здесь были восстановлены. Второй период продолжался около 100 лет. Около 1600 г. до н. э. русло Мургаба переме-

¹⁷ Зайцева Г. И., Дубова Н. А., Семенцов А. А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2, М., 2008. С. 166–179.

стилось в западном направлении, и те, кто составлял население центра города, «правлящая верхушка», были вынуждены его оставить¹⁸.

Самыми ранними выявленными к настоящему времени памятниками Гонура являются камерные гробницы на «царском некрополе»; их раскопано восемь. Помимо них здесь обнаружены две «шахтные», одна циста и две ритуальные ямы¹⁹. Есть мнение, что камерные гробницы появились до сооружения дворцово-культового центра. Примечательно недолгое время бытования «царских» гробниц – 2300–2250 гг. до н. э., т. е. всего около 50 лет²⁰. Непродолжительность этого периода заставляет задуматься: ведь находки в них послужили одним из главных оснований для предположений о характере власти, согласно В. И. Сарияниди, царской и, возможно, «абсолютной».

Погребения обнаружены не только на Северном Гонуре, но и на так называемом Большом некрополе. В обобщающей статье, опубликованной в 2014 г., Н. А. Дубова определяла общее количество погребений на Гонуре в 4210 единиц. Сюда вошли погребения на Большом некрополе, раскопки которого были завершены, в то время как на Северном Гонуре они продолжают до сих пор.

В процессе раскопок, проводившихся под руководством В. И. Сарияниди, было выявлено 4 типа захоронений²¹. Наиболее многочисленные – «шахтные» или катакомбные, представляющие собой яму с более или менее выраженным подбоем (на их долю приходится 53,14% общего количества). 25% составляли ямные, 5,25% – цисты – кирпичные камеры с перекрытием из поставлен-

¹⁸ Дубова Н. А. Типы погребений Гонур Деде (Туркменистан). С. 327.

¹⁹ Там же. С. 338.

²⁰ Там же. С. 331.

²¹ Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-Медия, 2001. С. 35–36.

ных под углом кирпичей. Наконец, так называемые камерные или многокомнатные, были самыми немногочисленными – они составляли всего 8%. Кроме того, обнаружены ритуальные захоронения животных, их сожженных останков, ритуальные скопления глиняных сосудов, остатки общественных ритуалов. Все – от погребений людей и животных до других ритуальных комплексов – объединяет общий признак: их размещение в земле.

Существуют расчеты социального состава населения на основании погребений. Беднейшее население (среди них могли быть и пришлые с отдаленных поселений на Большом некрополе и отчасти самого Гонура) погребало умерших в ямах, люди среднего достатка – в «шахтных», а так называемая аристократия – в цистах и камерных могилах²².

Происхождение конструкций захоронений особенно важно для такой культуры, как БМАК, для прояснения ее генезиса. Шахтные (подбойные, катакомбные) захоронения – наиболее распространенные, как писал В. И. Сариниди, по всей Евразии. Поскольку палестинские – одни из самых ранних захоронений такого типа, казался естественным вывод, что они имели «общее западное происхождение» и распространились на восток²³, что соответствовало его представлениям о генезисе БМАК.

Проблеме происхождения катакомбного погребального обряда была посвящена диссертация Ю. Г. Кутимова²⁴. Он считает этот обряд основным типом захоронения не только в эпоху бронзы, но и в железном веке, античности и раннем средневековье. По его мнению, могут быть

²² Дубова Н. А. Типы погребений Гонур Деппе (Туркменистан). С. 339.

²³ Сариниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 18.

²⁴ Кутимов Ю. Г. Происхождение и пути распространения катакомбного обряда в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века) // Автореф. канд. дисс. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2009. 300 с.

выявлены две точки зрения исследователей на его происхождение – на месте фиксации и в результате проникновения традиции из степей. Анализ памятников мургабского варианта культуры НМЗ VI и V, Севера Афганистана, Заманбабы, Сапаллитепа, подгорной полосы Копет Дага и Восточного Ирана не привел его к каким-либо определенным заключениям о происхождении этой конструкции.

Загадочной считала возникновение и широту распространения погребений катакомбного типа Л. А. Чвырь²⁵. Она пришла к этому заключению, проанализировав исследования отечественных археологов. Пожалуй, на Востоке нет столь «популярной» погребальной конструкции, кроме, быть может, простых ям. Можно ли удивляться этому феномену?

В культуре разных народов есть постройки и разнообразные вещи, формы которых определяются в первую очередь их функцией и характером природного окружения. Люди, оседло живущие в холодном климате и располагающие строительным лесом, скорее всего, будут строить жилища, похожие на избу, будь то в Канаде, в России или в других местах. Колесницы, телеги и автомобили имеют кузова и четыре колеса. Это не исключает некоторых отличий внутри однородных культурных массивов, которые могли порождаться локальными традициями, посторонними воздействиями и т. д.

Нельзя ли предположить, что форма погребения с входной ямой и расширением – камерой – в его нижней части, куда можно поместить тело умершего и определенное количество сопровождающих вещей, оказалась настолько рациональной, что распространилась на больших пространствах, в особенности в зоне сухих субтропиков со сходными почвами? Трудно определить, где она была изобретена: кон-

²⁵ Чвырь Л. А. Проблема оседло-кочевнического диалога в древней Средней Азии (мнения археологов и комментарий этнографа) // Азия – диалог цивилизаций. СПб.: ИВ РАН, 1996. С. 421.

струкция настолько проста, что додуматься до нее могли везде, где позволяли природные условия и не существовало других традиций. Изобретение широко распространенной ложки тоже было, скорее всего, мотивировано потребностями потребления определенных видов пищи.

Удалось проследить некоторые особенности размещения погребений определенного типа. Так, цисты со сводчатым перекрытием в Большом некрополе Гонура расположены компактно в юго-восточной части²⁶, на Северном Гонуре цисты многочисленны и зафиксированы в разных частях. В северной части «кремля» была найдена циста (погребение № 2900) с богатым инвентарем и примыкающим погребением нескольких животных (о ней см. ниже). Ее сходство с погребениями в гиксосском Аварисе сразу же было отмечено исследователями²⁷. В. И. Сарианиди писал, что сходство погребальных обрядов в обоих этих пунктах служит дополнительным доказательством близкого родства «гонурцев» с гиксосами: предки тех и других обитали на общей «предположительно сирийской прародине»²⁸.

Автор настоящей работы, собрав некоторые данные, свидетельствующие о связях обитателей Гонура с западом, позволила еще более смелое предположение: какие-то из гиксосов могли жить и умирать в Гонуре²⁹. Сейчас еще раз можно спросить: так ли было «на самом деле»? Ответ, можно думать, зависит от склонности исследователей считать отдаленные контакты на Востоке в конце III-го – пер-

²⁶ Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 22.

²⁷ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ, № 2, 2006. С. 155–192, 187–190; Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2004. С. 255–258.

²⁸ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 190.

²⁹ Антонова Е. В. Бактрийско-Маргианский археологический комплекс: свидетельства взаимосвязей в западном направлении // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сборник статей к 90-летию и памяти Н. Я. Мерперта. М.: ИВ РАН. 2014. С. 316.

вых веках II-го тыс. до н. э. достаточно интенсивными для того, чтобы какое-то количество людей из низовий Египта могли достигать территории Туркменистана. Известно, что гиксосы принимали активное участие в торгово-обменных предприятиях³⁰.

Камерные захоронения В. И. Сарианиди считал уникальными. Некоторое сходство с ними он обнаруживал среди погребений на Среднем Евфрате³¹. Сравнений с погребениями в верхнем слое Алтын-депе он не проводил; несколько слов об этом будет сказано ниже. Предположение о генетической связи камерных гонурских могил с алтынскими представляется приемлемым, особенно если учесть существование других сходных элементов анауской культуры и БМАК.

С расширением раскопок на северном холме Гонура В. И. Сарианиди приходил к новым гипотезам. В частности, он указывал на их сходство с жилыми постройками, хотя местные гонурские строения не были объектами раскопок в первые сезоны работ. Обоснованием служило мнение М. Гимбутас, полагавшей, что индоевропейским народам было свойственно отождествление погребения с жилищем. Следовательно, это было характерно и для погребений «маргушской аристократии вообще»³², поскольку носители Бактрийско-Маргианского комплекса были, по его мнению, арийцами³³. Вообще вряд ли отождествление пространства погребения и жилища на основании археологических данных можно считать исключительной особенностью индоевропейцев или каких-либо других народов, поскольку это достаточно распространенное явление³⁴.

³⁰ Bietak M. Avaris: The Capital of the Hyksos. L., 1996. P. 25.

³¹ Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 33.

³² Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 164.

³³ См., в частности: Сарианиди В. И. Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане.

³⁴ Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. См. указатель на с. 287.

Место расположения группы погребений, объединенных под названием «царские», заслуживает особого внимания. На северном холме Гонура был выявлен «монументальный дворцово-культовый архитектурный ансамбль» площадью свыше 15 га, окруженный домами горожан. «К югу от него располагался естественный водоем. В процессе раскопок было установлено, что еще до сооружения архитектурного ансамбля на восточном берегу водоема первые поселенцы устроили захоронения. Это и был «царский некрополь». Со временем он был включен в пространство, окруженное городской стеной³⁵. Таким образом, «царские» гробницы должны были принадлежать первопоселенцам, что может представлять особый интерес.

«Ядро некрополя» составляли семь гробниц (принятая авторами раскопок нумерация погребений на всех некрополях и на отдельных раскопах Гонура сквозная). Эти многокамерные захоронения получили следующие номера: 3200, 3210, 3220, 3225, 3230, 3235, 3240. Позже здесь появились двухкамерные погребения № 3205, 3245, 3250³⁶.

В более поздней публикации даются другие сведения. «Основное ядро» составляли 11 погребений (№ 3200, 3210, 3220, 3225, 3230, 3235, 3240, 3880, 3900, 3905, 3915). Позже вокруг них появились двухкамерные меньших размеров – № 3205, 3245, 3250, 3857³⁷. Вряд ли имеет смысл входить в дополнительные детали, содержащиеся в публикации 2013 г.

Погребения – постоянный объект внимания антрополога Н. А. Дубовой, которая в своей статье, опубликованной в 2014 г., приводит новое и более полное описание

³⁵ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 155.

³⁶ Там же.

³⁷ Сарианиди В. И., Дубова Н. А. Мозаика III тыс. до н. э. в Гонур Депе // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б. А. Литвинского. М., 2013. С. 379–413.

могил на «царском некрополе», исходя из их конструкций. Центральным она считает единственное погребение, окруженное стенкой. Это № 3220, вместе с ним на древней поверхности были сооружены алтари огня и двухкамерная печь. Неподалеку от нее находились камерные («аристократические») № 3245 и 3857 и «шахтное» № 3870. Погребения № 3200 и 3210 имеют план «многокомнатных домов с дворами перед ними». К типу «моделей сложных домов» отнесены №3230 и 3235 (около них были котлованы). «Дома с дворами» – это погребения № 3880, 3905, 3915 и пустой котлован № 3910.

К собственно «царскому некрополю» в этой итоговой работе Н. А. Дубова относит не все погребения, а 8 гробниц, 3 котлована, 4 камерных захоронения, предположительно 2 шахтных, 1 цисту и ямы с ритуальными погребениями животных – ослов, быков и конечностей кабана³⁸.

Гробницы представляли собой подземные сооружения в котлованах (стены некоторых котлованов обмазывали глиной), стены самих гробниц были из кирпича-сырца, как и перегородки, разделявшие камеры. В. И. Сарияниди считал характерными для «царских» погребений несколько признаков:

1. Наличие повозок, запряженных лошадью (определение останков как принадлежащих молодой лошади – единственный и не безусловный случай – Е. А.);

2. Человеческие жертвоприношения – повторение практики «передовых центров тогдашнего мира, например, царских могил Ура»;

3. Наличие «посохов» – своеобразных «скипетров» с завершениями (на самом деле основаниями – Е. А.) в виде, как считал В. И. Сарияниди, конских копыт;

4. Богатые личные украшения и погребальные дары³⁹.

³⁸ Дубова Н. А. Типы погребений Гонур Депе (Туркменистан). С. 338.

³⁹ Сарияниди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 186.

Необходимо привести описания некоторых погребений «царского некрополя». Описание первого из раскопанных, № 3200, наиболее полно опубликовано Н. А. Дубовой. Это могила, которая «может быть названа царской – и по своим размерам, и по устройству, и по найденным случайно оброненным грабителями находкам, что, однако, не исключает принадлежность ее семье какого-то "знатного аристократа"»⁴⁰. Объем котлована – 6,5×6,5×2,5 м; его стены обмазаны глиной с песком. Гробница представляет собой макет жилого дома в форме неправильного прямоугольника: южная сторона – 6,4 м, западная – 2,5 м, северная – 6,5 м (в ней находится широкий проход), восточная – 2,1 м. Высота стен – 1 м. Тщательно обмазана глиной с песком только северная стена.

Перед главной стеной располагался «двор», в восточной части которого находился скелет лежащего верблюда. Около него были останки трех человек – пожилой женщины с булавкой и крестообразной печатью и двух молодых мужчин; перед смертью они стояли на коленях, а женщина, по-видимому, была задушена. Здесь же обнаружена повозка с сиденьем и четырьмя колесами из деревянных плах и шестью медными оковками, составлявшими своего рода шину. Перед ней лежал скелет собаки.

В северо-западном углу обнаружены скелеты небольшой лошади и старого верблюда. В. И. Сарианиди предполагал, что лошадь была впряжена в повозку⁴¹. В других погребениях, как и в этом, вместе с повозками (вне сомнений, тяжелыми конструкциями) хоронили верблюдов. Еще один верблужий скелет лежал у восточной стенки двора этого погребения неподалеку от повозки. В центре двора – толстый слой песка с угольками, мелкими костями

⁴⁰ Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура. С. 265.

⁴¹ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С.162.

животных и признаками длительного горения (это – следы обрядов с использованием огня). У западной стены найден посох из сланца; во дворе были фрагменты еще двух посохов, а также каменный диск и фрагменты по меньшей мере двух каменных колонок. Наконец, у входа найдено два бронзовых светильника, аналоги которым обнаружены в Кветте (Пакистан), а около северо-восточного угла погребальной камеры – два высоких сосуда с раздутым верхом (30 таких же были в соседнем погребении № 3210, они также имеют отдаленные аналоги).

В гробнице было четыре камеры размером от 1,5 до 4 кв. м. Все они ограблены, тем не менее по остаткам удалось установить, что они, кроме совсем небольшой (№ 1) имели настенный мозаичный декор. В камере № 4 это были орнаменты в виде уступчатых ромбов с крестами красного, черного и белого цветов. Аналогичный декор обнаружен в иранском Тали Мальяне⁴², а упрощенные варианты его восходят к знаменитому «геоксюрскому кресту». Удивительно, что при доступности камер в этой ограбленной гробнице сохранилось множество ценных вещей⁴³. Среди них булавки (одна из них из железа) с навершием из золотых и бирюзовых лепестков, крошечных фигурок архара и бирюзового льва; ажурная конусообразная фигурка богини с головой (лицо и уши подчеркнута большие) из тонкого листового золота; детали скорее всего крепились к какой-то основе. К ней были прикреплены восемь колосьев и у основания – два гипсовых «плода» (?). Найдены также две фигурки соколов с простертыми крыльями из фаянса, гипса и золота, изображения черной и красной змей с золотыми каемками и головками, агатовые, золотые и сердоликовые бусы. Множество каменных бус с раздели-

⁴² Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 252.

⁴³ Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура. С. 271–274.

телями из золотых пластинок (более 500 золотых, 200 сердоликовых и 200 лазуритовых) составляли многоярусное ожерелье.

Судя по всему, в камеры останки помещали последовательно, при этом предшествующие сдвигали; в первой было 4 взрослых человека разного возраста и пола⁴⁴. В двух последних камерах в стенах обнаружены нишитайники, которые оказались ограбленными, как и все помещения. Это делалось неоднократно при помощи проломов и лазов.

По мнению исследователей, «царские» погребения представляли собой семейно-родовые склепы. Предполагается, что их дворы и камеры не засыпали землей, так что туда было возможно входить и совершать церемонии. Проходы не замуровывали, а закладывали кирпичами всухую. Вряд ли приходится удивляться, что их систематически грабили.

Приведем краткое описание гробницы № 3210⁴⁵, расположенной к северо-западу от № 3200, но в отличие от нее опубликованной не столь подробно. Гробница состояла из двух разновеликих камер, одна из которых предположительно была двором; здесь найдены кости верблюда. Несмотря на действия грабителей, здесь сохранились уникальные материалы. Предполагают, что в ней похоронено около 10 человек. Хотя планировка ее относительно проста по сравнению с другими, в ней найдены лучшие из сохранившихся на Гонуре мозаик. Это фриз (длиной больше 80 см) с изображением нескольких пар крылатых львиных грифонов в противоборствующем положении, а также фигура рогатого грифона с бородкой, помещенная в прямоугольное обрамление. Один из фрагментов – «змеиный дракон, заглатывающий антилопу».

⁴⁴ Там же. С. 274.

⁴⁵ Сарияниди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 164–168.

В этом погребении найдены каменные диски и фрагменты посохов. Здесь же было около 30 сосудов более 70 см высотой с раздутым верхом (подобные им встречены в гробнице № 3200).

Особая гробница № 3220 выделяется среди прочих благодаря окружающей ее стенке⁴⁶. Она состояла из трех расположенных в ряд помещений и коридора. Признаки ограбления замечены уже в котловане (в частности, фрагменты мозаики) и во всех помещениях, где были разрозненные кости и отдельные вещи. Исключение представляет коридорообразное помещение, где под «коробом», украшенным мозаикой, обнаружено погребение человека, голова которого покоилась на каменной фигурке лежащего барана. У ног человека на 0,5 м ниже уровня пола находился тайник площадью 1 кв. м.

В этом тайнике оказались металлические сосуды – два золотых, 17 серебряных, 5 медно-бронзовых. Удивляет не только количество и вес отдельных сосудов (один золотой весил 1 кг, два серебряных – 4 и 4,5 кг), но и высокое качество изображений на одном из серебряных сосудов: это рельефные фигуры двух шагающих бактрианов с пышными гривами и выделенными мощными плечевыми мышцами⁴⁷. Особенности изображения этих величественных животных пока не нашли аналогий, хотя обрамляющие их орнаменты из геометризovaných горok похожи на аккадские изображения такого типа⁴⁸ (этот мотив часто встречается на разных изделиях, в том числе на обрамлениях дверных проемов). Примечателен интерес к образу верблюда: помимо рельефных фигур на серебряном сосуде, их гравированные фигуры были на донцах двух серебряных и золотом, сопровождаемые изображениями, скорее всего, луков⁴⁹.

⁴⁶ Дубова Н. А. Типы погребений Гонур Деппе (Туркменистан). С. 337.

⁴⁷ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 173.

⁴⁸ Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus. P. 120.

⁴⁹ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 173.

Наибольшей сложностью отличалась планировка гробницы № 3235⁵⁰. Около нее на дневной поверхности по сторонам входа и у середины боковых стен находились обожженные изнутри «алтари» (всего четыре). Вход располагался в восточной стене; вниз вели несколько ступенек. Выявлено восемь помещений: три из них (№ 6–8) с неоштукатуренными стенами и полом без обмазки выглядят как пристроенные к основным (они состоят из пяти помещений разного размера). В трех из них были разрозненные кости около 20 человек; в узкое помещение № 6 «втиснуты» останки женщины 50–60 лет.

Примечательны местонахождения останков. В первом от входа помещении кости и череп находились в стеной нише, на полу лежал скелет, около одной из стен – два черепа. Здесь были остатки деревянных «ларцов» и несколько разбитых сосудов. В соседнем помещении (№ 4) под полом обнаружено три костяка молодых мужчин в обычной скорченной позе головой на север и четырех женщин (они ориентированы на юг). В следующем помещении (№ 2) перед двухкамерной печью найдено много фрагментов сосудов и два изделия из слоновой кости.

Представляет интерес помещение № 3 с двухкамерной печью и нишами в двух стенах (по две ниши в каждой). На его особое назначение указывают два каменных посоха и 13 кремневых наконечников стрел, агатовые бусы с золотыми обоями, аналогичные ближневосточным (в том числе из царских гробниц Ура) и многолепестковый цветок из бирюзы и золота⁵¹. На полу этого частично ограбленного помещения найдены круглые и квадратные «фишки» из слоновой кости с орнаментом в виде кружков.

Однако самые ценные вещи находились в тайнике площадью 1 кв. м у стены, ниже уровня пола на 85 см. В нем

⁵⁰ Там же. С. 181–185.

⁵¹ Там же. С. 183.

было семь сосудов – два золотых, три серебряных и два медных. По заключению В. И. Сарианиди, золотые кубки аналогичны найденным в грабительских раскопках могил Афганистана. Один серебряный сосудик имеет форму усеченного конуса и небольшое дно; он относится к так называемым «рожкам» (франц. *cornet*), типичным для БМАК. На его внутреннюю поверхность нанесена многофигурная композиция⁵². Изображено 10 животных – лев, нападающий на быка, волк, преследующий зайца, антилопа, подстерегаемая львицей, и две других антилопы, а также идущий медведь. В композицию включены горы, растения и водоем с рыбами. Изображение явно свидетельствует о знакомстве создателя с произведениями искусства Месопотамии предположительно аккадского времени⁵³. Наконец, на дне этого сосуда изображена голова рогатого козла, «из глаза которого катится крупная слеза». На полу были найдены фрагменты мозаик⁵⁴. Обнаружены несомненные признаки обрядов с использованием огня, который разводили в двухкамерных печах и очаге с дымоходом; в этих же помещениях найдены человеческие останки.

Следует остановиться еще на одной гробнице, № 3230, хотя она была ограблена так, что человеческие кости оказались перемешаны с украшениями и приношениями. Большая часть ее вероятно была предназначена для будущих захоронений⁵⁵. Сохранившиеся вещи позволяют думать, что умерших сопровождал богатый и значимый, с точки зрения социального положения покойных, инвентарь: каменная «миниатюрная колонка», мозаичные вставки, фрагменты разбитой стеатитовой статуэтки. В одной из камер обнаружено три костяка без инвентаря. В другой

⁵² Там же. С. 183–186.

⁵³ Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus. P. 121–122.

⁵⁴ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 184.

⁵⁵ Там же. С. 179–181.

было также три скелета – двух женщин и карлика. Они были лишены инвентаря, но при них найдено несколько сосудов. В соседней камере сохранилось несколько нарушенных скелетов и один не потревоженный, принадлежавший лежащей скорченно женщине. В ее ногах находилась разрушенная «дарохранительница» с мозаичным орнаментом, а на шее было ожерелье из золотых бус. За головой лежал бронзовый церемониальный топор. С находившимся рядом скелетом мужчины были золотые бусины, у головы – 10 кремневых стрел. Вокруг найдены кости одного мужского скелета и пяти женских.

Кроме обычных захоронений в царском некрополе раскопано три больших ямных в котлованах № 3225, 3240 (ограблен) и 3900⁵⁶. Их содержимое отличается от обычных захоронений: здесь не обнаружено личных вещей, обычно погребавшихся с людьми высокого статуса, однако в каждом была повозка, по два верблюда, убитые рабы или слуги. Как и в других царских погребениях здесь хоронили людей, приносившихся в жертву.

Н. А. Дубова считала правомерным связать котлованы с погребениями, состоящими из «домов мертвых» и двора. Все они находились поблизости от царских гробниц (судя по плану, на расстоянии приблизительно в 5 м): котлован № 3240 – рядом с № 3235, котлован № 3225 – с № 3230, котлован № 3900 – с № 3220.

Поскольку гробница № 3220 могла принадлежать умершему особому статусу (о чем свидетельствует ее выделенность при помощи кольцевой стенки), начнем с предположительно связанного с ней котлована № 3900. В публикации⁵⁷ сначала характеризуется последовательность

⁵⁶ Дубова Н. А. Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. М., 2012. С. 113–115.

⁵⁷ Сарианиди В. И., Дубова Н. А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб.: Алетей, 2010. С. 144–159.

напластований сверху: на глубине 0,6 м от древней дневной поверхности лежала убитая собака. Здесь же было кострище диаметром 1,5 м и толщиной до 0,15 м. Затем котлован заполнили чистым песком, а ниже находился сосуд из глины и бронзовый необычной формы – из семи расположенных по вертикали шаровидных емкостей диаметром от 10 до 20 см. Рядом с ним лежал бронзовый котел без ручек высотой около 0,9 м, диаметром около 1 м и объемом 200 л; он имел следы пребывания в огне. Авторы раскопок отмечают находку бронзовой лопаты, форма которой не отличается от современной совковой. В котловане найдено два каменных посоха и четырехколесная повозка, близкая найденным в погребениях № 3200, 3225 и 3240.

С гробницей № 3235 соседствует котлован № 3240, ограбленный в древности. Он имеет наверху форму прямоугольника площадью около 5,5 кв. м и глубину 2 м⁵⁸. В нем были перемешанные с другими кости 14 человек (останки еще пяти сохранили относительный порядок). Животные представлены двумя верблюдами, одним быком/коровой, теленком и двумя собаками. Найдены остатки колес повозки.

Котлован № 3225 располагался рядом с погребением № 3230. Он округлой формы, диаметром 6 м, глубиной 1 м⁵⁹. В нем обнаружено пять черепов и не менее пяти скелетов молодых мужчин (два стояли на коленях). Вперемешку с человеческими были кости молодого и старого верблюда; у стенки находились 4 колеса от повозки.

Итак, в котлованы помещали принесенных в жертву людей в немалом количестве, повозки, в которые обычно впрягали верблюдов, но могли, как показывают останки, пару ослов. В № 3240 было и две особи крупного скота. На публичный характер обряда указывают размеры огром-

⁵⁸ Сарияниди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 179.

⁵⁹ Там же. С. 177.

ного котла в № 3900 и участие в нем социально выдвинутых лиц, имевших каменные посохи. Сочетание гробницы и котлована при наличии признаков поминальных обрядов в самой гробнице свидетельствует о многосложности почитания умерших, принадлежавших к нескольким социально выдвинутым семьям или родам.

Похороненные в «царском некрополе» по многим признакам могли обладать высоким статусом. В них хоронили последовательно членов большой семьи или рода, при этом сооружения открывали и останки перемещали. Во многих случаях удастся проследить, что останки некоторых людей принадлежали насильственно умерщвленным: это предполагает высокий статус тех, кто был главным погребенным, а убитые скорее всего были рабами. Примечательна традиция украшать стены мозаичными изображениями. Среди вещей было немало попавших из чужих стран. В погребениях нередко помещали повозки, которые были погребальными экипажами, запряженными верблюдами или ослами. Посохи – это знаки социального статуса, причем они слишком многочисленны, чтобы предполагать, что этот статус был исключительно высоким. Скорее можно думать, что ими обладали люди вроде глав больших семей или родов, старейшин. Ими могли быть как сами погребенные, так и участники погребального обряда.

В нескольких погребениях обнаружены ящикообразные вместилища, которые в публикациях условно называют «дарохранительницами». По свидетельству автора раскопок, они встречаются везде в «царских» захоронениях⁶⁰. В некоторых случаях удастся установить их размер – в погребении № 3220 она имела размеры 100×75×60 см. Эти украшенные мозаиками «короба» обнаружены пустыми, но не исключено, что они служили для хранения каких-то вещей и были престижными атрибутами. Не имея аналогий

⁶⁰ Там же. С. 170.

в БМАК, упомянем находки в Алтын-депе, где среди двух категорий ритуальных вещей наряду с антропоморфными статуэтками Ю. Е. Березкин называет керамические коробики⁶¹. Там эти небольшие вещи украшены крестообразными орнаментами, характерными для анауской культуры, на Гонуре – орнаментальными мозаиками, включавшими и чужеземные мотивы.

Уже говорилось, что явно выделенным в «царском некрополе» оказалось погребение № 3220: оно единственное, окруженное стенкой. Но практически все погребальные сооружения, следы обрядов, связанных с ними, их красноречивый инвентарь предстают как свидетельства социального устройства, существования элитарных родов. Примечательно большое количество чужеземных вещей. В то же время эти погребения слишком разнотипны, чтобы их можно было уверенно признать действительно царскими. Власть вряд ли была сосредоточена в руках одной семьи или рода. Наличие в погребениях привозных вещей, возможно, создававшихся не только местными, но и чужеземными мастерами, мозаик и повозок, имеющих аналогии в погребении в Сузах – все это заставляет предположить причастность погребенных к торговле на далекие расстояния, быть может караванной.

Кроме того, такие погребения должны были явиться центрами ритуалов, в том числе отправлявшихся регулярно или периодически.

В связи с «царскими» погребениями на Гонуре целесообразно обратиться к анализу Ю. Е. Березкина многокамерной гробницы на Алтын-депе в его верхнем слое. Он сопроводил его заключением: «...размеры, внутреннее оформление и инвентарь позволяют говорить о ней как о храме, не имеющем на Алтын-депе аналогий. Однако функционировал этот храм на протяжении лишь одного

⁶¹ Березкин Ю. Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии... С. 33.

строительного периода, т. е. самое большое 100 лет»⁶². Все сказанное может быть отнесено к царским погребальным сооружениям Гонура, существовавшим на протяжении, как установлено, около 50 лет. Именно они обладают признаками регулярных ритуальных действий, совершавшихся внутри и рядом с ними. Среди них – помещение новых останков, в том числе в стенных нишах (№ 3235 – кости и череп) и перемещение старых. Судя по немногочисленным (из-за вмешательства грабителей), но красноречивым свидетельствам жертвенных ритуалов, сохранившимся в котлованах и признакам ритуальных действий около наземных алтарей (четыре алтаря около гробницы № 3235), сосредоточению в них немалых сокровищ, гробницы были центром социально значимых для всего (или части) поселения обрядов. Человеческие жертвоприношения – вероятный признак общественного положения родов и/или семей погребенных.

Ю. Е. Березкин сравнил алтынскую гробницу с храмом. При этом он не считал возможным выдвинуть предположение о характере гипотетически возникавшего в алтынской общине культа божества. Он ограничился ссылкой на предположение В. М. Массона о возможности воздействия на «алтынцеv» круга представлений, характерных для месопотамского культа лунного божества (основание – золотая головка быка с полумесяцем из бирюзы во лбу)⁶³. Ю. Е. Березкин предположил, что реакция населения на катастрофическую засуху выразилась в создании здесь разновидности «кризисных культов», подобные которым исследователи находят по всему миру. На Алтыне символами культа этого типа могли быть внезапно появившиеся крупные каменные предметы – «колонки», «жезлы» и др. Однако местные традиции препятствовали возникновению

⁶² Там же. С. 34.

⁶³ Там же. С. 35.

представлений об индивидуализированных божествах, их иерархии, отношениях господства и власти. С ними не было совместимо социальное устройство общества «алтынцев».

Важно замечание о сходстве почитания предков и общинных божеств в Месопотамии, сделанное И. М. Дьяконовым: «Божеству приписывались сверхчеловеческие силы, осведомленность, продолжительность жизни... во всяком случае, способность мощно воздействовать на жизнь людей, по крайней мере в данной общине, – но не бессмертие, не все благодать, не всеведение, не справедливость. <...> При этом общинное божество было земляком членов общины и, несомненно, в известном смысле и родичем. Но и предкам в собственном смысле приписывалась способность воздействовать к благу или злу на жизнь своих земляков и родичей, причем с тем большей силой, чем более могуществен был мертвый при своей жизни и чем дальше он от непосредственной памяти ныне живущих поколений»⁶⁴.

Обитатели Гонура оставили безусловные свидетельства своих обрядов и мифологических представлений – почитание умерших. Помимо забот об их останках в пределах погребений и рядом с ними – это ритуальные захоронения, совершенные в специальных ямах – «котлованах» около нескольких гробниц. Предположительно это №3220, 3230 и 3235. Вряд ли можно сомневаться, что эти специальные захоронения адресовались Земле. Знаками о месте расположения мира мертвых были, в частности, повозки в «царских» погребениях – его явно представляли находящимся далеко, под землей или на расстоянии от мира живых.

Некоторые указания на время почитания умерших можно почерпнуть в календарях городов-государств Месопотамии. Год здесь делили на две половины: Лето (Эмеш)

⁶⁴ Дьяконов И. М. Люди города Ура. С. 372.

и Зима (Эnten), что соответствовало нашим марту – сентябрю и сентябрю – марту. Умерших почитали в основном летом, когда собирали урожай, когда появлялись детеныши у некоторых видов скота, и приходило время заниматься строительством. В марте-апреле праздновали «принятие пищи с родичами» (предками), позже оплакивали некоторых богов. Полевые работы только отчасти связывались с ритуальным календарем. Примечательно, что «съедение непорочного козленка» имело место в начале летнего сезона. На протяжении всего года, и особенно летом почитали умирающих и воскресающих божеств⁶⁵.

Наиболее интенсивные обряды памяти умерших у «гонурцев» могли приходиться на весеннее время, когда происходили важные сезонные празднества⁶⁶. Можно предположить, что тогда и сооружали ритуальные захоронения в «котлованах» – послания в Мир умерших, ассоциировавшийся с плодоносной Землей – одного из главных объектов почитания земледельцами повсюду.

⁶⁵ Там же. С. 292–297.

⁶⁶ Крюкова В. Ю. О гонурских тюльпанах // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т.4. Исследования Гонур Деде в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 222–238.

ПОГРЕБЕНИЯ БАРАНОВ

Особую группу погребений в Гонуре (и вообще в БМАК) составляют захоронения баранов. Эти животные поодиночке, а иногда парами явно могли быть главными объектами ритуала. В таких погребениях содержатся не только богатые приношения, присущие захоронениям людей, но и такие, «которые свидетельствуют о высоком социальном статусе погребенных. Это миниатюрные колонки, каменные посохи, бронзовые жезлы (гарпуны), игральные доски, серебряные и золотые изделия, бронзовые пластины с отверстиями (так называемые «лесенки») и другие»¹. Встречаются в некоторых из них и специально обработанные камешки, скорее всего счетные значки – «калькули», о чем речь пойдет дальше.

Предположение, что бараны могут интерпретироваться как «заместительная жертва», вызывали сомнения, в том числе Н. А. Дубовой – одного из самых внимательных исследователей Гонура. Ей принадлежат важные наблюдения, в том числе об идентичности набора инвентаря, аналогичном положении костяков людей и баранов, о сходном положении поджатых конечностей тех и других². Аргументация в пользу предположения о «замещающей» функции баранов приводится в статье³.

Погребения баранов сохранили относительно богатый инвентарь, быть может, потому, что их на Гонуре по какой-то причине не грабили. Одно из первых раскопанных захоронений такого типа – №18 – получило наименование «погребение агнца». Оно обнаружено у север-

¹ Дубова Н. А. Погребения животных в стране Маргуш. С. 123.

² Там же. С.135, 117.

³ Антонова Е. В. К интерпретации погребений баранов в БМАК // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сариниди. М., 2016. С. 191–203.

ного входа в уже заброшенный к тому времени дворец⁴. В яме площадью 3,5×2,0 м, глубиной 1,7 м при помощи трех перегородок сооружены три камеры. В одной из них на обожженном докрасна полу по линии север–юг лежал баран без головы, грудины и передних ног. Среди его позвонков был бронзовый нож. За спиной находился посох из кристаллического сланца длиной 105 см, толщиной около 5 см с металлическим полым навершием (с семью крестообразными отверстиями и орнаментом в виде плетенки на верхней поверхности). Внутри него находились шарики, так что при потряхивании посоха возникал «специфический шум». Рядом с посохом находилась миниатюрная колонка, на которой лежала краснолощеная ваза. Перед бараном на полу лежало 20 кремневых стрелок, рядом – детали инкрустации из слоновой кости, как полагают, украшавшей шкатулку. Положение колонки указывает на назначение таких вещей – это подставка, своего рода алтарь. Во второй камере было около 20 сосудов и отдельные кости баранов. В третьей камере находились останки двух верблюдов и металлические булавки с драгоценными навершиями.

В. И. Сарияниди сравнил особенности останков ягненка в этом погребении с зафиксированными библейской традицией⁵, а Н. А. Дубова предположила, что ножик в позвоночнике должен был обездвижить животное. Быть может, в этом можно видеть аналогию библейским предписаниям, в которых указывалось, что при заклании жертвенного животного следует уменьшать его страдания⁶.

⁴ Sarianidi V. I. The Biblical lamb and the funeral rites of Bactria and Margiana // *Mesopotamia*, VXXXI, 1996. P. 33–48; Дубова Н. А. Погребения животных в стране Маргуш. С. 113.

⁵ Сарияниди В. И. Библейский миф об агнце и погребальные обряды Бактрии и Маргианы // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции*, Часть V, Кн. 1, Челябинск, 1995. С. 159–165.

⁶ Толковая Библия, или комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета. Т.1. СПб, 1904–1907. С. 441.

Не меньший интерес представляет богатое захоронение – циста № 3310⁷. Она разделена перегородкой на две части. В одной на земляном возвышении лежал ягненок, шея которого опиралась на лежащую колонку. Над ним найдена стеатитовая шкатулка с инкрустациями. Около ягненка на полу в скорченном положении лежала женщина 50–60 лет, вероятно, сопровождавшая ритуального заместителя человека. Здесь же в пол был вмазан крупный сосуд с пережженными костями барана, а на полу находились глиняные и бронзовые сосуды, бронзовый секач и кости барана и козы.

Во второй камере стоял сосуд, вокруг него – девять других. Здесь же найдены остатки «игральной доски» с инкрустациями из слоновой кости, бронзовое ситечко и воронка. Последние предметы предназначались, по-видимому, для процеживания напитка, имевшего осадок (о том, какими могли быть напитки, можно судить, в частности, по месопотамским сведениям⁸). Особого упоминания заслуживает серебряная «сигнальная труба». По мнению Н. А. Дубовой, некоторые вещи в этом погребении напоминают найденные в «погребениях воинов» (№ 2900 и 3280). Примечательно, что за пределами цисты было захоронено четверо животных: баран, собака, теленок и осел.

Особо необходимо отметить парное захоронение баранов, обращенных друг к другу «лицом» (циста № 3130)⁹. За спиной одного из них лежал ягненок и примечательные вещи. Это два своеобразных колюще-рубящих бронзовых меча с почти прямым лезвием, которые авторы раскопок обычно именуют «гарпунами», или жезлами. Их длина – около 50 см, один имел серебряную рукоять; оба были тщательно завернуты в ткань. Здесь же находился косме-

⁷ Дубова Н. А. Погребения животных в стране Маргуш. С. 117.

⁸ Дьяконов И. М. Люди города Ура. С. 111, 318, 324.

⁹ Дубова Н. А. Погребения животных в стране Маргуш. С. 118–119.

тический флакон с аппликатором, кинжал и зеркало. На бронзовые вещи были положены куски мяса молодого верблюда. У ног обоих баранов (инвентарь второго был скромен) найдено множество бронзовых, сердоликовых и гипсовых бусин. Кроме того, в этой цисте лежала «игральная доска» и три кремневые стрелки. Не исключено, что бараны должны были заменять людей разного пола. Это захоронение имеет определенное сходство с цистой № 2900, аналогиями в гиксосском Аварисе.

Здесь уместно обратиться к этой сохранившейся не ограбленной цисте, где погребения людей сопровождалось захоронением животных¹⁰. В ней похоронены мужчина и женщина пожилого возраста в традиционной позе – на правом боку головой на север. Под скелетом мужчины лежал скелет ягненка. У стен стояли 27 сосудов разных форм. У головы мужчины лежали приношения – серебряные и фаянсовые браслеты, панцирь черепахи из фаянса, небольшие серебряные сосуды и вещи, что примечательно, имеющие аналогии в цивилизации Хараппы – это изделия из фаянса и слоновой кости – гребень и инкрустация шкатулки или похожего изделия. У подбородка мужчины – серебряная булавка с навершием в виде фигурки шагающего верблюда, а за головой, в бронзовом сосуде – ожерелье из лазуритовых, сердоликовых и бирюзовых бус. В центре ожерелья находились фигурки двух серебряных обращенных друг к другу быков, инкрустированных вставками из тех же полудрагоценных минералов.

В одном из углов лежали бронзовые вещи: два зеркала, косметический флакон, сосудик в форме почки, воронка с ручкой и ситом для процеживания, блюдечко, нож и треугольный предмет неизвестного назначения; здесь же находились ребра ягненка. У стены стояло лепное

¹⁰ Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура. С. 255–258.

вместилище из глины, в котором была каменная составная статуэтка в парике из черной массы. Наконец, в погребении найден наконечник копья с загнутым черешком; его длина 45 см (подобный, но с позолотой, был найден в погребении № 3280¹¹). Грубость исполнения предполагает местное изготовление; они имеют самое общее сходство с сирийскими наконечниками второй половины III тыс. до н. э.¹² В отличие от них очень близкие сирийскому найдены в слое Тепе Гиссара IIIС¹³.

У восточной стенки этой цисты находилось захоронение животных. Два барана лежали мордами друг к другу с переплетенными передними ногами. За их спинами – по ягненку, у задних ног две собаки. У спины одного барана была нижняя челюсть лошади. Примечательно, что все, кто был помещен в это погребение, лежали на слое зерен пшеницы и ячменя толщиной около 10 см. Быть может, в этом можно видеть проявление представлений о Мире мертвых как стране изобилия. Упомянем египетские, известные по «Книге мертвых»¹⁴. Этот замечательный источник помимо текстов имеет иллюстрации к главам – виньетки с рисунками отдельных вещей и целых обрядовых ситуаций.

Вскоре после обнаружения погребения № 2900 было высказано предположение о его сходстве с найденными в Аварисе, гиксосской столице в дельте Нила. Рядом с погребениями людей в Аварисе хоронили ослов.

В одной из первых работ, посвященных исследованию БМАК, В. И. Сарияниди упомянул находки погребений баранов, совершенных по обряду захоронений людей.

¹¹ Дубова Н. А. Погребения знатных воинов на Гонур Деппе (Туркменистан) // Теория и практика археологических исследований, Вып. 6, Барнаул, 2011. С. 55.

¹² Akkermans P. M. M. G., Schwartz G. M. The Archaeology of Syria...P. 271, fig. 8.22d.

¹³ Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. P. 173.

¹⁴ Бадж, Эрнест Альфред Уоллис. Египетская книга мертвых. СПб.: Азбука, 2012. Глава 110.

Он рассматривал их как явное свидетельство высокой роли скотоводства, нигде, по его словам, не выраженное в столь яркой форме¹⁵.

Опубликованы данные о расположении погребений баранов на Гонуре; они найдены как правило в конструкциях типа цист. Все они обнаружены не в центре, а за стенами «кремля» по всем сторонам света. Некоторые находились в еще большем отдалении от центральной части, за обводной стеной¹⁶. Это может о чем-то свидетельствовать, но о чем — вопрос для будущих исследований.

¹⁵ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. С. 148.

¹⁶ Дубова Н. А. Погребения животных в стране Маргуш. С. 101–115.

ЖИВОТНОВОДЫ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

Установлено, что обитатели Маргианы, в том числе поселения на месте Гонур Депе, наряду с ирригационным земледелием занимались придомно-отгонным животноводством¹. Значит, часть обитателей того или иного поселения, в зависимости от сезона, могла покидать его для выпаса скота. Таким образом, нельзя не заключить, что среди носителей БМАК были и земледельцы, и животноводы. Действительно, трудно предположить, что носители такой обширной общности, располагавшейся в экологически разнообразном пространстве, могли ограничиваться одним видом хозяйствования. Возможно даже, что их локальные группы обладали в этом отношении своеобразием. Хотя материальный комплекс Бактрии В. И. Сарияниди объединил с маргианским, их отличия могут быть заметны хотя бы при сравнении таких важных культурных признаков, как особенности монументальной архитектуры. Обнаруженные к настоящему времени комплексы афганской Бактрии (многие из них – из грабительских раскопок) и Маргианы неравноценны с точки зрения содержащейся в них информации.

Создатели культуры Бактрии, по давнему признанию зарубежных исследователей, представляли своеобразное сообщество. Реконструировать его облик невозможно по аналогии с Месопотамией, где преэминентность культуры имела место на протяжении столетий и тысячелетий. Напротив, в Центральной Азии колебания климата приводили к смене периодов стабильного и нестабильного существования обитателей. Сооружения типа крепостей были символами взаимодействия сплоченных групп кочевников и оседлых общин. В зависимости от менявшихся условий

¹ Сатаев Р. М. Животные в культуре древней Маргианы. Палеоэтнозоологические исследования. С. 32.

кочевники могли оседать на землю. Кстати, именно для кочевников, оставивших некрополи с богатым инвентарем, характерно помещение сокровищ в погребениях². Стабильность между разными сообществами и их процветание обеспечивались благодаря международной торговле.

Исследователи древнего Востока отмечали особую роль пастушеских племен в поддержании связей между земледельческими районами и теми, где практиковалось горное (яйлажное) скотоводство. Скотоводы занимались добычей металлосодержащих руд, их очисткой и изготовлением слитков, стандарты которых были приняты в международной торговле. Торговцы-посредники, как известно по источникам начала II тыс. до н. э., поддерживали отношения с ремесленниками определенных областей, которые они обслуживали³.

В неоднократно цитируемой мною книге П. Амье⁴ постоянно обращает внимание на особую роль подвижных сообществ в бытии древних обитателей Востока на протяжении IV–II тыс. до н. э. Это заслужило резкие отклики со стороны В. М. Массона и В. И. Сарияниди. Они в своих рецензиях приписали П. Амье мнение о подвижных пастухах эпохи энеолита–ранней бронзы как о кочевниках типа скифов или саков⁵. В. И. Сарияниди противопоставил позиции П. Амье свою идею массового переселения с запада на восток, приведшего к возникновению качественно новой культуры⁶. П. Амье был далек от предпо-

² Lamberg-Karlovsky C. C. The Bronze Age of Bactria. P. 15–20.

³ ...История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / Под ред. И. М. Дьяконова, Ч.1, М., 1983. С. 25, 30.

⁴ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C., 1986.

⁵ Массон В. М. Протобактрийский блок древневосточных цивилизаций (К выходу книги: Amiet P. L'Âge des échanges inter-iraniens 3500-1700 avant J.-C.) // Информ. Бюллетень МАИКЦА. Вып. 14. М., 1988.

⁶ Сарияниди В. И. Рец. на кн.: Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens. 3500-1700 avant J.-C. // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 14. М., 1988. С. 99.

жения о существовании на Востоке кочевников, подобных скифам или сакам, в столь глубокой древности. Речь шла о подвижных животноводах, которых можно именовать полуномадами.

Такие условия существования были свойственны обитателям не только Центральной Азии. В Передней Азии еще на заре возникновения производящего хозяйства колебания климата заставляли людей менять образ жизни и приспосабливаться к изменчивым условиям. В конце III тыс. до н. э. на исторической сцене появились амореи. И. М. Дьяконов писал, что они, будучи овцеводами, не отходили от водных источников дальше, чем на два дня пути. Истощение пастбищ вынуждало их переселяться и заниматься подсобным земледелием. Сокращение продуктов животноводства приводило к ухудшению рациона, а сокращение продуктов и земледелия, и скотоводства заставляло становиться воинами⁷.

К. Кепински-Леконт⁸ сравнила некоторые признаки поселений Верхней Месопотамии с современными им гонурскими. Она обнаружила сходство между типами конструкций погребальных сооружений обитателей этих территорий. К. Кепински-Леконт объяснила аналогии обрядов погребения умерших сходными реакциями на критические ситуации, которые возникали, когда коллективы сталкивались с социальными, экономическими и культурными проблемами. Особенно свойственно этономадам, к которым она относила обитателей Верхней Месопотамии и Гонура⁹.

Проблема взаимоотношений оседлых и подвижных обитателей – одна из ключевых в исследованиях истории Среднеазиатско-Казахстанской культурной провинции,

⁷ Дьяконов И. М. Люди города Ура. С. 13.

⁸ Kepinski-Lecomte Ch. Turkmenistan and Northern Mesopotamia during the bronze period // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сариганди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб., 2010. С. 128–133.

⁹ Ibid.

начиная со II тыс. до н. э. и, как сейчас выяснено, гораздо более раннего времени. Особенности подходов, принятых отечественными археологами при интерпретации своих данных, проанализировала Л. А. Чவர்¹⁰. Этот анализ представляет интерес, поскольку принадлежит вдумчивому исследователю, этнографу, т. е. представителю близкой археологии науки.

По ее мнению, археологи перед интерпретацией своих данных склонны сначала создавать схемы, расставлять некие вехи, заимствованные из сочинений других авторов (добавим, что это могут быть историки, лингвисты, те же этнографы), а затем сопрягают с ними археологический материал. При этом осознание относительной самостоятельности и важности собственных археологических свидетельств – редкое и отрадное исключение в их работах¹¹. Кроме того, археологи склонны опираться на интуицию скорее, чем на продуманную методику. У Л. А. Чவர் создалось впечатление о традиционном невнимании археологов вообще к методической стороне исследовательской деятельности¹². С сожалением следует признать справедливость этого заключения. Имея в виду одну область исследований – проблему оседло-кочевнического диалога, Л. А. Чவர் считает целесообразным следовать нескольким этапам работы: это глубокое и тщательное исследование полевых материалов, умение прочесть в них, как в тексте, «археологическое высказывание», затем постепенно, по определенным методическим «правилам» перейти к обобщениям, и, наконец, сравнить их результаты с аналогично исследованными источниками. И только потом превратить первичные сведения в полноценное знание¹³.

¹⁰ Чவர் Л. А. Проблема оседло-кочевнического диалога в древней Средней Азии...

¹¹ Там же. С. 406.

¹² Там же. С. 409.

¹³ Там же. С. 432.

Добиться всего этого очень трудно, в этом надо согласиться с автором работы. Трудности возрастают, когда археологи сталкиваются с неожиданно своеобразными материалами. Именно в такой ситуации оказался В. И. Сарияниди, обнаруживший множество информативных контекстов.

Среди таких материалов – погребения баранов, которые оставили люди, жившие как в Маргиане, так и на поселениях Бактрии, Южной и Северной. В результате сосуществования людей с разной хозяйственной ориентацией (земледельцев и скотоводов), в их общем мировосприятии должны были сочетаться образы растительного и животного мира. Напомним, что шумеры почитали божеств Лахар, заботившейся об овцах, и Ашнан – богиню посевов, совместная деятельность которых олицетворяла изобилие.

Вероятно, погребения баранов – существ, занимавших в мифологической модели мира место, сходное с положением людей¹⁴, могли быть особенно актуальны для традиций животноводов. Хронологические отличия между погребениями людей и баранов со сходными признаками обряда и инвентаря на Гонур Депе не отмечены, а их распределение на исследованной территории¹⁵ таково, что предположения культурно-исторического характера выдвигать как будто преждевременно. Тем не менее замечательно, что на территории «дворца» встречено всего одно такое погребение, а за его пределами они найдены в раскопках, расположенных по всем сторонам света.

Примечательны различия между культурами Маргианы и «зеравшанской культурной провинцией БМАК»¹⁶. Обитатели долины Зеравшана занимались горнодобываю-

¹⁴ Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. С. 6–87, 97.

¹⁵ Дубова Н. А. Погребения животных в стране Маргуш. С. 101.

¹⁶ Аванесова Н. А. Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди / Труды Маргианской археологической экспедиции, Т.3, СПб.: Алетей, 2010. С. 334–364.

щим делом и металлообработкой, скотоводством и земледелием. Они продолжали изготавливать лепную посуду, хотя пользовались и гончарной. Их погребальные сооружения, положение и ориентировка умерших и другие элементы (формы использовавшихся в обрядах фигурок) существенно отличаются от маргианских, хотя жившие в долине Зеравшана находились в тесных контактах с земледельцами.

Н. А. Аванесова определяет в эпоху палеометалла несколько разновидностей хозяйственных укладов. Они были ориентированы на деятельность, в которой дополняющую роль играло скотоводство и земледелие, горно-металлургическое производство и обмен. В Сазаганском староречье, по ее мнению, сложился особый зеравшанский вариант БМАК, где скотоводы играли в обмене заметную роль¹⁷. В одном погребении явны признаки участия женщины в добыче металла (песты, наковальня) и его плавке (чаша со слитком бронзы). В нем же найдены косметический флакон, лазуритовые, сердоликовые и бирюзовые бусы – вещи, характерные для БМАК. В погребении мужчины встречена лепная и гончарная керамика, необработанные бирюза и лазурит, орудия для ювелирных работ. О высоком общественном статусе ювелира говорит наличие псалиев – приспособлений для лошадиной сбруи¹⁸. Это наблюдение особенно важно, поскольку указывает на общественную выделенность ремесленников, которая прослеживается и в Гонуре, как явствует из данных погребений. Поликультурный материал является признаком симбиоза носителей разных культур. Он также позволяет определить раннее присутствие в XVIII–XVI вв. до н. э. степных сообществ¹⁹. По мнению Н. А. Дубовой, это заключение спорное, т. к. подвижные скотоводы могли быть и,

¹⁷ Там же. С. 336.

¹⁸ Там же. С. 338.

¹⁹ Там же. С. 357.

скорее всего, были местными, бродившими вокруг оазисов, как это было в доисторической Бактрии.

Для понимания культурных процессов в Средней Азии (используем старую привычную терминологию), отношений «степняков» и земледельцев большое значение имеют результаты тщательных исследований Н. А. Аванесовой могильника Бустон VI²⁰. Он относится ко второй половине II тыс. до н. э., когда элементы БМАК сохранялись уже как наследие в изменившейся культурной ситуации. Особенности некоторых находок на Гонуре могут быть разъяснены благодаря исследованиям памятников «финального этапа доисторической Бактрии».

В бустонском могильнике обнаружены погребения ягнят и овец в подбойно-катакомбных могилах. Они сопровождаются сосудами, в отдельных случаях многочисленными, украшениями (бронзовыми и каменными бусами); найдено одно зеркало²¹. Погребения людей совершались с соблюдением разных обрядов (перезахоронение останков, расчленение, помещение только частей тела и т. д.). На дне большинства – следы подстилок, подсыпки охры, мела, золы. Зафиксировано более 30 случаев кремации. Установлено, что в течение всего года около захоронений совершались обряды, на что указывают так называемые «помины»²².

Особенно выделяется погребение барана с мощными рогами (№ 331). В нем был необычно богатый набор бронзовых, золотых и глиняных изделий, сочетавший черты степных и земледельческих культур²³.

²⁰ Аванесова Н. А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии / Отв. ред. Аскарлов А. Самарканд: Изд. Международного института исследований Центральной Азии, 2013. 640 с.

²¹ Там же. С. 313–315.

²² Там же. С. 22–23.

²³ Аванесова Н. А. Новые работы на некрополе Бустон VI // Археологические работы в Узбекистане, Вып. 6, 2003. С. 24.

На некрополе Бустон VI выявлено 55 символических могил, где наряду с другими вещами («алтарь», сосуды и т. д.) были конусовидные «фишки-жетоны». Они, по мнению Н. А. Аванесовой, обладали особым ритуальным статусом в связи с ролью в культовых действиях, где они были «семантико-несущими знаками». Их следует рассматривать в ритуальном контексте как связанные с погребальной сферой²⁴. Иными словами, знающие словесные тексты участники ритуалов, представлявшие облик умерших и т. д., поймут и смысл «фишек-жетонов». Но в бустонских погребениях есть и антропоморфная скульптура.

Согласно Н. А. Аванесовой, скульптура играет особую роль в распознавании смысла («семантического кода») глиняных поделок. Имеющие высоту 14–15 см изображения были выполнены в «индивидуальной манере»: «...Антропоморфные изображения имеют функциональную сущность, но не иконографические характеристики...». Н. А. Аванесова полагает, что это не божества, которым поклонялись как идолам, и не символические знаки покойных. Их чтили не ради них самих. Возможность понять их смысл может осуществляться через идентификацию условных фигур с некоторыми сюжетами Вед и классами ведических персонажей (Варуна, Индра, Сарасвати). Поиски исходных типов в более ранней культуре юга Узбекистана в сопредельных районах Передней Азии остались безрезультатными²⁵. Этого следовало ожидать, поскольку изображения выполнены «в индивидуальной манере». Образы традиционного восприятия мира подвижными скотовами воплощались вербально, но соответствующие тексты не известны, т. к. письменности они, естественно, не знали. Чтобы соотносить условные изображения с «сюжетами Вед», надо обладать уверенностью в этнолингвистической

²⁴ Там же. С. 25.

²⁵ Там же. с. 26.

принадлежности их создателей, да и в этом случае трудности отождествления кажутся пока непреодолимыми. В отечественной науке недавно была предпринята попытка сближения произведений звериного стиля и словесных текстов индоиранцев. Для этого понадобились усилия историков-археологов и лингвиста²⁶. Следует учесть, что изображения в скифо-сибирском зверином стиле несравненно богаче информацией, чем прочерченные линии и ветвеобразные знаки на бустонских изделиях.

Существенно различаются способы реализации мировосприятия у подвижных скотоводов и оседлых земледельцев. У последних существовала долгая традиция визуальной фиксации информации. В погребениях и жилищах Гонур Депе находят антропоморфные фигурки из глины, которые генетически связаны с традиционными анаускими, менявшимися в системе общих перемен культуры, в частности, и в результате взаимодействий с соседями. Достаточно одного взгляда на маргианские антропоморфные фигурки, чтобы понять, что они выполнены в культуре с многовековой традицией изобразительности, истоки которой прослеживаются в анауской пластике.

Признаки новой ситуации заметны в поздних отложениях на Гонур Депе. В одном из помещений Западного микрокомплекса раскопа 16 был найден необычный набор вещей. Примечательна крупная антропоморфная фигурка из необожженной глины²⁷. Она схематичная, крестообразной формы и обладает некоторым сходством с бустонскими. О приверженности обитателей степной традиции свидетельствуют найденные вместе с фигуркой пять лепных чашечек. На одной из них, как и на голове и плече

²⁶ Раевский Д. С., Кулланда С. В., Погребова М. Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М.: ИВ РАН, 2013. 274 с.

²⁷ Сарианиди В. И., Дубова Н. А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур Депе (Раскоп 16) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т.2, М., 2008. С. 36.

фигурки, сделаны ямки-проколы. По мнению авторов раскопок, они «являются свидетельством каких-то колдовских, магических действий»²⁸.

В полу этого же помещения обнаружено подбойное погребение юноши. Его скелет сохранил следы пепла и угольков. В могиле помимо сосудов было два антропоморфных «идольчика» также крестообразной формы. В верхней части у плеча были вмазаны угольки, «видимо, символизирующие сердца». Две подобные фигурки обнаружены еще в одном помещении того же комплекса, но на сей раз они имели признаки мужского и женского пола²⁹.

Авторы публикации пытались интерпретировать эти фигурки, сравнивая их с традиционными для гонурских терракотовыми и составными каменными. В результате они отмечают: «Назначение таких идольчиков в культовой символике Маргианы остается не совсем ясным». В. И. Сарияниди и Н. А. Дубова почему-то предполагают существование «у жителей представлений о душе», что доказать, естественно, невозможно. Вряд ли приемлемо и предположение («с наших современных позиций»), что они передавали «безутешных родителей»³⁰.

Судя по всему комплексу и контексту находок – формам антропоморфных фигурок, погребению, посыпанному золой с угольками, а также фигуркам геометрических форм в помещении № 52 того же комплекса³¹, напоминающим условные «фишки-жетоны» из Бустона, в поисках аналогий целесообразно обратиться к степным памятникам. В цитировавшейся выше публикации Н. А. Аванесовой мы находим все эти признаки глиняных изделий. Следует при этом напомнить, что Н. А. Аванесовой принадлежит ста-

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 37.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 38.

тья, посвященная связям обитателей долины Зеравшана с БМАК, которая служит обоснованием вышесказанному: вероятно, пришельцы «степняки» жили на Гонуре. Более того, не исключено, что они подверглись аккультурации со стороны местного населения. Так можно объяснить признаки ритуалов с оставлением антропоморфных фигурок в помещениях: В. И. Сарияниди и Н. А. Дубова рассматривают некоторые из них (№ 42, 43, 48, 54 и смежных с ними) как имевшие культово-церемониальное назначение³².

Здесь целесообразно остановиться на обрядах, отправлявшихся в домах. На Гонуре найдены их красноречивые свидетельства в помещениях, служивших мастерской для изготовления вещей из сплавов меди³³. В одном из них около двухкамерного очага найдены разбросанные фрагменты антропоморфных статуэток. Удалось собрать три почти целые фигурки и три фрагментированные. Они разных типов. Наиболее жизнеподобные – уплощенные, с формованными защипом лицами и глазами, образованными двумя прилепленными полукружиями. Расширяющийся кверху головной убор имеет по краям два отверстия, в которые могли вдевать «сережки» из металла или других материалов. У всех подчеркнут признак женского пола. Одна – безусловно мужская, с наlepным поясом и прочерченным признаком пола. Ноги вылеплены отдельно одна от другой, при этом выделены ступни. На груди прочерчены две пары нитей, к которым в одном случае (у мужской) подвешена, вероятно, печать-амулет³⁴. По предположению Н. А. Дубовой, здесь проводились «какие-то религиозные ритуалы, целью которых было получение благосклонности духов и/или богов, дабы они сделали сплав, соответствующий

³² Там же. С. 38.

³³ Дубова Н. А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9) // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т.2, М., 2008. С. 94–99.

³⁴ Там же. Рис. на С. 102–103.

щий требованиям, а изделия из него – прочными и долговечными»³⁵.

Все фигурки несомненно происходят от статуэток того типа, которые изготавливали в период Намазга V. В Гонуре и в Маргиане вообще фигурки имели формы, восходящие к анауским, и при этом сохраняли прочерченные по сырой глине древообразные изображения на теле и восьмиконечные «звезды» на плечах. Но существуют и новые черты: теперь нижняя часть не лепится обобщенно, а имеет вид вылепленной пары ног с подчеркнутыми коленями. Две похожие статуэтки обнаружены в поселении Аджи Куи 9, где они находились в стенной нише помещения 25³⁶.

Примечательно, что такие фигурки имеют определенное сходство с обнаруженными в Эбле эпохи средней бронзы³⁷. Это служит дополнительным, хотя и небольшим, свидетельством общих путей развития культуры на Ближнем Востоке эпохи бронзы.

Замечательный комплекс остатков действий в мастерской, как представляется, может указывать и на существование обрядов ритуального оставления построек. Следы их совершения зафиксированы в энеолитических поселениях в подгорной полосе юга Туркменистана (Кара-депе, Геоксюр 1) и особенно явно – в Илгынлы-депе³⁸. К позднему энеолиту относятся признаки ритуального оставления «святилища» на Алтын-депе – следы сожжения хвороста, зола на полу, целые и разбитые сосуды³⁹.

³⁵ Там же. С. 98.

³⁶ Rossi-Osmida G. Preliminary report on research carried out in the Oasis of Adjji Kui 2004 // *Central Asia Cultural Values*, № 3. St. Petersburg, 2004. P. 24.

³⁷ Akkermans P. M. M. G., Schwartz G. M. *The Archaeology of Syria...* P. 325.

³⁸ Антонова Е. В. О символизации жилища // *Текст Контекст Подтекст. Сб. к 80-летию М. Н. Погребовой. М., 2013. С. 40.*

³⁹ Кирчо Л. Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации... С. 147–148.

ПОГРЕБЕНИЕ БАРАНОВ С ОСЛОМ И «КАЛЬКУЛИ»

Погребения баранов на Гонуре отличаются разнообразием, что указывает на важность этих животных в ритуалах обитателей. Одно из них уникально – это так называемое «ритуальное захоронение животных»¹. Оно было найдено на холмике, расположенном к юго-западу от центральной части Северного Гонура. Здесь, на берегу древнего русла Мургаба обнаружен котлован площадью более 9 кв. м и глубиной около 1,5 м. В нем при помощи трех стенок устроены четыре камеры. Перед ними в нишах найдено по 4 или 5 сосудов. В трех захоронениях, расположенных в ряд, находились захоронения баранов, в одном, перпендикулярном к ним (№ 3597) – осла, голова которого была повернута назад; он выделяется не только положением, но и особенностями инвентаря. Все захоронения перекрыты камышовыми циновками, обмазанными глиной.

Погребения баранов имели площади около 2,5 кв. м, глубину около 1,5 м, ориентированы с севера на юг. В их южной части в углу рядом с входами, на выстилке из сырцовых кирпичей, лежали на правом боку скелеты баранов (их номера с запада на восток: 3621–3623). Костяки всех были полными за исключением среднего, № 3622, который не имел черепа.

В противоположной входу части, у стены с небольшой нишей, во всех камерах были многочисленные сосуды – от более 10 до более 20. Во всех могилах лежали каменные колонки, которые, вероятно, являются знаками жертвенного назначения всего комплекса.

Инвентарь захороненных несколько различался. Все имели небольшое, хотя неодинаковое количество бронзовых вещей – сосуды, пластины с отверстиями, какие-то

¹ Дубова Н. А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9). С. 50–57.

стержни, наконечники стрел. У двух были четырехзубые наконечники жезлов. У двух баранов были бусы из полудрагоценных минералов. Свообразием отличалось захоронение осла: в нем были скелеты трех ягнят. Как и в других случаях, можно думать, что вещи соответствовали социальному положению захороненных (напомним, что мы считаем баранов «заместителями» людей). Во всех погребениях баранов найдены металлические пластины, именуемые обычно «лесенками». В погребении № 3622 их было две (одна – с двумя отверстиями), № 3623 – одна с одним отверстием и в № 3621 – одна вовсе без отверстий².

Особый интерес в этом коллективном захоронении представляет находка в двух из них (№3621 и 3623) скоплений мелких каменных изделий разных форм. В одном случае они располагались на земляной выкладке за головой барана³, в другом – у скопления керамических сосудов около стенки⁴. В публикации Н. А. Дубовой приводится их подробное описание, которое мы несколько сокращаем.

Погребение № 3621.

1. Изделия усеченноконической формы высотой 19–22 мм, диаметры оснований – 16–20 мм. 4 экземпляра.

2. Изделия цилиндрической формы высотой 25–27 мм, диаметры – 15–16 мм. 4 экз.

3. Изделия трапециевидной формы высотой 22–23 мм, диаметры оснований – 14–20 мм. 3 экз.

4. Изделия округлой формы, диаметры – 13–18 мм. 10 экз.

5. Изделия треугольной формы высотой 13 и 19 мм, длина оснований – 29 и 30 мм, их ширина – 21 и 15 мм. 2 экз.

² Там же. С. 56.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же. С. 53.

6. Изделие трехгранное высотой 21 мм, наибольший размер основания – 17 мм. 1 экз.

7. Изделия конической формы высотой 21–34 мм, диаметры оснований – 21–34 мм. 15 экз.

8. Изделие таблеткообразное высотой 8 мм, диаметр – 14 мм. 1 экз.

9. Изделия продолговатые, неопределенной формы, длина – 14–22 мм. 17 экз.

Погребение № 3623.

1. Изделия конической формы высотой 19–26 мм. 6 экз.

2. Изделия округлой формы: малого размера (11 экз.); среднего и большого (13 экз.); всего – 24 экз.

3. Изделия неопределенной формы длиной 20–29 мм. 9 экз.

Погребение баранов вместе с ослом – пока единственное такого типа, зафиксированное на Гонуре. Имеющиеся сведения о ритуальной практике конца III – начала II тыс. до н. э. на Ближнем Востоке свидетельствуют, что жертвоприношения осла осуществляли в связи с важными событиями. При отсутствии лошади и верблюда ослы были особенно ценными животными. Известно письмо из Мари, в котором говорится о мирном соглашении между кочевниками, перегонявшими свой скот, и оседлыми жителями. Для этого требовалось совершение ими совместного обряда заклания животного – щенка, козы или осла. Осленок считался наиболее ценной жертвой, в частности, и у амореев⁵.

Захоронение трех баранов, возможно, символизировавших коллективы заинтересованных сторон, и осла, могло закреплять договор между предводителями (о чем

⁵ Finet A. Le sacrifice de l'âne en Mésopotamie // Ritual and Sacrifice in the Ancient Near East / ed. by J. Quaegebeur, Orientalia Lovaniensia Analecta, 55. Leuven: Peeters, 1993. P. 135–142.

свидетельствуют жезлы в погребениях) коллективов, возможно, родов или больших семей. Причиной договора могло быть распределение земель или что-то не менее важное, например, совместные действия для предотвращения последствий стихийных бедствий или союз против общего врага. Обряды сопровождались жертвенными пиршествами, на что указывают многочисленные сосуды. Можно предполагать, что счетные камешки должны были фиксировать «материальный вклад» участников договора в общее дело. Скопления подобных вещей найдены на Гонуре и в других контекстах. Но прежде чем обратиться к некоторым из них, целесообразно упомянуть находки в Сузах и Тепе Гиссаре.

В Сузах была обнаружена «Ваза-тайник» (*Vase à la cachette*) – сосуд так называемого «II стиля»⁶. В нем были каменные сосуды, подобные которым найдены в гробницах Ура и в Восточном Иране. Они изготовлены из карбоната кальция – прекрасного полосатого бело-желтого алебастра, который называют «мраморным ониксом» или «древним алебастром»⁷. П. Амье считает, что они могли относиться к долгой эпохе контактов с Восточным Ираном, продолжавшейся до начала II тыс. до н. э. (к вещам из такого минерала принадлежит, по словам П. Амье, необычный предмет в виде небольшой треугольной подставки с парой коротких плоских выступов и короткой шейкой у основания⁸). В высшей степени примечательно, что похожая вещь и из такого же минерала была найдена, по любезному сообщению Н. А. Дубовой, на Гонуре. По нашему предположению, это были подголовники, попавшие в погребения в результате обмена на далекие расстояния. Их возможными прототипами были подголовники, применявшиеся

⁶ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 125–128.

⁷ Ibid. P. 128.

⁸ Ibid. P. 127, где указаны возможные аналогии; см. также fig. 69.

в Египте (за консультацию по этому вопросу благодарю А. А. Петрову).

В сузской «Вазе-тайнике» найдены печати, а также металлические кольца и мраморные и кальцитовые камешки. Их П. Амье называет «калькулями» – так именovali счетные камешки в римской абакe. При наименовании он следует А. Л. Оппенхейму, назвавшему так камешки в яйцеобразной «булле» из Нузи⁹. Известно, что в хурритской Аррапхе в середине II тыс. до н. э. «рядовое население» при учете скота пользовалось разноцветными гальками. Гальки по числу животных заключали в глиняный цилиндр, на поверхности которого грамотный посредник делал соответствующую надпись¹⁰.

В сузской вазе в набор камешков входили относительно крупная «галька», небольшой камешек и 11 почти одинакового размера, напоминающих косточки маслин – все они были тщательно обработаны. Эти камешки, образующие по величине три порядка, вместе с кольцами из серебра (одно – золотое) должны были указывать стоимость всех находившихся в вазе вещей. Имевшиеся в ней печати (которых было шесть) обозначали участников сделки при отсутствии возможности письменной фиксации. Впрочем, замечает П. Амье, не исключены другие варианты толкований.

П. Амье приводит аналогичные калькулям камешки разных цветов из маленького «клада» в Гиссаре IIIС, относящемуся к более позднему, чем сузская находка, времени. Это 3 конуса, 4 шарика и 8 веретенообразных камешков¹¹. Таким образом, они тоже образуют три порядка¹². Эти све-

⁹ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 76.

¹⁰ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч.1. С. 74.

¹¹ Schmidt F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. P. 232, pl. LXX.

¹² О теориях исследований предыстории систем учета и контроля в пору становления государств см.: Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. С. 193.

дения имеют особый интерес, поскольку носители БМАК и население долины Горгана в Иране находились, вероятно, в близких отношениях, а признаки сходных способов учета – дополнительные источники для исследования организации общественных и хозяйственных отношений в обществах, не знавших письменности.

«Проблема калькулей» заставляет еще раз обратиться к одной из важнейших проблем осмысления истории БМАК и особенно Гонура, как центра обширной области. На протяжении этого раздела приходится вновь и вновь обращаться к погребениям особого типа, которые сначала называли царскими, а теперь все чаще именуют таковыми, но в кавычках. Среди них – ограбленное погребение № 3880¹³, расположенное к юго-западу от погребения № 3220 с кольцевой стенкой. Оно рассматривается нами в этой части работы потому, что обладает немаловажным свидетельством – каменными изделиями, похожими на те, что были обнаружены в захоронениях баранов.

Планировка погребения № 3880 близка уже известной в других случаях: «двор» и «дом мертвых» с четырьмя камерами. Во дворе было пять крупных сосудов («пифосов») и более 30 сосудов разных форм. Среди них находились четыре каменные колонки из «мраморного оникса». Во дворе лежал молодой верблюд с мозаичным украшением – «табличкой» на груди, а также крупная собака. Во дворе оказалась и выброшенная при ограблении «дарохранильница» с мозаичным декором из крестообразных фигур, составленных из листьев (по определению авторов раскопок, пипала). Мозаиками в виде распространенного мотива «горок» был украшен косяк входа в гробницу. При создании декоративных композиций пользовались деталями красного, белого и черного цветов.

¹³ Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура... С. 159–170.

Под «дарохранилищницей» найдены скелеты двух молодых людей; кости мужчин были и в камерах.

У наружной стены помещения № 2 находилось маленькое возвышение из кирпичей. На его поверхности лежали обработанные камешки: шесть белого цвета в форме фисташек, девять белых шаровидных с красноватой и голубоватой окраской и два черных, напоминающих ягоды тутовника. Примечательно наличие в этом погребении чужеземных элементов, в частности, орнаментальных, аналогичных хараппским – таковы листья пипала, вписанные в круг – мотив, как полагают, типичный для этой культуры.

Упомянем еще несколько случаев находок предметов, которые можно причислить к «калькулям». Один из них – циста № 3149 в так называемом «южном могильнике»¹⁴. Мужчина 40–50 лет лежал в необычной позе – на спине и на возвышении. С ним был положен жезл с шестизубым наконечником. За стеной цисты находилась яма с двумя козлами или баранами. В углу захоронения было 12 сосудов разных форм; около донца одного в определенном порядке лежало пять бронзовых наконечников стрел и восемь изделий из мраморовидного камня: три в виде усеченного конуса, четыре шаровидных и еще один с отрезанным сегментом. Таким образом, и в этом случае «калькули» образуют две или три группы, если учитывать найденные вместе с ними бронзовые наконечники стрел (кстати, обычно их делали из кремня). Н. А. Дубова считает эти вещи связанными с какими-то особыми представлениями.

Скопление специально обработанных камешков разных форм из различных минералов (яйцевидные, конические, овальные и т. д., всего 19) найдено в поврежденном погребении № 4150 (раскоп 19 на северо-запад от центрального комплекса). Оно состояло из четырех камер: в трех находились разрозненные человеческие кости, а в чет-

¹⁴ Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура. С. 262–263.

вертой обнаружены кости осла, собаки, свиньи, двух ягнят и двух коз.

В этом захоронении оказался столь богатый набор «иноземных» вещей, что авторы статьи сочли его показательным для выявления контактов Маргианы в III тыс. до н. э.¹⁵ Среди них – фигурка обезьянки, изделия из слоновой кости («палочки», «игральные кости»). Это – указание на непосредственные контакты с долиной Инда. Аналогию с материалами Гиссара II–III представляет лепной сероглиняный сосуд с лощением. Кроме того, найдены две фаянсовые печати и фрагменты мозаики. Примечательно также захоронение здесь нескольких животных, как это было в цистах № 2900 и 3310.

Есть сведения и о существовании другой системы счета и фиксации ее результатов. Глиняные шаровидные уплощенные предметы с условными геометрическими изображениями обнаружены у входа во «дворец» Гонура¹⁶. Единичность этой находки позволяет лишь фиксировать ее.

Таким образом, есть основания полагать, что на Гонуре применялась система учета, что было необходимо при обменно-торговых операциях, в которые был вовлечен если не весь верхний слой, то по крайней мере его часть, предполагаемая элита.

¹⁵ Сарияниди В. И., Бороффка Н. Г. О., Дубова Н. А. Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н. э. Новые данные по Гонур Депе (погребение № 4150) // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 5, 2014. С. 127–137.

¹⁶ Сарияниди В. И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002. С. 286–287.

ОБМЕН И ТОРГОВЛЯ

Анализ свидетельств взаимодействия между сообществами и носителями археологических культур – одна из самых важных тем данной работы. Аналогии между вещами и их комплексами определяют такие моменты, как генезис культур, особенности бытования в них явлений разных сфер – от жизнеобеспечивающих до обрядов и данных, связанных с религиозно-мифологическими представлениями. Обменные связи могут выступать как альтернативы объяснений культурных перемен, в том числе переселений. Важно заключение не археологов, а историков о том, что сложение экономических взаимосвязей «...стран Передней Азии нам раскроется прежде всего в развитии международной торговли»¹. При этом степень развития торговли связана с уровнем развития ремесленного производства.

Все исследователи БМАК, или, по терминологии А.-П. Франкфора, цивилизации Окса, считали торговлю одним из важнейших факторов ее возникновения и существования. По мнению этого автора, зарождение цивилизации Окса протекало в зоне бытования культуры типа Намазга III, тяготевшей к югу – Систану, Белуджистану, Керману. Близость к Великому Хорасанскому пути способствовала связям с югом и севером Месопотамии. Позже «оси политических и культурных» контактов сместились к северу, что маркируют вещи хараппского и месопотамского происхождения². По Великому Хорасанскому пути осуществлялась караванная торговля. В обширной статье А.-П. Франкфора и Кс. Трембля 2010 г. были обобщены сведения о чужеземных вещах на территории БМАК. Неко-

¹ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч.1. С. 21.

² Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus. P. 112–126.

которые из них даются ниже, другие приводились по ходу описания «царских» и других погребений.

Одна из особенностей встречаемости явно чужеземных вещей в памятниках БМАК – сосредоточение многих их категорий не в самых элитарных комплексах, какими являются в первую очередь «царские» захоронения. Многие из них находят в рядовых погребениях – в частности, это золотые сережки, которые называют «ребристыми лодочками»³. Изделия из региона хараппской культуры, изготовленные из слоновой кости, сердоликовые бусы обнаруживают и в погребениях людей не самого высокого ранга⁴, как и вещи из фаянса (браслеты и сосуды особой формы). В погребениях (в том числе баранов) обнаружено оружие редкой формы – своего рода мечи⁵ и украшения типа навершия булавок в виде женщины в «каунакесе»⁶. Сведения о частоте распространения таких вещей предполагают существование рыхлой и относительно малодифференцированной общественной структуры с развитым обменом.

Отсутствие собственных письменных свидетельств у носителей догосударственных образований вызывает необходимость обращения к жизни маломасштабных обществ традиционного Востока. Коммуникации в них осуществлялись по типу устного общения, как это происходило и у носителей интересующих нас культур. В качестве примера обратимся к пригималайским апатани⁷.

Они не объединялись в крупные сообщества. В то же время отношения между группами селений были прочными и регулируемы. Такая система могла существо-

³ Ibid. P. 117.

⁴ Ibid. P. 114.

⁵ Ibid. P. 120.

⁶ Ibid.

⁷ Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М.: Наука, 1980. 260 с.

вать только при сохранении мирных отношений, для чего между деревнями заключались договоры. В деревнях правлением занимались советы представителей родов, организованных по возрастному принципу: старейшие – вожди, люди средних лет и молодежь. Каждая группа обладала своими функциями. Споры разрешали публично разными способами, в том числе через состязания щедрости типа потлача. Приносимые дары продуктов питания и ценностей частично поступали в распоряжение всей общины⁸.

Ремесло было в основном домашним и совмещалось с земледелием, что отличалось от ситуации на равнинах, где существовали кастовые общины, специализация которых определялась сложностью ремесел. Самым сложным считалось плотницкое, а тенденцией в этом направлении отмечено кузнечное и горшечное. Были целые деревни со своей специализацией, при этом их жители не порывали с земледелием⁹.

Вещи перемещались в основном по социальным каналам, в частности, через дарообмен и приданое. В то же время существовали явления, принесенные новым временем, – базары, лавки, а также странствующие торговцы. На высоком уровне циркулировали произведения ремесла – украшения, церемониальное оружие, продукты питания и скот для жертвоприношений.

В организации обмена продуктами долговременного хранения существовала кооперация торговцев, распространявших их по цепочке. Кроме того, деревенский совет мог выделять специальных подрядчиков, которые платили ему за соответствующую лицензию, и подрядчики не могли их миновать. Их можно сравнить с тамкарами, игравшими важную роль в организации торговли на Востоке в древности¹⁰.

⁸ Там же. С. 192–194.

⁹ Там же. С. 55–58.

¹⁰ Дандамаев М. А. Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н. э. // Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н. э.), Ереван, 1973.

Подрядчики устанавливали связи с агентами на равнинных базарах¹¹. Таким образом, регуляторами обмена выступает не элита, а общинные институты. Эта организация, как полагают, замедляла развитие техники. С этим можно связывать ее застойность в поселениях, подобных Шахри-Сохта: здесь, как было установлено, для изготовления бус использовали орудия типа неолитических. Подобное состояние техники было зафиксировано и в других поселениях энеолита и бронзы, в том числе на Гонур Депе в погребении № 1200 (см. ниже).

С обменом у носителей БМАК было связано ремесленное производство, на некоторых областях которого мы остановимся. Признаки ремесла на Гонуре многочисленны. Конечно, на первом месте – гончарство, обеспечивавшее жителей сосудами разнообразных форм – от сосудов для хранения припасов до предназначенных для приготовления пищи и столовой посуды. На месте должна была обрабатываться кожа, волокна животного и растительного происхождения.

Особого внимания заслуживают исследования в области древнего ткачества. Одежда и утепление жилища играли, по-видимому, не меньшую роль, чем обеспечение продуктами питания. Е. Г. Царева обратила внимание на свидетельства применения на Гонуре тканей, что прослеживается на примере изображений высокопоставленных женских персонажей или богинь. По ее сообщению, подобные им облачения именуются по-турецки филикли, по-гречески – каунакес. Это были толстые рыхлые ткани, которые изготавливались при помощи узелковой вязки с длинным ворсом (до 30 см). Одежды из них известны у современных пастухов, например, карпатских. Е. Г. Царева возражает против традиционного мнения о применении в жаркой Месопотамии неудобноносимых

¹¹ Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. С. 63–64.

здесь одеяний из овечьих шкур. Нельзя не согласиться с ней – должно быть, там пользовались относительно легкими одеждами из шерсти¹². Известно, что в Месопотамии было распространено занятие ткачеством. Ее обитатели торговали тканями по всему Востоку. Очень возможно, что подобные ткани изготавливали и на Гонуре.

На определенном этапе существования Гонура, как свидетельствуют раскопки «царских» погребений, здесь пользовались деревянными четырехколесными повозками с ободьями, сделанными из бронзовых элементов. Подобные известны в раскопках Суз¹³. Известно, что обитатели Гонура в них впрягали верблюдов. Домашних верблюдов использовали и обитатели Алтын-депе. Судя по интенсивности контактов обитателей Гонура с окружающим миром, вероятно, что такие тяжелые повозки (подобные – в погребениях № 3200, 3225, 3240)¹⁴, известные и в материалах афганской Бактрии, изготавливали неподалеку от мест использования. Это – одно из свидетельств высокого уровня мастерства местных ремесленников. Они могли пользоваться деревом из прибрежных лесов – ивой, ясенем, вязом¹⁵.

На Гонуре найдена мастерская литейщика, которая располагалась в нескольких помещениях¹⁶. Любопытно, что в этих помещениях обнаружены двухкамерные печи, счи-

¹² Царева Е. Г. Филикли: к истории узелкового ткачества в Центральной Азии (по материалам Месопотамии и Туркменистана) // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 4, М., 2012. С. 240–250.

¹³ Сарияниди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 160, 177–179.

¹⁴ Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура. С. 276–279.

¹⁵ Тенгберг М. Анализ образцов дерева с Гонура (Маргуш), Туркменистан // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 2, М., 2008. С. 163–164; Сатаева Л. В., Сатаев Р. М. Археоботанические исследования на Гонур Деппе // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 4, М., 2012. С. 150–162.

¹⁶ Дубова Н. А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9).

тающиеся, согласно В. И. Сарияниди, ритуальными. Здесь найдены формы для топоров, тяпок, кетменей, печатей, глиняные и бронзовые орудия труда, тигли, льячки. Найдена готовая печать в виде архара с птичкой на спине¹⁷; очень похожая, но без птички, происходит из Бактрии¹⁸.

В одной из статей, посвященных материалам из этой мастерской, ее автор О. А. Папахристу приводит показательные сведения о находках металлических предметов в Маргиане. На Гонуре она фиксирует 64 металлических предмета, а на 10 поселениях Адамбасанского оазиса – всего 24¹⁹.

Какие-то из ювелирных произведений могли изготавливать «приезжие» ювелиры. О знакомстве с иноземным ремеслом свидетельствуют находки: высокохудожественные металлические сосуды из «царских» захоронений несут признаки аккадского искусства, однако среди изображаемых сюжетов есть воспроизводящие местные реалии. Это, например, шагающие верблюды с проработанной мускулатурой и пышными гривами (погребение № 3220). Не исключено, что элита привлекала иноземных ювелиров, которые могли обучать местных мастеров.

Существование местных мастеров-ювелиров надежно документировано погребением № 1200 на Большом некрополе Гонура²⁰. Человек был похоронен в яме с подбоем (захоронение «шахтного» типа). У его головы находилось вместилище с рабочими инструментами – нож с широким лезвием, кремневое сверло – наконечник стрелы с заполированным острием, заготовки, в том числе для мозаики и т. д. С ним были положены кусочки минералов, полу-

¹⁷ Там же. С. 99.

¹⁸ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. fig. 179.

¹⁹ Папахристу О. А. К реконструкции тиглей для плавки сплавов на основе меди из мастерской Гонура (предварительное сообщение) // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т.2, М., 2008. С. 198.

²⁰ Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 71–72.

фабрикаты и готовые изделия. Набор минералов исключительно широк – бирюза, халцедон, горный хрусталь, яшма, ангидрит, кремень, мрамор, сланец, каолин, гранит. Примечательна фигурка лежащей утки с повернутой назад головкой, сделанная из гранита-оплита. В. И. Сариниди отмечает, что такие фигурки бытовали на Ближнем Востоке с конца III тыс. до н. э., их использовали в качестве гирек (до сих пор такие фигурки из лазурита продают в странах Ближнего Востока как сувениры).

В погребении № 1200 найдены и незаконченные амулеты-печати. Примечательно наличие трех пар рук из белого камня, несомненно, для составных фигурок женщин – свидетельство изготовления столь примечательных вещей, бытовавших не только на Гонуре, но и далеко от него.

Около головы умершего лежало ожерелье из бусин, покрытых золотой фольгой, лазурита, мраморизованного известняка; в центре находилась крупная агатовая бусина. Из золота сделана застежка ожерелья, а рядом лежали золотые трубочки; на костях таза найден кусочек золотой фольги.

А.-П. Франкфор, опираясь на исследование Г. Росси-Осмиды, приводит более полный, чем в публикации В. И. Сариниди, перечень минералов, содержащихся в «погребении ювелира». Можно осторожно предположить, что ювелир, человек 25–30 лет, работавший с материалами различного происхождения, не был рядовым членом семейно-родовой группы. Он мог быть участником «международной торговли», хотя его похоронили в обычной могиле. В связи с этим А.-П. Франкфор вспоминает исследования социального статуса ремесленников в Шахри-Сохта²¹: его признали если не высоким, то особым, что было связано и с обменом; указание на это – особенности погре-

²¹ Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus. P. 135–136.

бального инвентаря. Внешним выражением статуса гонурского ювелира могло быть, в частности, богатое ожерелье.

Вероятно, особым видом художественного ремесла было изготовление мозаичного декора вещей. В камерной (что примечательно) гробнице Большого некрополя (№ 194) была найдена часть коробочки, украшенной узором из белых, черных и красных квадратиков, «образующих целое панно». В погребении № 1999 вместе с бронзовыми и серебряными сосудами находился круглый футляр с бронзовым зеркалом, также с мозаичным узором. Более подробно описана мозаичная облицовка шкатулки из погребения № 1022. Она состояла из белых каменных кружочков диаметром 1,3 см с центральным отверстием диаметром 0,8 см. Их прикрепляли к гипсовой основе, создавая орнаментальный узор. В. И. Сарианиди отмечает, что подобные мозаичные «шкатулки» обнаружены и в могильнике Шахдада на востоке Ирана²².

Мозаики разносторонне исследовали работавшие на Гонуре реставраторы. Они определили технику их изготовления, в которой каменные вставки разного размера, в том числе крупные в виде фигурок рыбок, деталей фигур людей и т. д. сочетались с красочной росписью по лессовой штукатурке. Отмечают высокий уровень изобразительного искусства, который сравнивают с мозаиками, обнаруженными в Мари²³. А.-П. Франкфор называет гонурские мозаики «маркетри», что, вероятно подчеркивает их специфику²⁴: они более похожи на наборную работу, которую определяет этот термин. Напомним, что именно мозаиками, а не маркетри, в литературе, посвященной древневосточному искусству, обычно называют такие произве-

²² Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 70.

²³ Шапошникова Т. А. Мозаики и рельефный декор стен царского некрополя Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 4, М., 2012. С. 170–176.

²⁴ Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus. P. 128.

дения, как знаменитый «штандарт» из Ура и подобные ему.

При отсутствии письменности об организации торговли могут свидетельствовать только вещественные данные. И в этом случае их главным источником являются погребения. Несколько захоронений с особым набором инвентаря были объединены Н. А. Дубовой под названием «погребения знатных воинов»²⁵.

Одно из них – № 3280 (циста) на восточном берегу Малого бассейна Гонур Депе имеет радиокарбонную дату: 2310–2030 гг. до н. э. В нем с соблюдением обычного обряда похоронено два человека – мужчина и мальчик 7–8 лет. В их ногах были костяки барана и двух собак. Приношения тяготеют к мужскому костяку – это бронзовый сосуд, в котором находился нож, цилиндрический сосуд со сливом, косметический сосуд в виде фигурки козла, ожерелье из бус с подвеской из двух серебряных фигурок соколов с простертыми крыльями. На полу лежал бронзовый позолоченный наконечник копья длиной 45 см с характерным для оружия такого типа на Гонуре сильно загнутым черешком; сохранились и следы деревянного древка. Примечательно нахождение в этом погребении бронзового с позолотой предмета вооружения, традиционно именуемого в публикациях материалов Гонура «гарпуном». Подобные обнаружены в погребениях баранов, явных «заместителей» лиц высокого статуса. У описываемого была деревянная рукоять с серебряным навершием, обернутая серебряной фольгой. Рядом лежало бронзовое четырехзубое навершие жезла. Кроме того, в погребении найдена каменная колонка, четыре кремневых наконечника стрелы и бронзовая пластина с отверстиями (типа так называемых «лесенок»). Высокий статус погребенного здесь человека, возможно, связан с «военной службой»²⁶.

²⁵ Дубова Н. А. Погребения знатных воинов на Гонур Депе (Туркменистан).

²⁶ Там же. С. 55.

Очень показательны останки мужчины из подбойного захоронения № 2380. У него была сломана шея и повреждено лицо секущим ударом (эти наблюдения антрополога Н. А. Дубовой имеют в контексте исследований о воинской принадлежности нескольких погребений особую ценность, о чем см. ниже). В этом погребении найдено два бронзовых наконечника жезлов – четырехзубое, а также в виде головы лошади. Кроме того, в нем был согнутый нож, «котелок», бронзовый наконечник стрелы. Найдена и «лесенка», здесь завернутая в льняную ткань. Н. А. Дубова предположила, что таким образом мог быть похоронен «мужественный защитник страны»²⁷.

В связи с этими «захоронениями воинов» Н. А. Дубова обратилась к известному погребению № 2900 с подхороненными животными, которое сравнивали с гиксосскими погребениями²⁸. Его радиоуглеродные даты – 2140–1750 и 1880–1450 гг. до н. э. В нем, что примечательно, был наконечник копья длиной 33 см, который Н. А. Дубова сравнивает с найденным в Тепе Гиссаре, ожерелье с подвеской в виде двух быков. В погребении лежали наконечники стрел (31 из кремня и три костяных) и два четырехзубых наконечника жезлов. У подбородка мужчины находилась серебряная булава с наконечником в виде фигурки шагающего верблюда²⁹.

В погребениях Гонура предметы вооружения – нечастая находка. Исключения – наконечники стрел, почти исключительно кремневые. В «царских» погребениях другое оружие не обнаружено. Можно было бы считать, что первоначально оно там находилось, но его похитили грабители. Однако на это не похоже. В самом деле, если бы предметы вооружения, да еще такие явно престижные,

²⁷ Там же. С. 56.

²⁸ В интересующем нас здесь контексте см.: Там же. С. 50–52.

²⁹ Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура. С. 256.

как своеобразные мечи («гарпуны»), намеревались сохранить от грабителей, то люди нашли бы какой-либо способ, как делали это в тех случаях, когда хотели уберечь дорогие медные и драгоценные сосуды. Скорее всего, причина скрывается в другом, не исключено, что в характере занятий погребенных людей.

Среди погребенных в Гонуре немало умерших, как полагают, насильственной смертью. Однако они не погибли во время военных столкновений, а были принесены в жертву. Погребенный № 2380 – особый случай: он получил тяжелые ранения в схватке с вооруженными противниками и, вероятно, в результате погиб. Скорее всего, если бы он «защищал страну», могли быть и другие пострадавшие в подобных ситуациях, и их останки вряд ли были обойдены вниманием антропологов, столь тщательно работающих на раскопках Гонура.

Нельзя исключать и возможность того, что погребения баранов с богатым инвентарем и чужеземным оружием – своеобразными мечами – заключали останки ритуальных заместителей погибших в отдаленных местах воинов. Можно предположить и другое. Указание на это связано с важной сферой жизни «гонурцев»: здесь занимались караванной торговлей.

Обитатели Маргианы не были первыми в регионе Южного Туркменистана, которые использовали двугорбого верблюда: он стал одним из самых полезных животных на жарком Востоке уже в анауской культуре эпохи Намазга IV³⁰. Его особое место в жизни и, конечно, образе мира обитателей Центральной Азии явствует из многочисленных находок³¹.

³⁰ Кирчо Л. Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации...

³¹ Антонова Е. В. К реконструкции образа бактриана в картине мира носителей Бактрийско-маргианского археологического комплекса // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник статей памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 341–348.

Верблюды – постоянные участники церемоний царских погребений, о чем неоднократно упоминается в настоящей работе. На особую роль образа верблюда указывает булавка с навершием в виде его фигурки, которой закреплялась одежда мужчины, похороненного в цисте № 2900; это погребение отмечено сходством с захоронениями гиксосов в Аварисе.

Изображения верблюдов (некоторые из них отличаются высоким мастерством), украшают драгоценные сосуды. Многочисленны они и на печатях; почти в половине известных случаев это верблюд, которого держит за повод человек³². Как свойственно хозяевам транспортных средств, тем более не металлических, а живых, «гонурцы» относились к своим помощникам с вниманием и любовью. Известен случай украшения верблюда: в погребении № 3880 около него найдена табличка с наборным мозаичным орнаментом. Она была, вероятно, укреплена на сбруе верблюда, скорее всего, как оберег. Симптоматично, что вещи с изображениями верблюда найдены не только в таком крупном поселении, каким был Гонур, но и в относительно небольших, в частности, в окрестностях Таипа³³.

Очевидно, караваны верблюдов перемещали на большие расстояния важные грузы, и интенсивность их циркуляции возросла в аккадское время. Торговцы из Каниша (Кюль Тепе) и других староассирийских колоний привозили с востока олово и ткани³⁴. Эта торговля продолжалась долгое время и не могла не быть хорошо организованной. По мнению Б. Лионне³⁵, торговля оловом в конце III –

³² Пример в публикации: Масимов И. С. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовьев Мургаба // СА, № 2, М.: Наука, 1981. С. 144.

³³ Там же. С. 144, рис. 9.

³⁴ Collon D. First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. L.: British Museum Publications, 1987. P. 41.

³⁵ Lyonnet B. Another Possible Interpretation of the Bactro-Margiana Culture (BMAC) of Central Asia: The Tin Trade. P. 191–200.

начале II тыс. до н. э. была регулярной и охватывала территории от долины Зеравшана до Месопотамии, Суз и Каппадокии. Б. Лионне считает, что на территории БМАК существовали торговые поселения типа каппадокийских карумов, хотя в отличие от их обитателей носители БМАК не пользовались письменностью.

Олово было стратегическим металлом, без которого невозможно было изготавливать прочное бронзовое оружие, но с территории БМАК могло поступать и множество минералов. По мнению А.-П. Франкфора, по богатству ими цивилизация Окса не имела равных себе на Востоке³⁶.

Перемещение караванов наверняка было небезопасным. На протяжении долгой дороги на них могли нападать разбойники разного происхождения и степени вредоносности, поэтому их должны были сопровождать опытные проводники и охрана, а не случайные люди. Не будет слишком смелым предположение, что «погребения воинов» на Гонуре принадлежали именно охране, если не самим хозяевам караванов.

Но только ли верблюды могли использоваться в качестве транспортного средства? Достоинства верблюдов несомненны, но не следует преуменьшать и возможности ослов. В древности особенно ценились черные ослы из оазиса Дамаска³⁷. Останки ослов неоднократно встречены на Гонуре (особенно выразительно «ритуальное захоронение животных»). Ослы отличаются от лошадей, помимо приспособленности к жаркому климату, силой и выносливостью. Исследователи отмечают, что благодаря крепким спине и пояснице эти небольшие животные могут нести груз, равный двум третям их живого веса, а лошадь — только половину. Зафиксирован случай, когда осел, весивший 214 кг, нес выюк весом 275 кг, т. е. 128% собственного

³⁶ Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus. P. 51–224.

³⁷ История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч.1. С. 54–56, 74.

веса³⁸. Верблюды могли использоваться в дальних перевозках, ослы – на относительно короткие расстояния, где доступ к пище и воде им был обеспечен. Отмечают, что караванной торговлей с использованием ослов занимались жители гиксосского Авариса³⁹.

Люди, причастные сфере торговли, занимали в древности на Востоке особое место. Сведения об этом сохранились в текстах времени существования БМАК, обнаруженных в Уре. Так, известны документы о деятельности Эйанацира, купца, ходившего в Тельмун для закупки медной руды главным образом для нужд дворца, но и для частных заказчиков. В его ведении было и обогащение руды. Медь меняли на серебро, сирийские благовония (вспомним множество косметических сосудов, которые встречаются в погребениях Маргианы постоянно), ткани из Месопотамии и т. д. В единовременных операциях фигурировала медь весом до двух тонн. Не приходится удивляться, что купцы делали в храмы богатые приношения – это изделия из золота и серебра, сердолика, жемчуга и слоновой кости⁴⁰.

Вряд ли приходится сомневаться, что торговцы составляли часть «гонимой» элиты. Смелое предположение: не им ли принадлежали «царские» захоронения?

³⁸ Доброхотов А. Ф. Частное животноводство. М.–Л., 1935. С. 272; Цит. по: Распопова В. И. Вьючное седло в живописи Пенджикента VII в. // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 11. СПб., 2015. С. 132.

³⁹ Bietak M. Avaris: The Capital of the Hyksos. P. 25.

⁴⁰ Дьяконов И. М. Люди города Ура. С.97.

К РЕКОНСТРУКЦИИ КАРТИНЫ МИРА ОБИТАТЕЛЕЙ БАКТРИИ И МАРГИАНЫ

Мир вещей оседлых земледельцев настолько богат и разнообразен, что он открывает возможности реконструкции всех сторон их жизни от хозяйственной сферы и ее особенностей, организации жилого пространства с наполняющей его утварью. Он содержит многочисленные признаки представлений о посмертном существовании ушедших сородичей, а также свидетельства обрядовых действий и верований в домах и других территориях в поселениях.

Остатки оседлой культуры разительно отличаются от специфических следов существования их более или менее близких современников, ведших подвижный образ жизни. Среди последних были арии. По словам Т. Я. Елизаренковой, «полукочевые племена ариев, возившие с собой все свое имущество, оставляли только мусор на местах покинутых поселений». Далее она продолжает, что, согласно В. Рау, авторы Вед упоминали повседневные вещи «всегда между прочим и в виде намеков, и вдобавок еще в мифологической связи». Одна из работ В. Рау носит красноречивое название «Возможна ли ведическая археология?»¹. Культура ведических ариев сохранилась в вербальных текстах, для авторов которых первостепенную роль играл ритуал жертвоприношений.

Напротив, культура земледельцев, еще не знавших письменности, может быть реконструирована с опорой на ее вещную составляющую. Разнообразные вещи и изобразительные тексты позволяют представить образную картину мира. Традиционными объектами исследования давно стали одни из самых информативных – антропоморфные изображения, фигурки мифологических существ

¹ Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. М: Восточная литература РАН, 1999. С. 4.

женского и мужского пола, а также орнаменты, которыми люди систематически украшали предметы, дошедшие до нас. Глиняные антропоморфные изображения, обнаруженные на поселениях анауской культуры, представляют особый интерес, т. к. она – один из этапов истории раннеземледельческого Южного Туркменистана. Напомним, что начало БМАК по крайней мере отчасти восходит к этой культуре энеолита–бронзы. На протяжении многих столетий обитатели сохраняли старые традиции, неосознанно внося в облик фигурок новые черты своего восприятия мира. В результате менялся план выражения статуэток–знаков и разворачивался план их содержания.

В раннем энеолите в жилых постройках находят фигурки сидящих женщин. Иногда их удавалось обнаружить вмурованными в основания очагов². Первоначально их лепили в обобщенной и тяжеловесной манере, но в позднем энеолите они теряют признаки примитивизма. В пору НМЗ III фигурки женщин и появившиеся фигурки мужчин приобретают черты некоторого изящества. Сидящие и стоящие изображения с широкими плечами и тонкими талиями, иногда в головных уборах или с прическами, в некоторых случаях снабжаются круглыми налепами на плечах. Представления, которые скрывались за ними, можно восстановить по аналогии с распространенными по всему региону раннеземледельческих культур – это те, что не вполне правомерно связывают с образом «богини-матери», мифической женщины-прародительницы. Последнее определение представляется более адекватным исторической реальности. Но здесь они имеют «уточняющие» знаки – фигурки женщин иногда многогруды, что, несомненно, указывает на их функцию – это кормилицы.

Примечательно, что такие круглые налепы бывали и на мужских фигурках. Вряд ли можно считать смелым

² Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. С. 150.

предположение, что фигурки, как женские, так и мужские передавали мифологизированных предков. Они были носителями благополучия потомков разного пола и возраста³. Возможно, налепы были знаком, приобретшим общий смысл плодovitости, благодати. Нельзя исключать и существования представлений об андрогинности предков. Период Намазга III – это время «урукской экспансии», когда усилилась интенсивность связей между Месопотамией и окружающим миром. Для всех частей Ближнего Востока в большей или меньшей степени – это эпоха перемен, связанных с усвоением новых для окраин ойкумены явлений культуры.

Наступившая затем эпоха бронзы озаменована еще большей новизной. Все шире применяются технологии металлообработки. Чувствительным для археологов сигналом является появление гончарного круга. В связи с этим облик керамики меняется: вместе с появлением сосудов многочисленных и разнообразных форм исчезает традиция их орнаментировать. Одновременно значительные перемены претерпевают антропоморфные фигурки: они становятся совершенно плоскими, их нижняя часть превращается в отогнутый вперед треугольник, руки простерты в стороны; силуэт становится крестообразным, на поверхность наносят изображение «дерева», на плечи и спину – условные знаки. Детали прически, груди у женских и признак пола у мужских показывали налепами. Примечательна особенность мужских фигурок – они имеют те же очертания, что и женские. Тела несут знаки, восходящие к орнаментам геометрических форм. Существование женских, а также, что особенно показательно, мужских фигурок в эротическом состоянии и со знаками, указывающими на их принадлежность образу мира, позволяет предполагать, что люди имели представления о «священном браке»

³ Там же. С. 153–154.

с его различными ассоциациями – от космогонических представлений и сезонных обрядов до брачных ритуалов людей⁴.

По мнению Ю. Е. Березкина, «Система верований в период Намазга V и ранее представляла собой, скорее всего, обычное, универсально распространенное в догосударственных и отчасти в крестьянских обществах почитание предков – слабо индивидуализированных существ. Подобный «пантеон» то сжимается до элементарной персонификации основных оппозиций мужского–женского, своего–чужого, то дробится на бесчисленное множество персонажей, с которыми почти сливаются и образы реально существовавших, недавно умерших сородичей»⁵. Преимущество подобных «ритуальных проявлений» восходит к концу IV тыс. до н. э. или более раннему времени. В энеолитическом Илгынлы-депе, в основном, обнаружены женские статуэтки, на долю мужских приходится всего 3–5%⁶. Преобладание женских образов продолжается и в эпоху бронзы.

Фигурки поры Намазга V с нанесенными на них знаками представляют образ всеобщего «порождающего пространства». Они – своего рода космограммы, в которых мир отождествлялся с мифическим существом женского пола. Подобие такого образа можно видеть в ведической Адити, отождествлявшейся с Землей и Природой, матери богов Адитьев – хранителей космического порядка, число которых определяло целостность мира. Эти знаки восходят к орнаментике энеолитических сосудов⁷. Как и в целостном народном искусстве, в фольклоре, в археологически

⁴ Левинтон Г. А. Священный брак // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. С. 422–423.

⁵ Березкин Ю. Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии... С. 33.

⁶ Там же.

⁷ Антонова Е. В. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры // СА, № 4. М.: Наука, 1972. С. 7–18.

фиксируемых изобразительных мотивах-знаках постоянно встречаются образы всеобщности: «...за какую нить клубка ни потяни – всегда доберешься до его середины»⁸. Приведем еще одну красноречивую цитату: «Целостность архаической культуры в сочетании с отсутствием специализированных средств, которые бы обеспечивали циркуляцию информации в обществе, явились причиной того, что каждый элемент культуры использовался гораздо полнее, точнее, с большей нагрузкой, чем в современном обществе»⁹.

Традиция изготовления антропоморфных фигурок перешла от анауской культуры к БМАК, хотя в ней появились и новые, составные статуэтки, изготовленные из минералов темного и белого цветов. Они были обнаружены при грабительских раскопках в Афганистане. П. Амье определил их генезис на основании сходства с изображениями эламских цариц первых веков II тыс. до н. э. Там они предназначались для храмов, в Бактрии – для погребений¹⁰. Как показали раскопки в Маргиане, здесь их находят в основном в погребениях.

Глиняные и каменные составные фигурки обнаружены в Большом некрополе Гонура¹¹: целая фигурка найдена в изголовье женского погребения¹².

Интересна находка глиняной фигурки необычного облика в погребении № 3155 на Гонуре, где она была зажата в руках молодой женщины¹³. Здесь явно указание на стремление защитить себя с помощью покровительницы. Приме-

⁸ Неклюдов С. Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество / Под ред. Ю. Я. Барабаша, Е. М. Мелетинского, Л. Нире, М. Саболочи. М.: Наука, 1977. С. 193.

⁹ Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 70.

¹⁰ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 200.

¹¹ Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 48–51.

¹² Там же. С. 50.

¹³ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 191.

чительно, что на Алтын-депе в одном из погребений статуэтка была найдена также в руках умершей¹⁴.

Целая каменная фигурка обнаружена в погребении № 2900, где она находилась внутри глиняного лепного сосуда¹⁵. Есть свидетельство того, что каменные фигурки изготавливали на самом Гонуре: элементы их обнаружены в инвентаре «погребения ювелира» (№ 1200) на некрополе. Составные фигурки во всех зафиксированных случаях изображали мифологических персонажей женского пола. Единственным пока является предположение о существовании мужской фигурки: это каменная головка – фрагмент, как полагают, мужского изображения¹⁶.

Вероятно, социально выдвинутые члены коллективов стремились создать собственную субкультуру. Каменные фигурки женщин могли быть одними из ее элементов.

Необычное изображение было найдено в погребении № 3200¹⁷. Оно представляет стоящее женское существо, сделанное из золотой фольги, укрепленной на конической основе из несохранившегося материала. На ее теле на металлических стерженьках-стеблях укреплены гипсовые колосья пшеницы или ячменя, внизу – два также гипсовых плода¹⁸. Изображение из этого погребения при всех объяснимых различиях напоминает статуэтки анауской культуры: перед нами существо женского пола, породительница и/или покровительница растений, скорее всего, злаков.

Признаки существования антропоморфных статуэток женского пола обнаружены в контексте предполагаемого ритуала в мастерской по обработке металла на Гонур

¹⁴ Массон В. М. Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. С.42.

¹⁵ Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 187–188.

¹⁶ Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011–2013 // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 5. М., 2014. С. 100.

¹⁷ Сарияниди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 158.

¹⁸ Там же. С. 160.

Депе¹⁹. Они имеют явные признаки происхождения от статуэток эпохи Намазга V, но отличаются трактовкой нижней части: у них проработаны отдельно вылепленные ноги со ступнями и пальцами. Все фигурки были найдены разбитыми, очевидно, специально, в процессе отправления какого-то обряда. Можно предположить сходство этого обряда с ритуалами оставления помещений, неоднократно зафиксированными в поселении Илгынлы рядом с Алтын-депе²⁰.

Несколько своеобразных фигурок, как уже было сказано выше, найдено в помещениях так называемого Западного комплекса раскопа 16 на Гонур Деппе²¹. В помещении 48 – это схематизированные изображения человека без ног с раскинутыми руками и условно переданным лицом – носом и лишь намеченными глазами. Около фигурки находилось пять лепных чашечек. На фигурке и чашечках имелись «ямки-проколы» – свидетельства, по мнению авторов раскопок, магических действий.

В полу этого помещения в погребении юноши найдены сосуды и две грубо вылепленные фигурки из необожженной глины; они крестообразной формы и не имеют ног. В публикации авторы отмечают, что прежде на Гонуре не было обнаружено подобных фигурок, хотя в погребениях неоднократно находили аналогичные изделия других типов. В помещении 69 этого же комплекса найдено две фигурки без головы и ног и четыре глиняные чашечки. Примечательно, что они не имеют признаков пола, мужского или женского.

Авторы подчеркивают отличия этих фигурок от характерных для поселений подгорной полосы Копет Дага и

¹⁹ Дубова Н. А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9). С. 94.

²⁰ Антонова Е. В. О символизации жилища. С. 40.

²¹ Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур Деппе (Раскоп 16). С. 36–37.

дельты Мургаба²². Можно предполагать, что их наличие – свидетельство появления пришлого населения с иной, чем местная, традицией, появившегося в последний, третий, период существования Гонур Деде.

Попытки выявить образы разных богинь, которых передавали многочисленные статуэтки с разными «знаками», не удалось, хотя усилия в этом направлении предпринимались²³. В то же время удастся проследить некоторые моменты механизма «обрастания пространства содержанием»²⁴. Для этого можно предпринять поиски предыстории прочерченных на статуэтках ранней бронзы знаков, обратившись к орнаментальным мотивам на сосудах позднего энеолита. Это необходимо для того, чтобы в диахронии меняющихся знаков уловить ядро актуальных для культуры смыслов. И здесь снова представляется целесообразным обратиться к орнаментике «геоксюрского стиля» (конец IV – начало III тыс. до н. э.).

В это время в росписи сосудов заметное место принадлежит раппортам с центральной крестообразной или ромбической фигурой. Обрамляющие ее мотивы составлены из пар треугольников, образованных из иных элементов, чем центральная фигура. В центральной фигуре часто сочетаются мотивы ромба и креста, и в них, независимо от формы, акцентируются четыре стороны и центр, так что во всех вариантах она приобретает крестообразную форму²⁵. Рядом с центральной фигурой иногда помещается фигура козла или нераспознанного животного с провисшим животом.

²² Там же. С. 37.

²³ Массон В. М., Сарианиди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. Культура народов Востока; материалы и исследования. М., 1973. 208 с.

²⁴ Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 19.

²⁵ Сарианиди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // Свод археологических источников БЗ–8. М.: Наука, 1965. Табл. IV.

Исследователи произведений изобразительного творчества ранних земледельцев давно выявили характерную для них строгую организацию пространства. В нем доминирует центр и обрамляющие элементы, очевидно менее значимые. И в анауском орнаменте позднего энеолита центральная фигура подчеркнута велика. Геометрические формы креста как будто не дают оснований видеть в нем что-либо помимо условной фигуры, однако настораживают изображения стоящих рядом козлов: в древневосточном искусстве они часто помещаются около дерева. Еще одно обстоятельство: в пору ранней бронзы, когда бытовала позднее исчезнувшая роспись на сосудах, известны орнаменты из четырех уступчатых ромбов, а затем на их месте появляется изображение «дерева»²⁶. Таким образом, ромбы с уступчатыми сторонами явно могли уступать место тому, что может быть названо растением. Это колебание между условным геометрическим и иконическим знаком (растением) указывает на значение центральной фигуры.

Известно и изображение четырех деревьев, расположенных ромбом, основаниями друг к другу²⁷. Эти четыре дерева моделируют четырехсторонний мир, переданный в характерной для древнего искусства манере «распластанного» изображения, передающего не то, что мы видим, а то, что знаем²⁸.

Примечательно, что формы древнейших печатей-амулетов анауской культуры времени Намазга III, найден-

²⁶ Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) // Труды ИИМК РАН / Под ред. Массона В. М., Березкина Ю. Е. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 351, 353.

²⁷ Антонова Е. В. Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения) // Средняя Азия и ее соседи в древности и Средневековье. М., 1981. С. 11.

²⁸ Groenevegen-Frankfort H.-F. Arrest and Movement. An essay on Space and Time // Representational Art of the Ancient Near East. Chicago, 1951. P.7; Об этом же см.: Успенский Б. А. К исследованию древней живописи // Жегин Л. Ф. Язык живописного произведения (условность древнего искусства). М., 1970. С. 67.

ные на Алтын-депе, полностью подобны орнаментам керамики – кресту и его разновидностям²⁹. С их поздними более развитыми вариантами нам еще придется встретиться. Сейчас же следует возвратиться к упомянутым выше «знакам» на анауских статуэтках поры развитой бронзы, когда орнаменты на сосуды уже не наносили.

Помимо «деревя» на женские и мужские фигурки, на их плечи и нижние части, наносили углообразные фигуры со штрихами, а на оборотные стороны в редких случаях ромбы. Эти углообразные фигуры и ромбы представляют собой варианты ромбов и крестов с уступчатыми сторонами, которые являли схематизированный образ мира на позднеэнеолитической керамике. При этом, как и на сосудах предшествующей эпохи, половинные варианты представлены по сторонам, а в центре располагается не крестообразная фигура, а условно переданное растение.

Происхождение знаков от орнаментальных мотивов предшествующих периодов неоднократно обосновывалось³⁰. Крестообразные антропоморфные статуэтки, как и подобные им мотивы на энеолитических сосудах, означали мир в целом. Следует добавить, что и сами сосуды являют собой образ мира, что естественно для вместилищ пищи. Все эти вещи и знаки принадлежат целостной культуре, сохранявшей преемственное развитие на протяжении тысячелетий. В различных текстах (в семиотическом смысле) проявляется космизм описаний³¹.

Между вещами анауской культуры и БМАК можно обнаружить множество различий. И все же вряд ли можно отрицать сохранение традиционности в недрах новых куль-

²⁹ Кирчо Л. Б. Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе. С. 176.

³⁰ Массон В. М., Сарияниди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. С. 115; Антонова Е. В. Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения). С. 5–21.

³¹ Неклюдов С. Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре. С. 193.

турных образований, особенно когда речь заходит о константах образа мира. Так, в погребениях эпохи бронзы на Алтын-депе найдены металлические печати-штампы, около четверти которых сохраняли крестообразные формы, характерные для энеолитической эпохи³².

В. И. Сарианиди издал каталог печатей с территории Бактрии и Маргианы³³. Тогда было опубликовано около 1800 образцов, около 1500 происходят из грабительских раскопок в Афганистане и хранятся в разных собраниях, остальные обнаружены при научных раскопках в Туркменистане и Узбекистане. Печати в основном медно-бронзовые, отчасти каменные. Количество их, находимых в Маргиане, постепенно растет.

Автор каталога пишет, что очертания большинства печатей близки кругу; сюда могут быть отнесены и многолучевые розетки округлых форм. Гораздо менее многочисленны печати в виде ромба со ступенчатыми сторонами и крестообразные. Необходимо подчеркнуть, что количество изображений животных, божеств и композиций из них относительно невелико по сравнению с геометрическими³⁴.

Примечательно сочетание геометрических фигур и растительных мотивов, также геометризованных. Расположенные в центре крестообразные фигуры «процветают» различными способами, так что некоторые мотивы становятся древовидными. Среди способов такого превращения – умножение идущих от центра лучей или заполнение всей поверхности лучами-ветвями. При этом центр может не акцентироваться, но деление на четыре части сохраняется. Очень распространенный способ – наделение рукавов креста лучами-перемычками, идущими к ободку.

³² Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). С. 410.

³³ Sarianidi V. *Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets*.

³⁴ Ibid. P. 23–47.

Число таких печатей продолжает расти благодаря новым раскопкам.

Хотя количество маргианских печатей уступает бактрийским, выявляются общие для тех и других тенденции распределения мотивов. Далее в скобках приводятся образцы из каталога В. И. Сарианиди³⁵ без дополнительных указаний на это издание. Печати с крестообразными мотивами-розетками многочисленны: хотя в Маргиане таких всего 9 (№ 1575–1577, 1582–1583, 1586, 1591, 1593–1594), в Бактрии их число превышает 60 (№ 301–363). Особенно много образцов с восемью компонентами – их около 80 в Бактрии (№ 683–720 и др.) и около 20 в Маргиане (№ 1568, 1597, 1602–1605 и др.).

Некоторые особенности розеток явно уподобляют их цветкам разных форм. Для этого центр выделялся кружком (если контуры фигуры были угловатыми, середина отмечалась квадратом или ромбом). В ряде случаев удается проследить трансформацию ступенчатого ромба в подобие восьмилепестковой розетки (№ 475–483). Людей занимали поиски форм с разным числом элементов в изображительном поле. Минимально два, центральный кружок и лепестки, но были трех- или четырехэлементные: центральный кружок, крест, лепестки или другие фигуры и круглый ободок. В малогеометризованных вариантах изображений В. И. Сарианиди распознал изображения цветов – мака, тюльпана, эфедры (№ 861–863)³⁶.

При создании поверхности печатей, как и рассмотренных прежде статуэток с нанесенными знаками, характерно стремление их авторов заполнить поверхность дополнительными элементами, иногда очень плотно. Предельные случаи – круглые и прямоугольные печати, полностью заполненные решеткой без дополнительных элементов

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. P. 45.

(№ 733, 815–819). Несколько таких образцов имеют в средней части крест (№ 810–814).

Для оформления обрамлений металлических печатей характерен мотив жгута. Жгут сам по себе – подвижная форма, но изображения на печатях содержат и другие подвижные мотивы. Среди них – свастики (№ 799–805), вихревые розетки из змей, сгруппированных по три, четыре, шесть (№ 255–262, 795–796, 798) и фигур козлов (№ 100–106). Предпочтения определенных существ (козлов, змей) очевидно неслучайно: оно, скорее всего, объясняется их местом в мифологическом образе мира.

А.-П. Франкфор обратил внимание на то, что в печатях «цивилизации Окса» систематически используются приемы, передающие измерение, которое можно назвать вертикальным. Некоторые перегородчатые печати имеют на оборотной стороне дополнительное гравированное изображение. Известны медные печати, представляющие собой навершия булавок или подобных по форме вещей – косметических палочек. Немногочисленные цилиндрические печати БМАК имели изображение на торце. Это отличает их от печатей Месопотамии и долины Инда, изображения на которых наносили на одну поверхность³⁷. Способность перемещения изображавшихся существ по вертикали, очевидно, играла определенную роль: на это указывают крылатые реальные и мифические существа, не только птицы, но и львиные грифоны, верблюды и т. д., а также антропоморфные существа.

Кружки с помещенным в центре одним или двойным ободком, как уже говорилось – постоянный элемент печатей с геометрическими мотивами. На значение такой формы могут пролить свет другие вещи. Так, дисковидными были глиняные очаги в энеолитических анауских поселениях. Центральное углубление в них содержит золу и обожжено,

³⁷ Франкфор А. П. Печати Окса: разнообразие форм и изменчивость функций // ВДИ, № 4, 1997. С. 67.

как и вся их поверхность. Есть предположение, что они предназначались для домашних обрядов. Важные данные принесли раскопки Илгынлы-депе. Здесь в определенных местах построек обнаружены дисковидные очаги с бортиком и ямкой-жаровней в центре³⁸. Благодаря особой тщательности раскопок удалось установить, что дома специально поджигали, затем разрушали, чтобы на этом месте соорудить новые. Таким образом, огонь служил знаком гибели и возрождения.

В древних культурах появление новых знаков происходило в результате внутреннего развития, но могло и стимулироваться контактами с внешним миром. Так, в позднем энеолите нарастает визуализация образа мира. В основе его лежит геометризованная модель, сочетающаяся с образами мифологизированных растений, животных, антропоморфных существ. В эпоху бронзы об усиливающейся визуализации сигнализирует и изменившийся облик антропоморфных фигурок.

В связи с «многолучевостью» печатей БМАК целесообразно упомянуть почитание направлений и их богов-покровителей – характерную черту представлений индийцев с древнейших времен до наших дней³⁹. С ними, в частности, были связаны металлические пластины «чакра» или «янтра». Женщины носили их на шее, мужчины – около пояса или на предплечье. На эти амулеты обязательно наносили символы восьми сторон света. Они различным образом комбинировались на обеих сторонах пластин. Тамильские дети носили пластины, на одной стороне которых были изображены 16 квадратов, на другой – круг, разделенный на восемь сегментов. Такие обереги защищали от несчастий, приходящих со всех восьми направле-

³⁸ Соловьева Н. Ф. Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита... С. 8.

³⁹ Волчок Б. Я. Протоиндийские божества. Сообщение об исследовании протоиндийских текстов // Proto-Indica: 1972, Ч. 2. М., 1972. С. 293–298.

ний⁴⁰. Очень вероятно, что подобное почитание направлений было у носителей БМАК. По замечанию Н. А. Дубовой, печати мужчины Гонура чаще носили на шее, а женщины у пояса.

Отмечалось, что одной из наиболее распространенных форм печатей-амулетов БМАК был круг. Обычно край имел вид одинарного или двойного гладкого бортика или витого жгута. Жгут особенно часто встречается на вещах этой культуры. Такое обрамление представлено несколькими разновидностями, которые имитируют витой шнур или веревочку. Наряду с узнаваемой веревочкой известны упрощенные варианты – случаи, когда изображение не рельефно, а передается насечками на гладкой поверхности или ободком из прямой или косой решетки. Как варианты предстают волнистые или зубчатые края.

Анализ показал, что имитирующий веревочку ободок или его варианты были элементами печатей с разнообразными фигуративными изображениями или значимым символом вроде креста⁴¹.

Проработанный жгут окружает фигуры мифической «крылатой женщины» и «женщины на драконе» (613, 16, 18)⁴², а также мифического «плывущего персонажа» (46). Крупноплетеным обрамлением окружены сцена пиршества мужчины и женщины (48), изображение орла (56–158, 137, 160, 165, 170, 206). С имитацией плетенки в виде насечек связаны изображения «женщины со львами» (36) двуглавого орла (125). Зубчатый край имеют изображения антропоморфных, в том числе крылатых существ (4, 9, 15, 38, 62), а также козоподобных животных у дерева, зайца (121, 126, 132, 135, 162, 1561, 1564, 1567). Обращает на себя внимание одна деталь: гладкие обрамления

⁴⁰ Там же. С. 271.

⁴¹ Антонова Е. В. К интерпретации жгутовидных мотивов на вещах Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса // ВДИ, № 1, 2005. С. 197.

⁴² Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets.

имеют, как правило, два бортика, внутренний и внешний, т. е. таким образом демонстрируется та же идея сочетания двух полос, что в жгутовидных вариантах, но выраженная более простым способом. Таковы обрамления фигур крылатых персонажей обоего пола, иногда изображавшихся с животными (2, 3, 6–8, 10–14, 17, 19–20, 37, 40). На образцах из Бактрии таким же образом оформлены изображения обезьян (68–73).

Есть данные, показывающие, что с мотивом жгута сближалась змея. Известны образцы, в которых две извитые змеи образуют круг (49, 50). Это популярное в памятниках БМАК существо обычно предстает как извитое (232–249, 265–266, 1649, 1655). Способность переплетаться – одна из характерных признаков змей, на которую обращали внимание носители традиционных культур всех времен. Именно распространенность сходных изображений змей заставляет с осторожностью относиться к сопоставлениям при датировке материалов БМАК с ирано-месопотамскими данными. Две перевитые змеи образуют рукоять металлического кинжала из погребения на Гонур Депе. Она имеет близкое сходство с рукоятью каменного кинжала из неолитического (!) Чатал Хююка⁴³.

Редкий контекст представляет изображение змеи рядом со стилизованными горами: из Афганистана происходит каменный цилиндрический сосуд с изображением змеи, имеющей признаки дракона (форма раскрытого рта, рог, борода). В извивах ее тела – условно переданные горы⁴⁴. Не исключено, что это изображение соотносилось с важными представлениями об образе мира.

Образ змеи в БМАК явно связан с образом мира, поэтому он играет важную роль, сочетаясь с образами

⁴³ Антонова Е. В. К интерпретации жгутовидных мотивов на вещах Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса. С. 198, рис. 2,2.

⁴⁴ Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'Âge du Bronze. P., 1984. P. 164, fig. 225.

антропо- и зооморфных существ, растениями, водой, с весенним сезоном⁴⁵. Форма тел и пестрота чешуйчатой поверхности, «омолаживание» через смену кожи, особенности их поведения – способность окружать, обвивать, свиваться жгутовидно в определенные моменты жизни (в частности, во время спаривания), их принадлежность к нижнему, хтоническому миру – все это позволяло ассоциировать змей с возрождением жизни и мотивом ее защиты. Характерен круг образов и мифологических мотивов, в которых в древневосточной традиции фигурирует змея – это растения, скорпион, антропоморфные и зооморфные существа; она выступает как фаллический знак⁴⁶. Из Маргианы происходит каменная цилиндрическая печать, на стенке которой изображены сверху – птица, рыба, антропоморфная фигура, крылатый дракон, а в самом низу – волнистая змея.

Будучи элементом изобразительного поля, жгут на вещах БМАК не только окружает, заключает разнообразные фигуры, но и делит это поле на зоны, тем самым организуя его. Один из примечательных образцов – великолепный (к сожалению, фрагментированный) каменный амулет в виде фигурки находящегося в ярости верблюда. На его плоской оборотной стороне жгутом разделены две группы изображений.

Все, что способно окружать, является знаком защиты. Такой функцией наделялись элементы костюма и украшения. В Маргиане найдены витые металлические браслеты⁴⁷. Ношение ожерелий из каменных бус было свойственно всем людям, женщинам и мужчинам, что особенно выра-

⁴⁵ Антонова Е. В. «Змея» и «орел» в глиптике «цивилизации Окса» // ВДИ, № 2, 2000. С. 46–52; Francfort H.-P. *Dungeons and Dragons: Reflections on the System of Iconography in Protohistoric Bactria and Margiana* // *South Asian Archaeology Studies*, Vol. 4 / ed. by G. Possehl. New Delhi – Bombay – Calcutta – Oxford, 1992.

⁴⁶ Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. С. 146–161.

⁴⁷ Сарияниди В. И. Древности страны Маргуш. Табл. XXXVI. С. 37–38.

зительно демонстрируют находки в погребениях Гонура. Конечно, эти вещи были многозначными, и их назначение в качестве амулетов дополняют фигурки в ожерельях.

Г. Фрэнкфорт в своей книге⁴⁸ уделил внимание мотиву плетенки на древнем Востоке. Он возражал против распространенного уже тогда мнения, что они имели сирийское происхождение, считая, что их знали в Месопотамии с раннединастического времени, а относительная их редкость до некоторых пор объясняется применением нестойких материалов⁴⁹. Мотив становится весьма распространенным в начале II тыс. до н. э. в митаннийской глиптике; он сближается со спиральным узором⁵⁰.

Г. Фрэнкфорт обратил внимание на символ из двух перевитых змей и многорядную змеиную плетенку, известную в Месопотамии и Сузиане с конца IV тыс. до н. э. Известный образец такого рода – изображение на сосуде, посвященном Гудеа Нингизиде, хтоническому божеству. В Сузиане известна плетенка из четырех петель, бытовавшая и на территории БМАК – она украшает навершие посоха из погребения № 18 на Гонур Депе. Орнаментализация изображения змеи была естественной при форме ее тела.

В связи со жгутовидными мотивами интересны данные о почитании в Месопотамии ткачихи Утту, деятельность которой была связана с овцами, но с ней ассоциировались и представления о жизни. На это указывают функции перерезающей пуповину Гулы и родственной ей Нинтунугги, владычицы жизни и смерти, крепящей жилы жизни, видящей нутро⁵¹. В текстах такого рода входят

⁴⁸ Frankfort H. Cylinder Seals. A Documentary Essay on the Art and Religion of Ancient Near East. L., 1939.

⁴⁹ Ibid. P. 240.

⁵⁰ Ibid. P. 183–184.

⁵¹ Афанасьева В. К. (вступ. ст., пер., коммент.) От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. С. 74, 76, 331, 338.

образы сплетения, связанности и разрывания уз⁵². Ассоциация жил и пуповины с нитью или веревкой представляется совершенно естественной. В семантическое поле этих элементов человеческого тела входят представления о связанности и развязывании в ритуалах на мужскую силу и рождение ребенка⁵³. Мотивы сплетенности, связанности и как условий жизни, и их преодоления замечательно звучат в заклинании для роженицы: «в водах потока сложились кости, зародыш. Руки младенца связаны во тьме. Асаллухи, сын Энки, разорвал узы, что его держали. Он и богиня-мать готовят пути»⁵⁴.

Обитатели Месопотамии в обрядах использовали обвязки из шерсти, помещавшиеся на разные части тела; с ними предписывалось обходиться, как с узлами: завязывание и развязывание – фиксация наличия зла и освобождение от напасти. Согласно одному из ассирийских ритуалов, Иштар отдавала приказ иеродулам прясть пеструю нить из белой и черной шерсти, которая должна была рассеять чары⁵⁵. Примечательны указания на пестроту нитей при лечебных обрядах и круговое оплетение – создание магической границы.

Два и более цвета материала, как и действия с ним, определяли константы образа мира в его полноте. Отчетливо этот мотив присутствует в повествовании Иосифа Флавия о завесах скинии собрания и священническом облачении: «Завесы, сотканые из четырех сортов материала, служат эмблемой стихий, причем виссон очевидно напоминает землю, которая родит лен, пурпур – море,

⁵² Антонова Е. В. К интерпретации жгутовидных мотивов на вещах Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса. С. 201.

⁵³ Афанасьева В. К., Дьяконов И. М. (сост.) Когда Ану сотворил небо: Литература древней Месопотамии. М.: Алетей, 2000. С. 218, 226.

⁵⁴ Афанасьева В. К., Дьяконов И. М. (сост.) Я открою тебе сокровенное слово: Литература Вавилонии и Ассирии. М.: Худож. лит., 1981. С. 200.

⁵⁵ Фоссе Ш. Ассирийская магия. СПб.: Евразия, 2001. С. 133–134, 217, 234.

окрашивающееся в пурпурный цвет кровью рыб, фиолетовый гиацинт – лазоревый воздух, а багряный цвет служит символом огня. Льняной хитон первосвященника также напоминает о земле, фиолетовые нити его – небосклон... наплечник также – изображение всей созданной Господом Богом природы, почему, мне кажется, он и создан из четырех родов материала, причем вотканые в него золотые нити, по моему мнению, должны напоминать о всюду проникающем свете»⁵⁶.

Примечательны черты сходства форм анатолийских печатей и характерных для них изобразительных мотивов и глиптики БМАК. Для обеих групп характерно преобладание штампов. Отмечают частоту встречаемости на анатолийских печатях геометрических мотивов, символов, преобладание не композиций, а изолированных фигур и распространенность плетенок и спиралей, появившихся в результате связей с эгейским миром⁵⁷.

Большой материал о роли нитей в обрядах собрал М. Элиаде; в частности, он писал о постоянном использовании образа нити в индийской традиции, в ритуалах перехода и экстатических обрядах. Космические нити-струны поддерживают вселенную, их разрубание ведет к концу света. Деятельность космических сил и многих богов связана с тем, что они выступают как «хозяева нитей». Самый адекватный образ существования – нить, паук, уток, ткачество⁵⁸. Рассмотрев данные разных традиций, М. Элиаде пришел к заключению, что веревка – ключевой образ в представлениях людей о жизни космоса, человеческого существования, тайного знания. В архаических культурах она всегда предполагает подъем на небо и умение летать.

⁵⁶ Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. с греч. Г. Г. Генкеля. СПб, 1900. Т.1., 1994. С. 136–137.

⁵⁷ Антонова Е. В. К интерпретации жгутовидных мотивов на вещах Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса. С. 202.

⁵⁸ Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб.: Алетей, 1998. С. 287, 291–303.

Его вывод: «... образы нити, веревки постоянно будоражат воображение человека и его мысль. Значит, образы эти соответствуют чрезвычайно глубинному опыту и, в конечном счете, выявляют ситуацию человека в мире, которую невозможно выразить другими символами и образами»⁵⁹.

Круговое и вертикальное расположение веревки отмечают разные стороны ее значения в ритуалах – замыкать и связывать. Б. А. Литвинский, исследуя «веревочное» оформление устья медных котелков железного века из Индостана и Памира, интерпретировал его как обладающее значением магического круга в шаманских ритуалах: «По-видимому, древние верили, что в процессе ритуального действия круг «веревочного» орнамента размыкается и, меняя направленность, устремляется вверх, соединяя полюс жертвоприношения с небесами, с небесным полюсом»⁶⁰.

О том, что ритуалы носителей БМАК могли носить экстатический характер, писал В. И. Сарианиди, делая акцент на использовании ими особых напитков⁶¹. Д. Аруз исходит из более общих соображений о следовании создателей этой культуры шаманистским доземледельческим представлениям⁶². Такие обряды широко практиковались, согласно исследованиям этнографов, разными народами, в том числе в Средней Азии и Казахстане⁶³.

Жгутовидные мотивы на вещах БМАК позволяют предполагать существование мифологических представлений, в которых фигурировали образы окружающей мир

⁵⁹ Там же. С. 325.

⁶⁰ Литвинский Б. А. Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкономика и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 86–87.

⁶¹ Сарианиди В. И. Протозороастрийский храм в Маргиане... С. 158.

⁶² Аруз Д. Образы сверхчувственного мира: бактрийско-маргианские печати в их связи с Ближнем Востоком и долиной Инда // ВДИ, № 2, 1998. С. 82.

⁶³ Басилов В. Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. 324 с.

змеи. В их культуре была актуальна тема края, предела, начала и бесконечности, связи между различными зонами по вертикали. В ритуалах этой культуры универсальный знак круга сочетался с представлениями о подвижности, пряденой нити и, очень вероятно, времени. Другие знаки «притягивались» на основаниях смысловой и связанной с ней формальной близости, являясь средствами освоения мира и самой возможности существовать в его многообразных проявлениях.

Говоря о глубинном значении образа, стоявшего за статуэтками того типа, который изготавливали в анауской культуре эпохи Намазга V, мы подчеркивали его всеобщность, недифференцированность. За ними – мир в целом. Подобные продолжали использовать и в Маргиане, хотя количество условных знаков на них, как правило, могло ограничиваться одним условным растением. Вероятно, их продолжали применять члены малых семейно-родовых коллективов, причем не относящихся к элитарным. Последние скорее всего обладали каменными составными статуэтками. Но в БМАК и в сообществах, с которыми его носители находились в контактах, появились изображения на цилиндрических печатях божеств, явно принадлежавших кругу более развитых представлений.

С Гонура происходит стеатитовая цилиндрическая печать с изображением сидящей рогатой богини, заключенной в «ауру», и предстоящими перед ней двумя женскими божествами плодородия. Стоящие богини различны: из тела и головы одной из них произрастают растения, из тела другой – расположенные аналогичным образом (по три с двух сторон тела и два – из головы) – рога⁶⁴. «Богиня в ауре», по словам В. И. Сарианиди, представляет собой местную переработку привнесенного образа⁶⁵.

⁶⁴ Сарианиди В. И. Страна Маргуш открывает свои тайны. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура. С. 241, рис. 17.

⁶⁵ Там же. С. 239.

Печати с многофигурными изображениями в БМАК немногочисленны⁶⁶, но их существование очень симптоматично. Они передают не только собрание отдельных образов, но и, вероятно, обрядовые сцены. На большом некрополе Гонура в грабительском выбросе из могилы найдена печать с очень интересным изображением. Это сидящая на возвышении богиня, из тела и головы которой поднимаются растения⁶⁷. Перед ней на «постаменте», согласно В. И. Сарияниди, лежит, поджав ноги, большерогий козел, над которым изображен цветок тюльпана. Под богиней находится извивающаяся змея, что указывает на ее принадлежность хтонической сфере. В. Ю. Крюкова полагает, что козел изображен на жертвенном столе на травяной подстилке⁶⁸.

Статья В. Ю. Крюковой посвящена изображениям тюльпанов на разных вещах. Их контекст предполагает, что у носителей БМАК бытовал весенний праздник плодородия, связанный с образом женского божества и тюльпанами⁶⁹. В неоднократно упоминавшейся книге П. Амье приводятся изображения и описания богинь на печатях из трансэламских поселений (Шахдад, Тепе Яхья) в рогатых головных уборах и/или с растениями⁷⁰. То, что он пишет об изображениях на этих печатях, может быть отнесено и к изображениям на печатях БМАК: «Иранский пантеон, изображенный на трансэламских печатях, предстает менее богатым и менее разнообразным, а значит и менее разработанным, чем месопотамский пантеон, где боги персонифицировали взаимодополняющие друг друга космические элементы. Этот более простой пантеон, скорее всего,

⁶⁶ Крюкова В. Ю. О гонурских тюльпанах.

⁶⁷ Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 66.

⁶⁸ Крюкова В. Ю. О гонурских тюльпанах. С. 224.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 165–167.

соответствует слабой политической системе, включающей в себя разные этнические образования или племена, каждое из которых имело, должно быть, своего божественного покровителя, в эту эпоху – обычно женское божество»⁷¹. Он отмечает, что в более позднее время, в эпоху суккальмахов (1800–1600 гг. до н. э.) ситуация в самом Эламе остается близкой описанной, хотя мужские божества уже занимают верховенствующее положение.

Изображения на цилиндрах БМАК богинь с рогами и растениями позволили сравнить их с некоторыми божествами Шумера. От конца III и начала – первой половины II тысячелетий до н. э. дошли тексты, содержащие этиологические мифы. Среди них – миф о Лахар и Ашнан, богинях скотоводства и земледелия, созданных Энки и Энлилем. В спорах между божествами почти всегда признается важность обеих спорящих сторон⁷². Велик соблазн предположить, что на описанном выше опубликованном В. И. Сарияниди цилиндре⁷³ изображены богини растений и скота, а в ореоле между ними – богиня более высокого ранга; ее голова увенчана рогами особой формы.

⁷¹ Амье П. Богини и царицы Элама // ВДИ, № 1, 1997. С. 100.

⁷² Афанасьева В. К. Шумерские этиологические мифы и идеология города-государства в Двуречье (к постановке вопроса) // Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н. э.). Ереван, 1973. С. 9–11.

⁷³ Сарияниди В. И. Страна Маргуш открывает свои тайны. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура. С. 239, 241.

К РЕКОНСТРУКЦИИ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Структура общества – одна из наиболее сложных областей исследования историко-культурного образования, которое представляет собой любая бесписьменная археологическая культура. Об организации общества, его низовых ячеек на Гонур Депе позволяют судить немногочисленные свидетельства о жилищах¹. Они многокомнатные, с хранилищами и очагами. По всей вероятности, в организации общин сочетались принципы родства и соседства.

Согласно заключению Н. А. Бутинова, общины Двуречья были большесемейными или семейно-родовыми². Исследования И. М. Дьяконова показали, что большая семья или большесемейная община – это группа хозяйств из трех-четырех поколений по отцовской линии. Сельская община насчитывала 30–40 членов³. Торговые дома в Малой Азии начала II тыс. до н. э. строились по семейно-общинному и отчасти соседскому принципу⁴.

Исследованиям БМАК предшествовали многолетние раскопки Алтын-депе, расположенном на крайнем юго-востоке подгорной полосы Копет Дага. На результатах его исследований целесообразно остановиться.

Площадь Алтын-депе 26 га, мощность культурного слоя – 28 м. В 80-х годах прошлого столетия сложились условия для интерпретации общественной структуры населения позднего времени бытования поселения, конца III –

¹ Сарианиди В. И., Дубова Н. А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур Депе (Раскоп 16). С. 36.

² Бутинов Н. А. Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира. Глоссарий // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967. С. 177.

³ Дьяконов И. М. Люди города Ура. С. 155–156.

⁴ Там же. С. 76.

начала II тыс. до н. э. В 80-е годы в зарубежной и отечественной науке доминировали представления о преобладании месопотамского пути сложения цивилизаций Ближнего Востока. Этой концепции следовал и В. М. Массон, долгое время руководивший раскопками Алтын-депе.

Он исходил из таких данных, как планировка жилищ и особых сооружений, о погребениях, некоторых особенностях рациона людей. В результате анализа он предположил существование трех социальных групп населения Алтын-депе. Высшую составляла «знать», среднюю – «зажиточные горожане», низшую – «ремесленники». «Знать» обитала в обширных благоустроенных домах, «зажиточные» – в «домах-квартирах», «ремесленники» – в «домах-массивах» с маленькими помещениями и наихудшими бытовыми условиями⁵. На поселении обнаружено сооружение, план которого реконструировался как зиккурат. Один из кварталов получил наименование «дом вождя».

По мнению В. М. Массона, общество было патриархальным, самыми богатыми были «патриархи», которые имели многочисленных жен. По его предположению, Алтын-депе мог быть «храмовым городком» с «теократической формой правления». Существовало профессиональное ремесло, происходила «городская революция». Он считал, что раннеземледельческие общины юго-запада Средней Азии «фактически повторяют в замедленном варианте шумерский путь развития и создают местную цивилизацию протогородского или раннегородского характера»⁶.

Ю. Е. Березкин продолжил исследования В. М. Массона, сосредоточив внимание на массовом материале – остатках домов и погребениях. Он провел скрупулезный анализ сведений одного достаточно обширного для его целей участка раскопок. Примечательна его установка –

⁵ Массон В. М. Алтын-депе. С. 96.

⁶ Массон В. М. Алтын-депе. С. 175.

видеть именно в массовом материале, в планировке и особенностях жилищ «самый обширный и надежный источник сведений по проблеме социально-имущественной дифференциации древних обитателей юга Туркменистана»⁷. Исходной единицей он считал домохозяйство. Многочисленные выделенные признаки и учет сведений о погребениях на исследуемой территории привели его к выводу, что материал не позволяет выявить четкие социальные страты. Кроме того, в погребениях не выделяются мужские захоронения, как можно было бы ожидать при существовании патриархального общества. В одной из гробниц обнаружены вообще только погребения женщин и детей⁸. На высокое положение женщин указывает и преобладание в погребениях именно у них бронзовых печатей.

Для общества Алтын-депе характерна низкая военная активность, с чем связано и отсутствие признаков накопления сокровищ. Ю. Е. Березкин предполагает, что «накопление сокровищ могло происходить лишь в обстановке военной угрозы, вооруженной борьбы за власть, оказываясь и результатом грабительских набегов, и стимулом для их совершения, и основанием для высококвалифицированного ремесла, удовлетворяющего запросы вождей»⁹. Он отмечает, что это общество отличается от бактрийско-маргианского¹⁰.

В момент проведения исследований алтынского материала еще не были известны поразительные по богатству погребения «царского некрополя» Гонур Деде. Можно думать, что гонурское общество строило благополучие не на преодолении военной угрозы. Его высокоразвитое ремесло формировалось в контексте широких торго-

⁷ Березкин Ю. Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии... С. 24.

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же. С. 32.

¹⁰ Там же.

обменных отношений, более того, город находился в месте пересечения торговых путей. Об этом около пятнадцати лет спустя писала Л. Б. Кирчо¹¹. Судя по всему, общества на юге Туркменистана были организованы различным образом.

Статья Ю. Е. Березкина в завершающей части посвящена анализу места ремесленников в жизни алтынского общества. Автор приходит к заключению о широте распространения ремесленного производства в домохозяйствах кварталов «знати» и «зажиточных горожан». По его мнению, ремеслом занимались и обитатели односемейных домов, где жили те, кто имел наследственные семейно-ритуальные функции. Наконец, он задается вопросом: «...не следует ли предположить, что алтын-депинская элита уделяла ремеслу не меньше внимания, чем более бедные группы населения? Да и чем еще могли заниматься обитатели кварталов «знати» и «зажиточных горожан»? Делами культа, управлением? Какие-то лица – возможно, но многие десятки людей – маловероятно»¹².

Проследить возможные особенности ремесла в разных домохозяйствах не удалось из-за недостатка данных. В заглавии своей статьи Ю. Е. Березкин называет Алтын-депе «городом мастеров», указывая на особенность общественной структуры населения. Наступление засушливого периода привело к концу «исторического эксперимента», который вместе с ним пережил Тепе Гиссар и другие небольшие и крупные поселения Ближнего Востока. Но прежде, чем покинуть Алтын-депе, люди, по мнению Ю. Е. Березкина, попытались преодолеть невзгоды путем утверждения нового культа. В нем они использовали крупные каменные предметы чужеродного происхождения.

¹¹ Кирчо Л. Б. К вопросу об экономической основе маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской экспедиции. СПб., 2010. С. 38–42.

¹² Березкин Ю. Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии... С. 28.

Признаки существования организации типа вождества на Алтын-депе не выявлены. При отсутствии органов управления в обществах из сотен и тысяч людей регуляторами социального поведения, по мнению Ю. Е. Березкина, могли быть массовые церемонии и ритуалы, в ходе которых определялись социальные роли и позиции групп, «и свобода действий индивидов ограничивается таким образом, чтобы помешать раздроблению коллектива»¹³.

Не видя оснований для прямого сближения материалов, касающихся социального устройства населения Алтын-депе и Гонур Деде, представляется интересным привести данные о своеобразных площадях на последнем памятнике. В. И. Сарияниди назвал их «площадями общественных трапез»¹⁴.

Одна из них обнаружена против северного входа в город. Ее территория лишена застройки, толщина слоя – около 1 м. Этот слой состоит из чередующихся горелых слоев, смешанных с костями животных и фрагментами керамики, и слоев чистого песка. Рядом с ней находились два бассейна, предназначавшихся, согласно В. И. Сарияниди, для ритуальных омовений.

Размер второй площади – около 700 кв. м. Она находилась у северо-западной башни «кремля»; около нее также располагался бассейн (его площадь – 24×18 м). Наконец, третья площадь была самой поздней и обширной – около 1000 кв. м, около нее было два бассейна. Естественно, никаких прямых указаний на назначение этих площадей, кроме того, что здесь готовили пищу и ели ее, не приводится, а предположительные аналогии им В. И. Сарияниди черпает из хеттской, зороастрийской и других традиций. Тем не менее можно предположить, что

¹³ Там же. С. 33.

¹⁴ Сарияниди В. И. «Площади общественных трапез» в Маргиане // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб., 2010. С. 237–239, 243.

на Гонуре собрания с сопровождающими ритуалами были многолюдными.

Наиболее информативным и массовым источником для реконструкции общественного устройства носителей БМАК являются погребения, которым уделялось на протяжении всех лет раскопок большое внимание. Первые выводы на большом материале принадлежат В. И. Сарианиди.

Погребения на так называемом Большом некрополе Гонур Депе он на основании типов могильных сооружений и приношений разделил на следующие группы, отметив, что *их было не менее трех*¹⁵ (*курсив наш* – Е. А.):

1. Камерные с коллективным последовательным обрядом составляли 2,5%;

2. Погребения в цистах в основном со сводчатыми перекрытиями были одноразовыми, на них приходилось также 2,5% общего количества (в погребениях двух этих групп хоронили представителей элиты с богатым инвентарем, т. к. в них найдены вещи из золота, серебра и слоновой кости);

3. 75% составляли шахтные (шахтно-подбойные) захоронения. В них хоронили людей среднего класса; они были зажиточными и процветающими, но уступали представителям высшего слоя. По мнению В. И. Сарианиди, в шахтных могилах хоронили жрецов. Он считал вероятным, хотя и не доказанным, что светская и религиозная власть здесь уже разделились¹⁶.

4. Наконец, 20% составляли в основном безынвентарные ямные захоронения. В них погребали беднейших людей, с которыми клали почти исключительно керамические сосуды.

В. И. Сарианиди в итоге констатирует, что при одинаковом в основном наборе вещей его количественный состав в разных группах существенно различался.

¹⁵ Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 35–36.

¹⁶ Там же. С. 36.

Он также предполагал, что деление общества на группы было наследственным, не зависившим от возраста и пола. Возможно также, что внутри «классов» существовали какие-то градации¹⁷.

Работой, подводящей промежуточный итог многолетних исследований погребений не только на Большом некрополе Гонур Депе, но и в других частях памятника, явилась статья Н. А. Дубовой. Она отстоит почти на полтора десятилетия от публикации В. И. Сарияниди¹⁸. Автор сообщает, что всего на поселении изучено 4210 захоронений. Из этого количества на Большом некрополе (его площадь 10 га) обнаружено 2808 могил, что составляет 66,7% общего количества.

Погребения представляют один из массовых источников для изучения Гонур Депе – самого крупного из более 500 выявленных поселений древней дельты реки Мургаб. С ними связана вся его долгая история. Она делится на три периода.

Первый начинается в 2300–2250 гг. до н. э.; к нему относится время существования «царского некрополя» на восточном берегу большого бассейна. Его прервал пожар около 1800–1700 гг. до н. э.

Второй период длился около 200 лет после пожара.

В третий период – около 1600 г. до н. э. часть населения, составлявшая верхний слой общества, была вынуждена уйти на запад вслед за уходящей водой реки. Первыми ушли представители слоя, обладавшие высоким социальным статусом. Н. А. Дубова полагает, что это были жрецы, поскольку Гонур Депе был храмовым городом. Предполагается, что люди двинулись в Тоголокский оазис¹⁹.

17 Там же. С. 36.

18 Дубова Н. А. Типы погребений Гонур Депе (Туркменистан). С. 327–340.

19 Там же. С. 336.

Примечательна устойчивость размещения останков – скорченно на правом боку, головой на север или северо-запад²⁰.

Прослежена динамика существования цист и камерных захоронений: на Большом некрополе их число соответственно 1,67 % и 1,85 %. Иная ситуация на «руинах» Гонура – здесь камер в 16,5 раз меньше, чем на большом некрополе²¹. Именно на «руинах» была обнаружена особая группа – «погребения воинов» (№ 2900, 3280); № 2380 – на окраине Большого некрополя. Н. А. Дубова подтверждает замечание В. И. Сарианиди о соотношении формы погребального сооружения и качества приношений, которое лишено постоянства: в цистах и даже отдельных шахтных захоронениях инвентарь в отдельных случаях бывал более богатым, чем в камерных²².

Удается проследить динамику населения по признаку бедности – богатства. Если в начальный период жизни Гонура на нем было относительно мало бедного населения, но достаточно много представителей элиты, то в конце положение иное: камерные захоронения прекращают совершать в середине II тыс. до н. э. По предположению В. И. Сарианиди, знать ушла в Тоголокский оазис. Оставшиеся представители верхнего слоя хоронили в цистах – возможно, по его же мнению, это были жрецы каких-то «специализаций», представители администрации и «знатные воины».

Особый интерес представляет уточнение классификации царских захоронений, которые, в отличие от камерных (полуподземных прямоугольных площадью в среднем 5×5 м), были многокомнатными. Напомним, что к «царскому некрополю» Н. А. Дубова относит 8 гробниц, 3 котлована,

²⁰ Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 14–16.

²¹ Там же. С. 336.

²² Там же.

4 камерных захоронения и 2 шахтных, 1 цисту и 2 ямных захоронения с погребениями животных. Н. А. Дубова напоминает также, что, по мнению В. И. Сарияниди, особенностью Гонура было обитание на нем правителя и его семьи, части жрецов и слуг. Вообще же, он был «храмовым городом»²³. Радиоуглеродная дата «царского» некрополя: 2300–2250 гг. до н. э.²⁴

Очевидно, проблема определения характера общества Гонур Депе многосложна. В сведениях, вытекающих из формального анализа погребений, в некоторой степени отражены явно читаемые особенности – указания на прижизненные занятия людей. Обнаружение в ряде захоронений сопровождающих погребений специально умерщвленных людей можно рассматривать как существование рабства, но каким образом становились подневольными людьми и жертвами, вероятно, ритуальных убийств, остается неясным. Примечательно, что наименьшее количество специально умерщвленных людей обнаружено в «богатом» погребении № 3200²⁵, в то время как в двух котлованах, особых ритуальных вместилищах практически без заупокойных приношений, обнаружено множество человеческих останков; это котлованы № 3225²⁶, а также № 3240²⁷.

Можно думать, что люди, занимающиеся ремеслом, каким-то образом отличались в повседневной жизни. В то же время они могли заниматься и земледелием и, не исключено, имели отношение к обмену или торговле.

А. Гюрсан-Сальцманн полагает, что развитое ремесло на Тепе Гиссаре было сложно организованным. А ремесло на Гонуре было, вероятно, не менее, если не более слож-

²³ Дубова Н. А. Типы погребений Гонур Депе (Туркменистан). С. 327–340.

²⁴ Там же. С. 328.

²⁵ Сарияниди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 162–163.

²⁶ Там же. С. 177.

²⁷ Там же. С. 178.

ным. На Гиссаре производство не ограничивалось только домашним. Для создания сложных вещей из различных материалов должны были действовать особые руководители. Возможно, существовало «многоуровневое планирование», которое начиналось с добычи сырья и заключалось операциями по обмену готовой продукцией²⁸.

То, что известно о ремесле на Гонуре, позволяет предполагать не менее сложную его организацию, чем рисуется А. Гюрсан-Сальцманн. Известно, что существовали специализированные мастерские, в которых изготавливали металлические предметы, а также найдено погребение специалиста-ювелира.

Вряд ли можно сомневаться в существовании торговцев и/или людей, имеющих отношение к обмену. О хорошо организованной торговле свидетельствуют многочисленные указания на связи обществ БМАК с людьми из отдаленных регионов. Вспомним погребения «знатных воинов»²⁹ – предполагаемых участников караванной торговли. По всей вероятности, торговцы обладали отличиями в повседневной жизни и после смерти. Инвентарь их погребений не мог не отличаться от того, которым снабжали умерших, менее причастных к «материальным благам». Почему нельзя предположить, что какие-то из «царских» погребений на самом деле принадлежали верхушке семейно-родовых коллективов, члены которых занимались торговлей?

Один из нерешенных (или нерешаемых?), как представляется, остается вопрос о том, что представляла собой организация власти. В. И. Сарияниди не сомневался, что она была царской: «Дворец Гонура заставляет решительно пересмотреть старые взгляды на общественную жизнь Маргианы. Нет никаких сомнений, что здесь уже существо-

²⁸ Gürsan-Salzmann, Ayşe. The New Chronology of the Bronze Age Settlement of Tepe Hissar, Iran. P. 290–291.

²⁹ Дубова Н. А. Погребения знатных воинов на Гонур Депе (Туркменистан).

вала царская власть, сложная социальная стратификация, возможно, включавшая начальные формы рабства. И хотя Гонур не имел внешних оборонительных стен, есть основания считать его подлинным городом, центром местной округи, в полном согласии с определением древнего города, которое много лет назад было предложено И. М. Дьяконовым»³⁰.

Представляется, что при более строгом подходе к материальным данным, позиция В. И. Сарианиди о возможных признаках царской власти не может быть признана достаточно убедительной. Погребения, обозначаемые как царские (иногда в кавычках), кажутся слишком многочисленными и разнообразными, да и существовавшими слишком недолго, чтобы их можно было признать таковыми. В то же время нет сомнений, что такой большой и сложный организм, каким предстает общество Гонура, должен был каким-то образом управляться.

А.-П. Франкфор и Кс. Тремблей в своей статье принимают попытку определить характер образования Мархаши, которое А.-П. Франкфор склонен отождествлять с «цивилизацией Окса»³¹. Мархаши упоминается в клинописных текстах времени между царствованиями Саргона и Хаммурапи. Судя по текстам, оно воевало против Саргонидов и царей Ура III в союзе с Эламом. Правители заключали договоры, иногда сопровождавшиеся брачными союзами и обменом дарами. Авторы перечисляют признаки «цивилизации Окса» с точки зрения археологии: это большая территория и множество поселений, долгое время существования, сложность и разработанность материального комплекса и искусства. Такие значительные постройки, как «настоящий дворец» в центре Гонурского оазиса, позволяют говорить о существовании цивилизации

³⁰ Сарианиди В. И. Дворец Северного Гонура // ВДИ, № 2, 2000. С. 259.

³¹ Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus. 157.

даже при отсутствии письменности. Цивилизация и археологическая культура, подчеркивают авторы – не то же самое, что политическое образование.

Структура власти в Центральной Азии могла иметь сходство с существовавшей в Эламе, если судить по элитарной одежде («юбка на кринолине») и инсигниям (топоры разных форм). Все же без читаемого письменного текста в археологическом контексте с уверенностью говорить о существовании образования Мархаши невозможно³².

³² Ibid. P. 158.

**«Миниатюрные колонки» и «посохи» БМАК:
связи с египетскими реалиями**

Изучение назначения вещей, их функций и значения, т. е. места в общей системе мировосприятия, образе мира, оказывается особенно результативным, если они предстают как взаимосвязанные элементы одних комплексов. В БМАК такими являются каменные предметы – «миниатюрные колонки» и «посохи». Их находили в одних и тех же ритуальных (по преимуществу погребальных) комплексах. Впервые они были выявлены при раскопках Тепе Гиссара, одного из крупнейших многослойных поселений северо-востока Ирана неподалеку от г. Дамгана. Э. Шмидт, проводивший раскопки в 30-е годы прошлого века, ввел в научный оборот термины «миниатюрная колонка» и «посох» (*pole*)¹. Их, как и диски из того же минерала, который определялся как алебастр, обнаруживали в погребениях или кладах. Клады, как предполагают позднейшие исследователи – это остатки тех же погребений, но плохо сохранившихся или не распознанных археологами из-за сложностей структуры слоя и недостаточного опыта раскопщиков.

Известны контексты, где колонки соседствуют с дисками. Те и другие обычно полированы, некоторые имеют на одном или обоих основаниях желобок. Детали колонок и дисков и их совместное нахождение позволили предположить, что они каким-то образом сочетались, могли составлять некое целое. Так, по первоначальной гипотезе Э. Шмидта, они составляли предмет вроде весов².

¹ Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan.

² Ibid. P. 144.

Гораздо более вероятно, что колонки служили основаниями для дисков, а вместе они представляли собой своеобразные столики. Примечательно, что одновременно с ними в Гиссаре бытовали каменные сосуды, подобные столикам – «тарелки на ножках»³. Не исключено их близкое назначение в ритуалах.

Колонки из Гиссара – цилиндры высотой около 30 см, у них плоские или слегка выпуклые основания с желобками, которые продолжают на стенке. На основаниях в некоторых случаях отмечены зазубрины. Стенка и верхняя поверхность одной из колонок покрыты облицовкой из костяных элементов – треугольников, квадратов, ромбов; желобки на ней окрашены в красный цвет. На верхней поверхности – два двойных разновеликих круга, у большего выделена середина⁴. Заметим, что расположение желобков, форма кругов на поверхности и особенно детали оформления стенки этой колонки на каждой половине подчеркнуто своеобразны. Естественно предположить, что таким образом выражено стремление показать их двусоставность, в то время как они были изготовлены из единого камня.

«Посохи» из Гиссара – каменные стержни длиной около 1м; нижний их конец иногда скошен. Они встречены на этом поселении в тех же комплексах, что и колонки.

Назначение и символика колонок интересовали немногих исследователей. П. Амье писал о них, как о собственных культурам Внешнего Ирана – они обнаружены на его северо-востоке, юге Туркменистана, в Афганистане, на юге Ирана (Шахдад). Фрагменты явно во вторичном использовании найдены в Сузах⁵. П. Амье предполагал, что колонки имели культовое назначение, но отмечал, что их нахождение в погребениях, в частности, Тепе Гиссара,

³ Ibid. P. 212.

⁴ Ibid. P. 216–219, pl. LXI.

⁵ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 65, 285.

не может указывать на принадлежность исключительно погребальным контекстам.

П. Амье допускал возможность возникновения колонок под влиянием египетского символа «джед» в результате не прямых контактов. Он также предположил, что значение колонок могло быть близким тому, который имели «бети́ли», аниконические идо́лы Палестины. Кроме того, чешуйчатая облицовка поверхности отдельных образцов из Бактрии может свидетельствовать о знакомстве ее обитателей с египетскими реалиями. Чешуйчатое оформление имеет, вероятно, одна из ручек зеркал из Бактрии. Она воспроизводит древесный ствол – элемент символики египетской богини Хатор⁶. Это предположение о символической связи колонок с деревом заслуживает внимания.

Отметим, что П. Амье, знаток восточных древностей, не был склонен к скептицизму некоторых отечественных египтологов, отрицавших возможность связей между Египтом и отдаленными территориями к востоку только потому, что они находились на значительных расстояниях. Начиная с середины III тыс. до н. э. контакты, которые восходят к более раннему времени, стали более интенсивными.

Данные о колонках и посохах с поселений Туркменистана существенно превосходят полученные при исследовании Тепе Гиссара. В Туркменистане первые данные о них обнаружены на Алтын-депе. В так называемом «погребении пастыря» (№ 362) в слое развитой бронзы лежал скорченный костяк мужчины 40–45 лет. Среди сопровождающего его инвентаря – три глиняных сосуда, явно предназначенные для жидких или сыпучих продуктов. Перед верхней частью тела находилась колонка высотой около 30 см с желобком на верхней поверхности и двумя – на стенке. На останках лежал каменный «посох» со ско-

⁶ Ibid. P. 195.

шенным концом длиной около 1 м, и рядом с ними – короткий «скипетр» с вздутием в средней части⁷.

Наиболее информативные сведения о колонках и посохах получены при раскопках поселений в Маргиане. На Большом некрополе Гонур Депе обнаружено около 25 колонок⁸. Согласно публикации В. И. Сарияниди, они находились только в мужских захоронениях (в дальнейшем эти выводы не были подтверждены). Их материал – брекчия, мрамор, мраморовидный известняк. Поверхность тщательно отполирована. Высота – 30–35 см, редко – около 50 см, диаметры оснований около 15–20 см, нижний несколько больше верхнего. Известен небольшой экземпляр (высота 10, диаметр 6 см). На верхней части обычен желобок, продолжающийся на стенку с двух сторон. В. И. Сарияниди предположил, что эти желобки могут указывать на использование колонок в культовых возлияниях, когда на верхнюю поверхность наливали жидкость, по его мнению, типа сомы-хаомы⁹.

На Тоголоке 21, более позднем поселении по сравнению с Гонуром, колонки (здесь их обнаружено около 30), происходят из помещений многокомнатного сооружения, строго говоря, неизвестного назначения, хотя В. И. Сарияниди считал его храмовым. На отдельных экземплярах отмечены следы металлических обоем. Оба или один конец желобка на верхней поверхности в ряде случаев имеют расширения; они несут следы залощенности и зазубрины.

Примечательно отсутствие на Тоголоке 21 каменных дисков, встречающихся вместе с колонками на Гонур Депе. Колонки с Тоголока в некоторых случаях имеют нечто вроде «крышек» – маленькие диски с желобками.

⁷ Алекшин В. А. Могила знатного горожанина на Алтын-депе // Успехи среднеазиатской археологии, Вып. 4. Л., 1979. С. 81.

⁸ Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 63.

⁹ Там же. С. 63.

Их диаметр не отличается от верхнего диаметра колонок: вероятно, их применяли совместно. Можно было бы предположить, что между поверхностью колонки и «крышкой» зажимали и протягивали стебли растения, содержащего сок, который затем стекал по желобкам на стенке. От этого могли происходить следы залощенности или зазубрины. Однако эта привлекательная гипотеза осталась без убедительного подтверждения. На Тоголоке проводили исследования поверхности каменных терок и керамических сосудов; именно на них, а не на колонках, обнаружены следы эфедры и мака—растений, из которых предположительно получали ритуальные напитки¹⁰.

Совсем небольшие колонки обнаруживались редко. На их особую роль в ритуалах указывает не только размер, но и богатство внешнего оформления. Так, в «погребении жрицы» на Тоголоке 1 найдена маленькая поврежденная колонка из черного стеатита, сплошь инкрустированная вставками из белого камня¹¹. Формы вставок позволяют определить, что декор ее верхней части (треугольники и кружки) отличался от средней, инкрустированной прямоугольными элементами; низ не сохранился. Характерно, что верхняя поверхность, как и у обычных образцов, имела желобок, возможно, тоже инкрустированный.

Посохи встречаются реже колонок. На Большом некрополе Гонура их найдено небольшое количество; по наблюдениям автора раскопок, они происходят только из мужских погребений. Это стержни длиной более 1 м из черного сланца. Большинство их прямые, но встречаются с утолщением в средней части. Нижний конец их слегка скошен, как у гиссарских, или уплощен. В. И. Сарияниди предполагал, что это – жезлы или скипетры жрецов. В лавках Кабула, где торговали находками из разграблен-

¹⁰ Сарияниди В. И. Древности страны Маргуш. С. 153.

¹¹ Сарияниди В. И. Сельский храм Тоголок 1 в Маргиане // ВДИ. № 2, 1990. С. 164–165.

ных могильников севера Афганистана, он видел «довольно много» таких вещей¹².

Следует остановиться на многочисленных посохах из грабительских раскопок погребений Северного Афганистана, попавших в музейные собрания. Они описаны М. Поттье¹³. Она именует их булавами (или палицами, *masses d'arme*) и считает боевым оружием, но чаще символическим. В афганской Бактрии их известно много десятков, материал – камень типа сланца; один экземпляр имеет навершие. М. Поттье выделяет несколько разновидностей.

1. Наиболее многочисленны относительно короткие, с расширением в средней части и сужающиеся к концам. Длина 50–87 см.

2. Длинные с расширением в средней части. Зафиксировано всего 3 экземпляра; длина 118–165 см. Основание прямое, косо срезанное или с бортиком; оно передает, как она считала, копыто лошади или быка.

Наконец, самую полную информацию дают находки на Гонур Депе. Здесь в одних комплексах вместе с колонками встречаются каменные диски, которые, возможно, в исходном состоянии могли соединяться с колонками, составляя столики. Это остается предположением: в таком «собранном» состоянии они не были обнаружены, возможно, из-за повреждений могил грабителями. Перечислим погребения с такими вещами, в основном относимые к категории «царских».

Колонки и посохи обнаружены в погребениях № 3200, 3210, 3220, 3870, 3905 (в них же – диски)¹⁴, № 3880 – 4 колонки из прекрасного полосатого алебаstra от 25 до 30 см высотой, 2 посоха¹⁵.

¹² Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. С. 68.

¹³ Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'Âge du Bronze. P.16.

¹⁴ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 157.

¹⁵ Сарианиди В. И., Дубова Н. А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура... С. 158–159.

Порознь интересующие нас вещи встречаются в следующих погребениях. Колонки – погребения № 3255, 3310, 3230, 3790, 3230; посохи гораздо реже – № 3235 и 3900. Последнее – с двумя посохами, но без колонок – представляет собой не обычное погребение, а скорее жертвенное захоронение людей, животных и вещей: в нем не было обычного для погребений набора украшений и другого «личного» инвентаря¹⁶.

Отдельно следует остановиться на ритуальных захоронениях баранов. В «погребении агнца» (№ 18) посох с «гремящим» (полым с камешками) металлическим навершием находился за спиной принесенного в жертву барана; рядом с ним была колонка, на ней – краснolощенный сосуд. В это погребение положили двух верблюдов – безусловный признак высокого статуса захороненного¹⁷. В погребении барана № 3790 около колонки найдено 6 глиняных сосудов¹⁸. Такое совмещение колонки и сосудов, как представляется, является признаком назначения колонки – это ритуальная подставка, алтарик. Зафиксированы и другие случаи сочетания сосудов и колонок. Так, в «ритуальном захоронении животных» рядом с тремя баранами среди многочисленных сосудов лежали колонки – это погребения № 3621–3623¹⁹. Такое совмещение, видимо, предполагает то же значение сочетания колонок и сосудов, и оно указывает на смысл обряда – это принесение жертвы.

Судя по форме колонок, небольшому размеру их поверхности (в своем большинстве они не могли служить «столами предложений»), на них было трудно что-либо поставить (хотя такие случаи бывали), если только они не дополнялись чем-то вроде дисков или на них поме-

¹⁶ Там же. С. 158–159.

¹⁷ Дубова Н. А. Погребения животных в стране Маргуш. С.116.

¹⁸ Там же. С.119.

¹⁹ Дубова Н. А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9).

щали «столешницы» из несохранившихся материалов. Надо заметить, что на рисунках – «виньетках» египетской «Книги мертвых»²⁰, сопровождающих главы текстов, многократно встречаются изображения жертвенных столов или подставок с дарами. Они были непременной принадлежностью погребальных ритуалов.

В Месопотамии изображения посохообразных предметов относительно редки в многофигурных композициях на печатях и произведениях сакрально-меморативного назначения. Вероятно, посохи были атрибутом социально выдвинутых людей. Атрибут вождя-жреца урукского времени – посох и булава²¹. В отличие от них вещи, подобные по форме колонкам, встречаются достаточно часто. На ритуальных предметах изображали сосуды цилиндрической формы с сужением в средней части. Такой сосуд можно видеть на вотивной пластине из Ура Раннединастического периода (2550–2250 гг. до н. э.). На ней жрец совершает возлияние в высокое цилиндрическое вместилище, по сторонам которого спускаются лентообразные предметы²². На стеле Ур-Намму (ок. 2097–2080 гг. до н. э.) возлияние совершают в высокий сосуд, стоящий перед богом в рогатой тиаре. Из сосуда поднимается дерево, а по сторонам спускаются две грозди фиников²³. Примечательно, что в верхней части и этого сосуда с двух сторон изображены лентообразные предметы.

По форме все эти сосуды похожи на знаменитую вазу из Урука с многофигурной композицией, передающей не только сцену жертвоприношения, совершавшегося, вероятно, во время одного из главных празднеств

²⁰ Бадж, Эрнест Альфред Уоллис. Египетская книга мертвых.

²¹ Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. С. 124.

²² Art of the First Cities. The Third Millennium B. C. from the Mediterranean to the Indus / ed. by Joan Aruz with Ronald Wallenfels. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2003. № 33, p.74; Подобен. см.: Ibid. № 34, p. 75.

²³ Ibid. № 317. P. 443–446.

в Уруке конца IV тыс. до н. э. В нижнем из трех ярусов над растущими из воды растениями двух видов, также чередуясь, идут бараны и овцы. Выше них обнаженные участники ритуала несут сосуды с различными приношениями. Наконец, в верхнем ярусе, к сожалению, сохранившемся фрагментарно, совершается заключительная акция. Правитель или жрец, которого сопровождает слуга, подносит жрице у входа в храм пищу, украшения, скульптуры донаторов, сосуды. Среди последних – два, имеющие форму самой вазы²⁴. Характер даров, сочетание процветающих растений и животных обоего пола, текущей воды – все это дает основание предполагать, что обряды совершали для изобилия природы – воды, растений, животных, плодов. Примечательно, что растения, животные, приношения изображаются парами. Это важная черта. По текстам известно, что главными участниками обряда «священного брака», ритуала, призванного способствовать обновлению жизни природы и людей, были два персонажа. В мифологических и ритуальных текстах это были божества мужского и женского пола.

На приведенных изображениях – не жертвенники, а высокие сосуды. Но они – элементы жертвенных ритуалов, поэтому могли наделяться тем же значением, что алтари. В ритуальной практике обитателей Месопотамии специальные алтари иногда соседствуют с цилиндрическими предметами, увенчанными растениями (№ 1218, 1357)²⁵. Вероятно, это тоже сосуды, и содержали они соответствующие их форме приношения – воду и растения.

Каменные образцы столов на конических ножках, служившие алтарями, существовали в Месопотамии, однако в раскопках они обнаружены преимущественно в комплексах позднего, ассирийского периода²⁶. Они, как, вероятно,

²⁴ Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. С.145.

²⁵ Amiet P. La glyptique mésopotamienne archaïque. P., 1961.

²⁶ Vivante A. The Sacrificial Altar in Assyrian Temples // *Revue d'assyriologie*. Vol. 2 (88), 1994.

предметы из Тепе Гиссара, состояли из отдельных ножи и «столешницы». Керамические основания передвижных алтарей более раннего времени известны в долине реки Диялы и в Нишпуре²⁷.

Аналогии алтарям зафиксированы в памятниках Анатолии. На печатях начала II тыс. до н. э. из Кюль Тепе (Каниша) изображали алтари в виде столиков на высокой конической ножке и стол на бычьих ножках. Н. Озгуч сравнивает первый с «подставками для фруктов» археологической литературы. Над такими алтарями помещен один или два предмета, напоминающие, согласно Н. Озгуч, круглые предметы – хлебы, изображенные сверху²⁸. Н. Озгуч отмечает, что в каруме Каниша в погребениях были найдены похожие на алтари подставки, однако не каменные, а из красной глины²⁹. Каниш – лишь одно из поселений Западной Азии, демонстрирующих смешение культур и народов в начале II тыс. до н. э. Изображения на печатях отражают влияния староассирийские, старовавилонские, сирийские, египетские (на них, кстати, встречаются изображения обезьян), минойские. М. Меллинк рассматривает такие изображения в связи с ритуалами возлияний³⁰. Ссылаясь на исследование М. Меллинк, В. И. Сарияниди писал: «Связь “миниатюрных колонок” с ритуалами культовых возлияний представляется весьма вероятной, хотя потребуются еще многие доказательства для подтверждения такого предположения»³¹.

²⁷ Tunca Ö. L'architecture religieuse protodynastique en Mésopotamie. T. I (Accadica Supplementum II). Louven, 1984. P. 152–153.

²⁸ Özgüç N. Kültepe Mühür Baskılarında Anadolu Grubu / The Anatolian Group of Cylinder Seal Impressions from Kültepe. Ankara, 1965. Pl. XI, 31; XXIV, 71; XIII, 38.

²⁹ Ibid. P. 55.

³⁰ Mellink M. Anatolian Libation Pourers and the Minoan Genius // Monsters and Demons in the Ancient and Medieval Worlds. Papers Presented in Honour of Edith Porada. Mainz am Rhine, 1987. P. 67–68.

³¹ Сарияниди В. И. Два уникальных флакона из Бактрии // ВДИ, № 3, 1992. С. 85–86.

В Маргиане была найдена цилиндрическая печать с уникальным изображением, возможно, представляющим интерес для проблемы назначения посохов. Она происходит из погребения, вероятно, на Тоголоке 21³². В ее маргианском происхождении нет оснований сомневаться: на основании вырезано характерное для местной глиптики изображение мака. Главным в многофигурной композиции является изображение двух обезьяноподобных (что примечательно) существ, стоящих по сторонам высокого шеста и, по всей видимости, поддерживающих его. Над шестом в горизонтальном положении изображена, скорее всего, также обезьяна, вероятно, прыгающая через него. За этой группой, повернувшись к ней, стоит на задних ногах животное с копытами, за ним – коленопреклоненная обезьяна. Еще дальше две фигуры снова обезьян. Нижняя сидит, держа перед собой нечто вроде большого бубна или тамбурина; над ней – коленопреклоненная с двумя жезлами, увенчанными шарами, в руках. По мнению В. И. Сарианиди, это изображение бога Шамаша³³. Однако можно думать, что изображен музыкальный инструмент типа египетского систра.

В этом изображении важны несколько особенностей. Ясно, что здесь передана сцена ритуала с участием персонажей с зооморфными чертами. Оно происходит с участием «музыкантов», играющих на «тамбурине» и «систре». Частью действия был прыжок через шест. Нельзя ли предположить, что этот шест – тот самый каменный посох, который мог быть принадлежностью «жреца»? Скудость данных заставляет внимательно анализировать детали. В «погребении агнца» (№ 18) навершие посоха содержало камешки, и при потряхивании он мог производить некий звук; на печати же изображены «тамбурины» и «систры». Не исключено, что прыжки через шест или посох на печати передают обряд, в котором участвовали люди, представ-

³² Сарианиди В. И. Протозороастрийский храм в Маргиане... С. 167.

³³ Там же.

ленные в виде обезьян. Этот обряд мог быть шаманским, поскольку использование музыки и особые движения характерны для шаманских обрядов. Такое предположение может иметь значение для определения характера обрядово-мифологического комплекса носителей, по крайней мере, части БМАК. Эта проблема до сих пор остается нерешенной. Предположение В. И. Сарияниди об их следовании предполагаемому протозороастризму, по всей вероятности, лишено доказательной основы.

Банальна констатация, что Египту на древнем Востоке всегда принадлежало особое место. Известна широта воздействия этой цивилизации на соседей. Естественно, не все участники контактов зафиксированы письменными документами, но археологические данные позволяют расширить их круг. Так, установлено, что Египет был связан с Анатолией еще в конце IV – начале III тыс. до н. э. Египетские вещи времени XII–XIII династий найдены в районе Коньи (Кара Хююк), в Киликии (Адана), Аджемкее, Кириккале, Аладже³⁴. Множество данных указывает на усиление контактов Египта поры Среднего царства (XXII–XV вв. до н. э.) и сиро-палестинского региона с землями к востоку. Это в какой-то степени то же самое время, когда в, казалось бы, далеких от этих мест поселениях Ирана и Туркменистана появляются и бытуют колонки и посохи.

В ритуалах, согласно документам, значительное место занимали возлияния водой и другими субстанциями³⁵. Среди многочисленных вещей в погребения помещали и различные виды посохов и скипетров, предметы вооружения, одежды и т. д. ³⁶ – то же, что в гораздо меньших мас-

³⁴ Меллаарт Дж. Торговля и торговые пути между Северной Сирией и Анатолией (4000–1500 гг. до н. э.) // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии). Составление и введение П. Маттиэ. М., 1985. С. 33.

³⁵ Павлова О. И. Жертвенный ритуал в текстах пирамиды Унаса // Древний Египет: язык – культура – сознание. М.: Присцельс, 1999. С. 189, 196.

³⁶ Там же. С. 207.

штабах встречается в погребениях их бесписьменных близких и далеких соседей; это может пролить свет на назначение вещей в обрядах последних.

Среди египетских алтарей существовали такие, которые по существующим мнениям первоначально не были собственно алтарями. Они имели форму тарелки на высокой подставке и служили столиками, на которые клали различные приношения (они напоминают плоские сосуды на ножках из Тепе Гиссара). Судя по имеющимся образцам, в Египте алтари делали из глины, камня и дерева³⁷. Исследователи обращают внимание на то, что на изображениях столов с пищей и с другими приношениями на всем протяжении истории Египта находились и пучки цветущего тростника, символизовавшего страну богов. О влиянии Египта в Сирии можно судить по изображениям на печатях так называемого первого сирийского стиля, о чем писал выдающийся археолог и историк искусства Передней Азии Г. Фрэнкфорт³⁸. Среди них, в том числе старовавилонских, как и на стенописях дворца в Мари, встречаются обезьяны, в происхождении образов которых невозможно усомниться. Вторжение гиксосов усилило египетское влияние на Сирию, где оно стало ведущим, вытеснив вавилонские мотивы. Отмечая большую роль образа дерева и его столбообразного символа в сирийских и палестинских обрядах, Г. Франкфорт сравнивал их с египетским колоннообразным символом «джед».

Признаки знакомства обитателей территории БМАК и их близких соседей на севере Ирана с египетскими реалиями красноречиво многочисленны. П. Амье обратил внимание (помимо ручек зеркал египетского облика) на изображения на печатях крылатого диска – египетского

³⁷ Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne. T. II. Les grandes époques. L'architecture funéraire. P., 1954. P. 523–524.

³⁸ Frankfort H. Cylinder Seals. A Documentary Essay on the Art and Religion of Ancient Near East. P. 253, 255, 259.

мотива, пришедшего в Сирию не позднее XVIII в. до н. э.³⁹ Р. Гиршман считал, что найденные на Тепе Гиссаре и Тюренг Тепе золотые и серебряные горны (подобные им найдены в погребениях Гонур Депе) – аналоги тем, которые применялись в Египте для управления колесницами⁴⁰. Колесницы, скорее всего, появились в Египте одновременно с гиксосами.

После открытий на Гонуре количество аналогий вещам БМАК в культуре Египта увеличилось: среди них не только горны, но и составные фигурки соколов с простертыми крыльями из «царского» погребения № 3200, и каменная фигурка бегемота⁴¹. Недалеко от одной из стен на юге центральной части Гонура вне определенного контекста найден предмет из алебаstra в виде треугольника вершиной вниз с вогнутой верхней поверхностью и цилиндрической ножкой, явно для укрепления его в какой-то поверхности. Его приблизительные размеры (длина, высота, толщина – 17, 7, 3 см). О нем мне любезно сообщила Н. А. Дубова. Точно такой же предмет найден в Сузах и опубликован как не имеющий определенного назначения⁴². Аналогии им П. Амье обнаружил в Азербайджане, Бампуре и Анатолии. Подобного вида вещи египтяне использовали как подголовники (за консультацию приношу благодарность египтологу А. А. Петровой).

К числу таинственных вещей принадлежат так называемые модели лесенок – небольшие медно-бронзовые полоски с одним или несколькими отверстиями. Такие предметы были найдены в погребении № 2900 и «погре-

³⁹ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 190, 195, 198.

⁴⁰ Гиршман Р. Иран и миграции индоарийцев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.: Наука, 1981. С. 142.

⁴¹ Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Сокровища древней Маргианы. Ашхабад, 2013. С. 104.

⁴² Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 127, fig. 69.

бении воина» № 2380. Эти вещи обычно интерпретируют как «отмечающие воинское положение мужчины», хотя есть случаи обнаружения и рядом с женским костяком⁴³. Находят их и в захоронениях баранов – предполагаемых ритуальных заместителей людей⁴⁴. Н. А. Дубова отмечала шесть случаев обнаружения этих вещей, в одном случае «лесенка» была завернута в льняную ткань⁴⁵. Иногда их называют «погонами», а отверстия, которых бывает от одного до трех – «просветами». В культовом захоронении животных, по предположению авторов раскопок, они указывают «на достаточно высокий военный ранг захороненных здесь баранов»; полагают, что они могли быть связаны с «культом фравашей»⁴⁶.

Не претендуя на окончательное решение проблемы назначения «лесенок», я рискую сделать еще одно предположение. У египтян существовало представление о лестнице как части посмертного пути умершего. Она фигурирует в Книге мертвых (в частности, в главе ХСVIII). В издании ее перевода Э. А. У. Баджа (именно оно оказалось в моем распоряжении; хотя известно о признании его устаревшим, но меня в первую очередь интересовали виньетки) приводится виньетка в виде лестницы со многими ступеньками⁴⁷. Следует к этому добавить упоминание других реалий, возможно, указывающих на знакомство кого-то из обитателей Гонура с религией египтян.

П. Амье упоминает металлические и каменные подвески в виде орлов с простертыми крыльями и сложенными

⁴³ Сарияниди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С.190.

⁴⁴ Дубова Н. А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9). С. 53, 54.

⁴⁵ Дубова Н. А. Погребения знатных воинов на Гонур Депе (Туркменистан). С. 48, 49, 52, 55.

⁴⁶ Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур Депе (Раскоп 16). С. 49.

⁴⁷ Бадж, Эрнест Альфред Уоллис. Египетская книга мертвых. С. 321.

на животе лапами из разных мест; он считает их подобными изделиям из Бактрии⁴⁸. Каменные подвески этого же типа, найденные в Эбле, он считал импортами из Бактрии, поскольку они являются специфической бактрийской чертой⁴⁹. Уже после публикации его книги на Гонуре в погребении № 3200 найдены составные фигурки «орлов», скорее соколов⁵⁰. Эти птицы, судя по наблюдениям авторов раскопок, возможно, были снабжены фаллосами, что было воплощено при реконструкции фигурок реставраторами. Изображения одного из важнейших египетских богов Хора известны в разных вариантах, в том числе в виде сокола с фаллосом. (Благодарю О. И. Зубову, указавшую мне это изображение). Изображение пары соколов на подвеске в погребении № 3280⁵¹ – еще одно свидетельство бытования этого образа в БМАК.

Примечательна помимо вышеупомянутого предполагаемого подголовника фигурка бегемота, не имеющая аналогий среди находок на Гонуре⁵². Известно, что эти животные водились в Ниле; и где еще «гонурцы» могли видеть их, сказать не представляется возможным.

О связях с Египтом свидетельствуют и целые могильные комплексы: погребение № 2900 обладает несомненными признаками сходства с гиксосскими погребениями в Аварисе. На Гонуре и в Египте – это цисты с сопровождающими погребениями женщин и подхороненными животными⁵³.

Приводя сведения о связях между населением Египта, Западной Азии и далее к востоку, следует обратить вни-

⁴⁸ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 147.

⁴⁹ Ibid. P. 198–199, 202.

⁵⁰ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 162, рис. 9.

⁵¹ Дубова Н. А. Погребения знатных воинов на Гонур Деппе (Туркменистан). С. 48.

⁵² Сарианиди В. И., Дубова Н. А. Сокровища древней Маргианы. Ашхабад, 2013. С. 104.

⁵³ Дубова Н. А. Типы погребений Гонур Деппе (Туркменистан). С. 338.

мание на систематичность этих взаимодействий. В результате вырисовывается тенденция, позволяющая признать существование контактов между областями, которые могут казаться отдаленными современным исследователям. Археологические данные дают основание разрушить это устоявшееся мнение, скорее даже предрассудок, хотя отсутствие письменных документов может вызвать сомнения у историков. Тем не менее, о существовании контактов говорит множество археологических материалов на путях, пользование которыми относится ко времени городской революции в Месопотамии⁵⁴. Тогда, если не раньше, установился «лазуритовый путь», по которому ценившийся на Востоке минерал достигал Египта. Более ранние данные относятся еще к неолиту – это признаки существования совокупности больших и малых дорог, по которым распространялось производящее хозяйство. С формированием первых цивилизаций и становлением регулярной торговли по ним транспортировали металлы, минералы, произведения высокоразвитого ремесла, технические достижения и т. д.

Признаки колонок – их форма, особенности оформления, использование в ритуалах жертвоприношений и конкретно возлияний – сближают их как с египетскими алтарями и ритуальными подставками, так и с анатолийскими ритуальными вещами, изображавшимися на печатях и встречающимися в виде керамических изделий. Как уже говорилось, их сравнивали с египетским символом и ритуальным предметом «джед». Однако возможность генетической связи каменных посохов с египетским жезлом «уас», как будто, еще не предполагали.

Посохи встречаются в погребениях и ритуальных захоронениях («котлованах») на Гонуре. Хотя их находят вместе с колонками, сферы применения этих вещей не вполне совпадают. Вряд ли есть основания сомневаться, что колонки – своего рода алтари, которые использова-

⁵⁴ Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. С. 127.

лись в ритуалах, отправлявшихся в помещениях и в погребениях. В то время как они имеют сходство и, возможно, генетическую связь с египетскими алтарями и символом «джед», посохи, по нашему предположению, обнаруживают сходство с традиционным египетским посохом «уас». То, что две безусловно значимые вещи появляются одновременно и сосуществуют в памятниках БМАК, подкрепляет предположение об их общем генезисе.

Не будучи египтологом, автор этой работы ограничивается сводкой данных о происхождении посохов «уас», содержащейся в относительно недавних исследованиях. Я благодарна А. А. Петровой, указавшей эти важные для моей работы публикации.

«Уас» – один из наиболее распространенных и важных ритуальных предметов в культуре Египта, а также Нубии: подобные посохи бытовали у нило-сахарских пастухов (крюкообразные завершения – функционально обусловленная часть посохов при пастьбе мелкого скота у разных народов). Бытует предположение, что крюкообразный верх «уаса» передает голову священного животного Сета. В древнем Египте – это прямой или слегка изогнутый посох не только с крюкообразным завершением, но и вилообразным основанием. Происхождение самого посоха, как и передающего его знака, далеко от ясности. Гнездо его значений связано с понятием «власть». На письме он часто сочетается со знаком «джед», означющим «вечность», «устойчивость», «сила». Три символа – «уас», «джед» и «анх» («жизнь») фигурируют в обрядах возлияния воды фараоном («возлияние жизни»); смысл – очищение и приобщение («крещение»)⁵⁵. Эти символы – опоры неба.

⁵⁵ Gordon A. H., Schwabe C. W. The Egyptian Was-Scepter and its Modern Analogues: Uses as Symbols of Divine Power or Authority // Journal of the American Research Center in Egypt, No. 32, 1995. P. 185; Lobban R. Solution to the Mystery of the was Scepter of Ancient Egypt and Nubia // KMT. A Modern Journal of Ancient Egypt. Vol. 10, No. 3, Fall 1999. P. 69–74.

Авторы цитируемых статей полагают, что первоначально уас изготавливался из искусно препарированного бычьего фаллоса длиной около 1 м. Его основание, освобожденное от мышц и сосудов, имеет ту же раздвоенную форму, что основание жезла. Египтяне в процессе жертвенных расчленений быков ознакомились с анатомией, а благодаря бальзамированию человеческих останков могли сопоставить анатомию и физиологию мужских особей животных и людей. Знак «уас» стал одним из ранних результатов осмысления мужского начала в репродуктивном процессе.

Любопытно предположение, что комбинация знака жизни «анх» и «джеда» восходит к передаче формы частей бычьего позвоночника: «анх» – грудной части, «джед» – крестца. Спинной мозг считался главным источником семени. Таким образом «уас» – часть мужской генеративной системы⁵⁶.

Ассоциации между фараоном и быком, фараоном и божествами, богами и образом быка хорошо известны и изучены в египтологии. Один из примеров – эпитет Амона-Ра: «Бык, сильный рукой»; могучим быком назывался фараон. «Бык» обозначался сочетанием двух знаков – две поднятые руки и фаллос⁵⁷.

С жезлом «уас» изображались многие боги (согласно Р. Лоббану, около 20), относительно редко – богини⁵⁸. Примечательна связь с быком Сета, считавшегося одной из опор неба. Он – божество погоды; гром – рев Сета. Бык везде на Ближнем Востоке считался животным бога грома, погоды. Симптоматично упоминание в Тексте пирамид поры XVIII династии уаса, сделанного из кремня, «приносящего ветры»⁵⁹.

⁵⁶ Lobban R. Solution to the Mystery of the was Scepter of Ancient Egypt and Nubia. P. 187.

⁵⁷ Ibid. P. 71.

⁵⁸ Ibid. P. 77.

⁵⁹ Gordon A. H., Schwabe C. W. The Egyptian Was-Scepter and its Modern Analogues: Uses as Symbols of Divine Power or Authority. P. 189–190.

Начиная с Первого переходного периода жезлы «уас» из дерева помещали в погребения фараонов, их детей обоего пола, жрецов. Как это случилось и с почитанием Осириса, круг лиц, причастных к культу этого одного из важнейших богов, ритуальное использование «уаса» стало со временем более широким. В эпоху Нового царства такой жезл изображался в руках слуг, несущих вещи для погребения. Они становятся элементом погребального культа особенно в позднее время⁶⁰.

Исследователи посохов БМАК полагали, что их скошенный нижний конец передает конское или бычье копыто⁶¹, а В. И. Сарияниди – что только конское копыто. М. Поттье считала возможным сравнивать каменные посохи с ваджрой, булавой с головой быка. Бык в древнеиранской и индийской традициях был связан с Митрой и Индрой. Ваджра ассоциируется с образами творения и плодородия, твердостью, мужской силой, камнем. Против сближения М. Поттье культуры индоиранцев и БМАК возражал П. Амье⁶².

Предвидим возражения: раздвоенная нижняя часть уаса отличается от скошенного (редко – копытообразного) завершения посохов БМАК. Но можно ли ожидать точного имитирования деталей вещей, существовавших у носителей разных культур, бытовавших на отдаленных расстояниях? Пытаясь представить себе отношения носителей культуры БМАК (и близких ей) и египтян, скорее можно предположить, что, познакомившись с реалиями Египта (а это так или иначе могло иметь место хотя бы в процессе обмена ценными для обеих сторон вещами и материалами), нуждающиеся в новых идеях обитатели юга Туркменистана и Афганистана должны были осмысливать воспри-

⁶⁰ Ibid. P. 191.

⁶¹ Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'Âge du Bronze. P. 70–72.

⁶² Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 203.

нимаемое. При этом они неизбежно должны были вносить особые черты, приспособлявая вещи к привычным для себя формам и, вероятно, упрощая их. Так вместо раздвоенного завершения «уаса» мог появиться скошенный конец посохов. Однако сходство с бычьим копытом оставляет его в пределах одного с «уасами» семантического поля, принадлежности к образу быка.

Есть материальные признаки, позволяющие предполагать, что носители БМАК и близких им культур почитали мифическое существо в образе быка. На Тоголоке 21 найдена головка быка из белого мраморизованного минерала: его шея заглажена и имеет три отверстия для крепления; рога отсутствуют: они были из другого материала. Предположительно головка представляла навершие предмета вроде булавы. В. И. Сарианиди отметил высокий уровень исполнения этой вещи. Он рассматривал как близкую ей золотую головку быка, найденную в погребении на Алтын-депе⁶³, где были найдены колонка и жезл. Изображения итифалличного быка в окружении змей известны на маргианских печатях (№ 1638.4, 1640.1)⁶⁴.

Характерная особенность колонок, прослеживаемая на больших сериях образцов из Тепе Гиссара и Маргианы – наличие желобков на горизонтальных поверхностях и стенке (на образце из Гиссара эта асимметрия, «двусоставность» подчеркивается и накладным узором). Как бы ни применяли колонки, желобки на них наносили всегда. Они были даже на глиняной колонке (возможно, принадлежавшей бедняку) на Гонуре. Вероятно, это деление на две части было немаловажной частью значения ритуальной вещи.

Изготовление колонок из камня можно рассматривать как следствие его места в образе мира. Камню не

⁶³ Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. С. 140.

⁶⁴ Там же. С. 68; Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets.

могли не придавать особого значения из-за его твердости, прочности, вечности. Это же символизировал и египетский «джд». Материал посохов – тоже камень. По всей вероятности, посохи были принадлежностью лидеров разного ранга. Не удивительно, что в то время, когда условия жизни изменялись в худшую сторону (вспомним ксеротермический максимум), в ритуалах должны были появиться вещи из камня – знака прочности и устойчивости. Вероятно, считалось важным и то, что обработка камня требовала больших усилий, их создание было «трудозатратным». Труд – жертва, лежащая в основе любых отношений с внешним миром, с богами, с высокопоставленными членами социума: чем более его вложено – тем ценнее дар. Это присуще деятельности людей всех времен. Показательно применение камня в интересующем нас регионе и за его пределами для изготовления сосудов – ритуальных и престижных, статусных.

В то же время пятнистость или полосатость камня, его пестрота – один из распространенных способов выражения всеобщности – свойства всего мира⁶⁵. Пестрота камня колонок возвращает нас к их двойной структуре, а число 2 лежит в основе мифопоэтических и ранненаучных описаний мира с противопоставлениями и единством мужского и женского, неба, земли и т. д.⁶⁶

Уделив столько внимания семантике колонок, следует обратиться к назначению посохов. Не имея однозначных указаний на их значение, есть основания полагать, что они были знаками статуса предводителей семейно-родовых коллективов. Помещение их в погребениях социально выдвинутых людей вне камер с останками, как и в «котлованах»,

⁶⁵ Антонова Е. В., Колганова Г. Ю. К реконструкции символики цветных минералов и цвета в культуре древнего Востока // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б. А. Литвинского. М., 2013. С. 106–108.

⁶⁶ Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия, Т. 2. М., 1982. С. 361.

могло символизировать присутствие их самих или глав родственных коллективов в церемониях. На особые (волшебные) свойства посохов (жезлов) предводителей еврейского народа многократно указывают библейские тексты. Удары посоха по скале вызывают истечение из нее воды для жаждущего народа⁶⁷, простираение посоха вызывает «египетские казни» – превращение воды в кровь, нашествие жаб, саранчи и т. д., град и молнии⁶⁸. Посох (жезл) – знак власти и орудие защиты своего народа.

⁶⁷ Исх 16:6, 17:6; Числ 20:6,8–10–11; «Посохами, жезлами своими» копают колодезь, чтобы получить воду (Числ 21:17).

⁶⁸ Исх 7, 8, 9, 10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце этого сочинения целесообразно остановиться на некоторых проблемах в основном общего характера и подведении итогов работы. Она состоит из отдельных очерков разного объема и возможной для автора глубокой осмысления. Очевидно, что понимание жизни людей бесписьменных сообществ далекого прошлого на основании одних археологических данных может представлять лишь сочетание более или менее обоснованных гипотез. Помимо собственно археологического материала привлекаются сравнительно-исторические данные.

Ограничения интерпретациям ставит характер известного к настоящему времени материала и отсутствие собственных письменных текстов БМАК. Перед исследователем культуры дописьменной древности Востока стоит жесткое ограничение: не пытаться «вычитать» из материала то, что в нем заведомо не содержится, как рекомендовал В. М. Массон¹. Однако критерии того, что явно содержится в материале, а что из него может быть извлечено путем неких исследовательских процедур, не всегда предстают как однозначные. Определение этого остается на «научной совести» исследователя. Самая сдержанная позиция – это опора на безусловно достоверные данные, но вряд ли удастся найти человека, который сможет отказаться от выдвижения гипотез, которые окажутся малообоснованными: велико подспудное стремление создать целостную систему.

По степени информативности для интересующих нас реконструкций на одно из первых мест могут быть поставлены «царские» захоронения или, по более осторожному

¹ Массон В. М. Культурогенез и этногенез Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 1. Общие проблемы. М., 1990. С. 51.

определению, погребения «знатных аристократов». Описание их содержится в соответствующем разделе работы. Здесь для удобства пользования текстом читателями приводятся некоторые отсылки к работам исследователей-археологов.

Многокомнатные гробницы имеют в общем сходную конструкцию. В них, помимо камер с останками и приношениями, есть «двор». Они различаются деталями, что не позволяет говорить о существовании устоявшегося «стандарта». Во «дворе» в ряде случаев помещали повозку, которую вероятно хотели представить как влекомую верблюдами². Нельзя исключать возможности бытования представлений о местонахождении Мира мертвых где-то далеко, куда было нелегко добираться. Здесь же находят останки насильственно умерщвленных людей, которые, по всей вероятности, предназначались сопровождать основных погребенных. Во дворах же обнаружены «миниатюрные колонки» (по мнению автора, алтари). Кроме того, обычны каменные посохи, которые, как можно предположить, были принадлежностью глав семей и/или родов. Во дворах находят следы ритуалов – признаки разведения костров, остатков трапезы, вместилища для пищевых продуктов.

Несомненно, «царские» погребения сопровождались возжением одного или нескольких огней; в одном случае (погр. № 3235) около него были воздвигнуты 4 «алтаря»³. Внутренние помещения не были замурованы наглухо, в них могли входить для совершения новых захоронений, размещения даров и отправления обрядов. Можно полагать, что

² Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура. С. 265, 271–274; Дубова Н. А. Типы погребений Гонур Деле (Туркменистан) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник статей памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 238; Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 186.

³ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 181–185.

обряды в погребениях совершали периодически: сохранились очаги для приготовления пищи. Почитание предков – один из самых важных в череде традиционных ритуалов жизни народов, как древних, так и современных. Престиж похороненных в «царских» могилах был скорее всего различным, что определялось, очевидно, местом семьи/рода и личности умершего в жизни сообщества. Особым признаком обладало погребение, которое окружено кольцевой оградкой (№ 3220). Быть может, здесь были погребены члены семьи/рода особого статуса. На то, что участники погребальных обрядов и последующих поминальных действий были многочисленными, указывают находки больших сосудов для напитков или масла, а также огромного бронзового котла в одном из «котлованов», № 3900⁴.

Согласно наблюдению В. И. Сарияниди, почти во всех «царских» погребениях⁵ находились так называемые «дарохранительницы» – «лари» или «короба» с орнаментами, украшавшими их поверхности. Они обычно разрушены, но удалось определить размер такого вместилища из погребения № 3220 – 100×75×60 см⁶. Остается неизвестным, что в них находилось, но можно думать, ценимые вещи.

Примечательно, что исследователи Алтын-депе помимо ритуальных антропоморфных статуэток упоминают «культовые коробочки». В верхнем слое этого поселения ими, да еще антропоморфными статуэтками исчерпываются разновидности ритуальных вещей⁷. Эти «коробочки» называют также «реликвариями»⁸. Они украшены прорезными или углубленными крестообразными фигурами, ступенчатыми

⁴ Дубова Н. А. Погребения животных в стране Маргуш. С. 113–115; Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура... С. 144–159.

⁵ Сарияниди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 170.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Березкин Ю. Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии... С. 133.

⁸ Кирчо Л. Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации... С. 159.

треугольниками и ромбами со следами красной, черной, беловатой краски. Эти вещи появляются в конце позднего энеолита, затем существуют в эпоху бронзы. Полагают, что это не бытовые вещи, а вместилища для ценных предметов. В стене предполагаемого святилища и домов обнаружены прорезные «окна»: не исключают, что «реликварии» – это модели украшенных таким образом домов. О генетической связи анауской культуры и БМАК автору данной работы пришлось говорить неоднократно. Но есть в погребениях Гонура и свидетельства новых явлений.

Примечательна находка в одном из «царских» погребений искусно изготовленной ажурной золотой фигурки с прикрепленными растительными элементами⁹. Вряд ли этот образ был заимствован носителями БМАК у отдаленных соседей. Скорее они унаследовали его от анауских времен, хотя форма фигурки и материал не были совершенно традиционными. В погребениях БМАК встречаются глиняные антропоморфные фигурки, как и более ценные составные каменные. Необычная фигурка из золота – указание на высокий статус погребенного, признак нового состояния общества, роста в нем материальных богатств верхнего социального слоя. О том же свидетельствуют многочисленные дорогие сосуды в «тайниках»¹⁰.

Такие вещи, как «дарохранилищницы» и каменные посохи, как кажется, принадлежат кругу вещественных знаков, обрядов и представлений семейно-родовых сообществ. Они – предполагаемые принадлежности родовых предводителей, но в погребениях с таким и еще более богатым инвентарем – свидетельства существования не царской власти, а сохранения старых традиций обществами, претерпевшими перемены и имевшими собственную элиту. Общества БМАК сложились в результате кардинальных

⁹ Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура. С. 272.

¹⁰ Сарияниди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 173, 183–186.

изменений поры «ксеротермического потрясения», когда насущной стала необходимость заселять и осваивать новые земли. Это и время усиления связей с людьми из отдаленных социальных образований в обстановке усиления торговых и других контактов. Вероятно, в долину Мургаба пришли не только те, кто был вынужден покинуть подгорную полосу Копет Дага, но и переселенцы, быть может, связанные с торговлей на далекие расстояния. Показательно множество предметов чужеземного происхождения и обнаружение в одном из элитарных погребений (№ 3880) счетных камешков – «калькулей»¹¹.

Время существования БМАК совпало с распространением на территории Анатолии и Сирии торговых поселений староассирийского периода – карумов. Их поселенцы стремились приблизиться к источникам столь необходимых для обитателей Месопотамии видов сырья, которого они были лишены в своей долине. Сведения об их жизни зафиксированы не только «немыми» вещами, но и клинописными текстами. О богатстве территории БМАК различными минералами, металлами и другими произведениями природы вплоть до тюльпанов, писал А.-П. Франкфор¹². Он считал изобилие этого региона уникальным и несравнимым с тем, которым обладали другие области Востока. Однако возможность существования здесь чужеземных торговых колоний он отрицал, поскольку считал разнообразие чужеземных свидетельств результатом сложения здесь предполагаемого собственного мощного образования – «царства Мархаши».

Тем не менее о поселениях типа карумов на территории БМАК писал П. Амье¹³, и не только он. Регулярность торговли оловом на Востоке в конце III – начале II тыс.

¹¹ Дубова Н. А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9). С. 52–53; Сарианиди В. И., Дубова Н. А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура... С. 159, 162.

¹² Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus.

¹³ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 184, 200.

до н. э. отмечала Б. Лионне¹⁴. Долгое время источники этого важного стратегического металла, составной части бронзового сплава, искали на далеком западе вплоть до Британии. Не так давно выяснилось, что месторождения оловянных руд разрабатывались в Афганистане и на территории бывшей советской Средней Азии (в частности, в долине Зеравшана). Б. Лионне сравнила поселения БМАК с каппадокийскими карумами, хотя ни в Гонур Депе, ни в других поселениях не обнаружены такие важные свидетельства, как клинописные таблички. Б. Лионне предположила существование связи многих «своеобразных» черт БМАК с торговлей оловом¹⁵.

Однако предложена и другая, более общая причина своеобразия этого культурного образования. Л. Б. Кирчо писала: «Маргиана в конце III – начале II тысячелетия до н. э. являлась важным торгово-обменным центром на территории Средней Азии»¹⁶.

Остается открытым вопрос происхождения «дворцового» комплекса Гонур Депе, его недолгого существования и планировки. Нет оснований полагать, что эта планировка была местной. Остается допустить, что она была принесенной, скорее всего пришельцами. Процветание Бактрии П. Амье относил ко времени I Вавилонской династии и аморейских царств. Не возник ли «дворец» Гонура в XVII в. до н. э., в то время, когда Зимрилим из Мари устанавливал связи с эламскими правителями¹⁷, и отголосок этих контактов мог достигать Маргианы? По мнению Н. А. Дубовой, «дворец» – одна из самых ранних построек; она датируется 2300–2250 гг. до н. э.

¹⁴ Lyonnet B. Another Possible Interpretation of the Bactro-Margiana Culture (BMAC) of Central Asia: The Tin Trade. P. 191–200.

¹⁵ Ibid. P. 197.

¹⁶ Кирчо Л. Б. К вопросу об экономической основе маргианской цивилизации. С. 39.

¹⁷ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 199.

Особая проблема связана с существованием подневольных людей. Вероятно, именно их умерщвляли при захоронениях социально выдвинутых лиц и во время празднеств, когда сооружали «котлованы». Каково могло быть происхождение этих людей? Ответ на этот вопрос имеет значение для выяснения общественных отношений у носителей БМАК и прояснения вопроса о возможности бытования рабства.

На то, что военные действия существовали, указывают находки оружия в захоронениях, названных Н. А. Дубовой «погребениями знатных воинов»¹⁸. В них – наконечники копий, наверхия жезлов (в том числе в виде головы лошади), колюще-рубящие клинки (называемые археологами Гонура «гарпунами»), наконечники стрел – кремневые, но есть и костяные, а также (редкий случай) бронзовые. В захоронениях баранов (ритуальных заместителей людей¹⁹) также встречаются предметы вооружения.

В «царских» погребениях Гонура найдены так называемые «сигнальные трубы» (погребения № 3200, 3210, 3310)²⁰. Это металлические изделия, приспособленные для извлечения звуков. Они найдены и в Тепе Гиссар²¹. В Гонуре эти трубы обнаружены в погребениях социально выдвинутых лиц («царских»), что в какой-то мере может компенсировать понимание почти полного отсутствия в них предметов вооружения. Одно из мнений об их назначении – подача команд при тренинге лошадей²². Это вызывает сомнения: использование лошадей «под верх» или в упряжи в тяжелых повозках в Гонуре представляется маловероятным.

Здесь еще раз хочется вспомнить, что археологи нередко создают заключения, выстраивая цепочки предпо-

¹⁸ Дубова Н. А. Погребения знатных воинов на Гонур Депе (Туркменистан).

¹⁹ Антонова Е. В. К интерпретации погребений баранов в БМАК. С. 191–203.

²⁰ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С. 160, 167–168.

²¹ Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. P. 210.

²² Гиршман Р. Иран и миграции индоарийцев и иранцев. С. 140–144.

ложений, подобно криминалистам. Какие-то из них укладываются в систему доказательств, другие приходится отвергать. Рискую предположить, что обитателям Маргианы (и, скорее всего, носителям БМАК вообще) приходилось воевать, защищать стены своих поселений, а также нападать на соседей, подавая при необходимости сигналы при помощи труб. Тогда и представлялись возможности захватывать пленных, которых обращали в рабов.

К числу особого прижизненного положения умерших в погребениях типа «царских» могут быть отнесены каменные посохи – предполагаемые знаки семейно-родовых предводителей, и колонки, а также специальные ящики – вместилища для каких-то ценимых вещей, но находимые всегда пустыми. Напомним, что эти «дарохранительницы» найдены практически во всех «царских» погребениях²³.

Представляется примечательным, что в «царских» погребениях, кроме немногочисленных наконечников стрел, нет предметов вооружения и каких-то признаков их социального положения, указывающих на отношение к военным действиям. Зато есть многочисленные вещи, предполагающие их отношение к контактам на далекие расстояния (обилие вещей чужеземного происхождения или сделанных под их влиянием) и непосредственно к торговле.

Большое внимание интерпретации общественного устройства носителей «цивилизации Окса» уделил А.-П. Франкфор²⁴. Задавшись вопросом, была ли она «царством» или даже «империей», он заметил, что отождествление археологической культуры или цивилизации с политическим образованием неправомерно. Тем не менее значительная площадь, большое число поселений, длительность существования, сложность и разработанность комплекса материальной культуры, развитость искусства, настоящий дворец на поселении (скорее всего, городе) в оазисе

²³ Сарианиди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре. С.170.

²⁴ Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus. P. 156.

Гонура – все это позволяет считать ее цивилизацией даже при отсутствии письменности. По его мнению, то же можно заключить о хараппской культуре, часто именуемой цивилизацией. Между тем в последней существовал такой важный признак уровня информационной сложности, как письменность. К сожалению, это их создание до сих пор в полной мере не понято исследователями.

По мнению А.-П. Франкфора, структура власти в Центральной Азии 2300–1700 (или 2400–1600) гг. до н. э. была похожа на одновременную ей эламскую. Основания для этого заключения – одежды («юбки на кринолине» изображений цариц и богинь), церемониальные топоры и другие инсигнии.

Немалые трудности вызывает реконструкция образа правителя. На сосудах из так называемого Фуллолского клада с изображениями сцен пахоты, пиршества и возвращения с охоты фигура правителя не отличается явными признаками социальной выделенности. Происхождение клада столь же туманно, как Астрабадского из долины Гор-гана. Вещи вырваны из контекста и вряд ли могут служить полноценным историческим источником.

А.-П. Франкфор воспринимает²⁵ цивилизацию Окса как обширное однородное образование, которое можно отождествить со страной Мархаши, упоминающейся в клинописных текстах, датированных 2300–1750 гг. до н. э. (периоды аккадский, III династии Ура и Исины-Ларсы). А.-П. Франкфор напомнил, что выражение «культура Мархаши» применял П. Амье. Он писал о хлоритовом сосуде для благовоний с посвятельной надписью царя Аккада Римуша. В ней говорится о победах Римуша в Эламе и Барахши (Марахши), расположенной, как считает наряду с другими исследователями П. Амье, по-видимому, за Эламом²⁶.

²⁵ Ibid.

²⁶ Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P. 138.

А.-П. Франкфор признает, что решающим аргументом в пользу предположения, что Мархаши было царством, могут быть только собственные письменные свидетельства, найденные при раскопках, в частности, Гонур Депе. Однако пока этого открытия поистине эпохального значения не произошло, исследователи вынуждены предлагать другие гипотезы, объясняющие феномен БМАК.

П. Амье писал о трансэламской цивилизации (поселения Тепе Яхья, Шахдад), обращаясь к печатям второй половины III тыс. до н. э. с изображениями на них божеств пантеона. Этот пантеон «предстает менее богатым и менее разнообразным, а значит и менее разработанным, чем месопотамский пантеон, где боги персонифицировали взаимодополняющие друг друга космические элементы. Этот более простой пантеон скорее всего соответствует слабой политической системе, включающей в себя разные этнические образования или племена, каждое из которых имело, должно быть, своего собственного божественного покровителя, в эту эпоху – обычно женское божество»²⁷. Аналогии изображениям на этих печатях обнаруживаем на немногочисленных цилиндрах Гонур Депе²⁸.

Использование социумом письменности, как и ее отсутствие – важный признак. Создание мнемонических знаков для памяти становится необходимым, когда «все нарастающий объем хозяйственных дел стал обозримым и мог регулироваться»²⁹. Признаков письменности на Гонур Депе не обнаружено. Здесь пользовались более ранними знаками учета, так называемыми калькулями³⁰. Их применяли в Сузах, на Тепе Гиссаре и на Гонуре. Вероятно, потребность в письменности еще не возникла, людей устраивала устная передача информации.

²⁷ Амье П. Богини и царицы Элама // ВДИ, № 1, 1997. С. 100.

²⁸ Крюкова В. Ю. О гонурских тюльпанах.

²⁹ Фалькенштейн, 1976, примеч. И. М. Дьяконова на с. 567

³⁰ Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. С. 194–196.

ЛИТЕРАТУРА

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ – Вестник древней истории
ИИМК – Институт истории материальной культуры
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
СА – Советская археология
МАИКЦА – Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

1. Аванесова Н. А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии / Отв. ред. Аскарлов А. Самарканд: Изд. Международного института исследований Центральной Азии, 2013. 640 с.

2. Аванесова Н. А. Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди / Труды Маргианской археологической экспедиции, Т.3, СПб.: Алетейя, 2010. С. 334–364.

3. Аванесова Н. А. Новые работы на некрополе Бустон 6 // Археологические работы в Узбекистане. Вып. 6, 2003.

4. Авилова Л. И. Металлические изделия Ближнего Востока: историко-культурный контекст (энеолит – средний бронзовый век) // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б. А. Литвинского. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 30–65.

5. Алексин В. А. Могила знатного горожанина на Алтын-депе // Успехи среднеазиатской археологии, Вып. 4. Л., 1979. С. 81.

6. Амье П. Богини и царицы Элама // ВДИ, № 1, 1997. С. 97–103.

7. Антонова Е. В. «Змея» и «орел» в глиптике «цивилизации Окса» // ВДИ, № 2, 2000. С. 46–52.

8. Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977. 152 с.

9. Антонова Е. В. Антропоморфный персонаж на печатях Месопотамии и Ирана // ВДИ, № 2, 1991. С. 3–17.

10. Антонова Е. В. Бактрийско-Маргианский археологический комплекс: свидетельства взаимосвязей в западном направлении // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. Сборник статей к 90-летию и памяти Н. Я. Мерперта. М.: ИВ РАН. 2014. С. 311–320.
11. Антонова Е. В. Еще раз о культовых сосудах БМАК // У истоков цивилизации. Маргианская археологическая экспедиция. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2004.
12. Антонова Е. В. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры // СА, № 4, 1972. С. 7–18.
13. Антонова Е. В. К интерпретации вещественных источников: синхрония и диахрония // ВДИ, № 4, 2011. С. 8–28.
14. Антонова Е. В. К интерпретации жгутовидных мотивов на вещах Бактрийско-Маргианского Археологического Комплекса // ВДИ, № 1, 2005. С. 194–208.
15. Антонова Е. В. К интерпретации погребений баранов в БМАК // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2016. С. 191–203.
16. Антонова Е. В. К реконструкции образа бактриана в картине мира носителей Бактрийско-маргианского археологического комплекса // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник статей памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 341–348.
17. Антонова Е. В. Контакты Месопотамии с восточными землями в IV–III тысячелетиях до н. э. // Азия – диалог цивилизаций. СПб.: Гиперион, 1996. С. 195–240.
18. Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998.
19. Антонова Е. В. О геометрических фигурах анауской культуры и БМАК // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди / Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 3, СПб.: Алетей, 2010. С. 303–312.
20. Антонова Е. В. О символизации жилища // Текст Контекст Подтекст. Сб. к 80-летию М. Н. Погребовой. М., 2013. С. 34–57.
21. Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. 287 с.

22. Антонова Е. В. Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 5–21.

23. Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. 266 с.

24. Антонова Е. В., Колганова Г. Ю. К реконструкции символики цветных минералов и цвета в культуре древнего Востока // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б. А. Литвинского. М., 2013. С. 102–120.

25. Аруз Д. Образы сврхчувственного мира: бактрийско-маргианские печати в их связи с Ближнем Востоком и долиной Инда // ВДИ, № 2, 1998. С. 81–95.

26. Афанасьева В. К. (вступ. ст., пер., коммент.) От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. 496 с.

27. Афанасьева В. К. Шумерские этиологические мифы и идеология города-государства в Двуречье (к постановке вопроса) // Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н. э.). Ереван, 1973. С. 7–16.

28. Афанасьева В. К., Дьяконов И. М. (сост.) Когда Ану сотворил небо: Литература древней Месопотамии. М.: Алетей, 2000. 456 с.

29. Афанасьева В. К., Дьяконов И. М. (сост.) Я открою тебе сокровенное слово: Литература Вавилонии и Ассирии. М.: Худож. лит., 1981. 351 с.

30. Бадж, Эрнест Альфред Уоллис. Египетская книга мертвых. СПб.: Азбука, 2012. 523 с.

31. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. 188 с.

32. Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 63–68.

33. Башилов В. Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1992. 324 с.

34. Бендесу-Сармиенто Х. Археoантропологическое исследование материалов Улуг-Депе в Туркменистане // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб., 2010.

35. Березкин Ю. Е. «Город мастеров» на древневосточной периферии. Планировка поселения и социальная структура Алтын-депе в III тыс. до н. э. // ВДИ, № 3 (210). М.: Наука, 1994.

36. Березкин Ю. Е. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // ВДИ, № 2, 1997.

37. Большаков А. О. Рец. На кн.: Mostafa Maha M. F. Untersuchungen zu Opfertafeln im Alten Reich. Hildesheim, 1982 // Эпиграфика Востока. XXIII, 1985.

38. Бороффа Н. Кратко об участии Немецкого археологического Института в раскопках Гонур Деде весной 2010 г. // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур Деде в 2008–2011 гг. М., 2012.

39. Бутинов Н. А. Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира. Глоссарий // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука, 1967. С. 168–191.

40. Вавилов Н. И. Пять континентов / Отв. ред. Л. Е. Родин. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. 213 с.

41. Волчок Б. Я. Протоиндийские божества. Сообщение об исследовании протоиндийских текстов // Proto-Indica: 1972, Ч. 2. М., 1972. С. 246–304.

42. Вулли Л. Забытое царство. М.: Наука, 1986. 168 с.

43. Гиршман Р. Иран и миграции индоарийцев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М.: Наука, 1981. С. 140–144.

44. Грантовский Э. А. Иран и иранцы при Ахеменидах. Основные проблемы. Вопросы хронологии. М.: Восточная литература РАН, 1998. 343 с.

45. Дандамаев М. А. Роль тамкара в Вавилонии II и I тыс. до н. э. // Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н. э.). Ереван, 1973.

46. Доброхотов А. Ф. Частное животноводство. М.–Л., 1935.

47. Древняя Эбла (Раскопки в Сирии). Сост. и введение П. Маттиэ. М., 1985.

48. Дубова Н. А. Мастерская по производству сплавов на основе меди Северного Гонура (Западная часть Раскопа 9) // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т.2, М., 2008. С. 94–104.

49. Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М.: Старый сад, 2004. С. 254–281.

50. Дубова Н. А. Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. М., 2012. С. 101–139.

51. Дубова Н. А. Погребения знатных воинов на Гонур Депе (Туркменистан) // Теория и практика археологических исследований, Вып. 6, Барнаул, 2011. С. 47–58.

52. Дубова Н. А. Типы погребений Гонур Депе (Туркменистан) // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник статей памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 327–340.

53. Дьяконов И. М. Алародии II: Прародина европейцев: (по поводу книги Е. Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии?» // ВДИ, № 1, 1995. С. 123–130.

54. Дьяконов И. М. Значение Эблы для истории и языкознания // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии). Составление и введение П. Маттиэ. М., 1985. С. 318–350.

55. Дьяконов И. М. Люди города Ура. М, 1990. 429 с.

56. Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II–I тыс. до н. э. // Древний Восток. Города и торговля (III–I тыс. до н. э.). Ереван, 1973. С. 30–64.

57. Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. М: Восточная литература РАН, 1999. 240 с.

58. Жегин Л. Ф. Язык живописного произведения (Условность древнего искусства). М., 1970.

59. Зайцева Г. И., Дубова Н. А., Семенцов А. А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2, М., 2008. С. 166–179.

60. Иванов Вяч. Вс. 20 лет спустя о доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из Древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. Сб. статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди / ред. Косарев М. Ф., Кожин П. М., Дубова Н. А. М.: Старый сад, 2004. С. 26–41.

61. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XXвв.) // Народы Севера и Дальнего Востока. Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 81. М.–Л., 1963.

62. Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. с греч. Г. Г. Генкеля. СПб, 1900. Т. 1. 717 с.

63. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / Под ред. И. М. Дьяконова, Ч.1. М., 1983. 534 с.

64. Кирчо Л. Б. Древнейшие печати и их оттиски из Алтын-депе // СА, № 3, М.: Наука, 1990. С. 176–183.

65. Кирчо Л. Б. К вопросу об экономической основе маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарианиди. Труды Маргианской экспедиции. СПб., 2010. С. 38–42.

66. Кирчо Л. Б. Формирование древнейшей протогородской цивилизации бронзового века Средней Азии (по материалам Алтын-депе) // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарианиди. М.: Старый сад, 2004. С. 142–160.

67. Крюкова В. Ю. О гонурских тюльпанах // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур Деде в 2008–2011 гг. М.: Старый сад, 2012. С. 222–238.

68. Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.–СПб., 2008.

69. Кузьмина Е. Е. Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной бронзы (РЖВ) в работах Виктора Ивановича Сарианиди // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. СПб., 2010. С. 29–38.

70. Кутимов Ю. Г. Происхождение и пути распространения катакомбного обряда в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века) // Автореф. канд. дисс. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2009. 300 с.

71. Ламберг-Карловски К. К. Модели взаимодействия в III тыс. до н. э.: от Месопотамии до долины Инда // ВДИ, № 1, 1990. С. 3–21.

72. Левинтон Г. А. Священный брак // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. С. 422–423.

73. Литвинский Б. А. Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкономика и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 277–294.

74. Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Институт русского языка. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 60. М., 1974.
75. Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад: Культурный центр Посольства Исламской Республики Иран, 2003. 143 с.
76. Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М.: Наука, 1980. 260 с.
77. Масимов И. С. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовьев Мургаба // СА, № 2, М.: Наука, 1981. С. 141–150.
78. Массон В. М. Алтын-депе. Л.: Наука, 1981. 176 с.
79. Массон В. М. Восточные параллели убейдской культуры // КСИА, Вып. 91, 1962.
80. Массон В. М. Культурогенез и этногенез Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 1. Общие проблемы. М., 1990. С. 42–53.
81. Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989.
82. Массон В. М. Протобактрийский блок древневосточных цивилизаций (К выходу книги: Amiet P. L'Âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C.) // Информ. бюллетень МАИКЦА. Вып. 14. М., 1988.
83. Массон В. М. Средняя Азия и древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.
84. Массон В. М. Цивилизация древневосточного типа на юге Средней Азии // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1975. М., 1976. С. 431–448.
85. Массон В. М., Сарианиди В. И. О знаках на среднеазиатских статуэтках эпохи бронзы // ВДИ, № 1, 1969. С. 85–156.
86. Массон В. М., Сарианиди В. И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации // Культура народов Востока; материалы и исследования. М., 1973. 208 с.
87. Меллаарт Дж. Торговля и торговые пути между Северной Сирией и Анатолией (4000–1500 гг. до н. э.) // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии). Составление и введение П. Маттиэ. М., 1985. С. 20–33.

88. Неклюдов С. Ю. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество / Под ред. Ю. Я. Барабаша, Е. М. Мелетинского, Л. Нире, М. Саболичи. М.: Наука, 1977. С. 193–228.

89. Павлова О. И. Жертвенный ритуал в текстах пирамиды Унаса // Древний Египет: язык – культура – сознание. М.: Прицельс, 1999. С. 184–210.

90. Папахристу О. А. К реконструкции тиглей для плавки сплавов на основе меди из мастерской Гонур Депе (предварительное сообщение) // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 2, М., 2008. С. 196–225.

91. Пьянкова Л. Т. Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 19, 1994. С. 135–157.

92. Раевский Д. С., Кулланда С. В., Погребова М. Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М.: ИВ РАН, 2013. 274 с.

93. Распопова В. И. Вьючное седло в живописи Пенджикента VII в. // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 11. СПб., 2015. С. 125–138.

94. Сарияниди В. И. «Площади общественных трапез» в Маргиане // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб., 2010. С. 237–243.

95. Сарияниди В. И. Рец. на кн.: Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens. 3500–1700 avant J.-C. // Информационный бюллетень МАИКЦА. Вып. 14. М., 1988.

96. Сарияниди В. И. Библейский миф об агнце и погребальные обряды Бактрии и Маргианы // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции, Часть V, Кн. 1, Челябинск, 1995. С. 159–165.

97. Сарияниди В. И. Гонур Депе. Город царей и богов. Ашхабад: Turkmen döwlethabarlary, 2005. 327 с.

98. Сарияниди В. И. Два уникальных флакона из Бактрии // ВДИ, № 3, 1992. С. 81–89.

99. Сарияниди В. И. Дворец Северного Гонура // ВДИ, № 2, 2000. С. 248–259.

100. Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана // Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 / Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1977. 172 с.

101. Сарияниди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.
102. Сарияниди В. И. Зороастрийская проблема в свете новейших археологических открытий // ВДИ, № 2, 1989. С. 178–181.
103. Сарияниди В. И. Косметические флаконы из Бактрии // СА, № 1, М.: Наука, 1979. С. 255–261.
104. Сарияниди В. И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002. 360 с.
105. Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-Медия, 2001. 246 с.
106. Сарияниди В. И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // Свод археологических источников БЗ–8. М.: Наука, 1965. 54 с.
107. Сарияниди В. И. Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. М.: Старый сад, 2012. С. 11–28.
108. Сарияниди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля // СА, № 1, М.: Наука, 1976. С. 42–68.
109. Сарияниди В. И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема происхождения зороастризма // ВДИ, № 1, 1989. С. 152–169.
110. Сарияниди В. И. Сельский храм Тоголок 1 в Маргиане // ВДИ. № 2, 1990. С. 161–167.
111. Сарияниди В. И. Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // ВДИ, № 1, 1999. С. 53–74.
112. Сарияниди В. И. Страна Маргуш открывает свои тайны. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. Маргианская археологическая экспедиция. Сборник статей к 75-летию Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2004. С. 229–253.
113. Сарияниди В. И. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ, № 2, 2006. С. 155–192.
114. Сарияниди В. И., Бороффка Н. Г. О., Дубова Н. А. Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н. э. Новые данные по Гонур Депе (погребение № 4150) // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 5, 2014. Р. 127–137.
115. Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Археологические работы на юго-западном холме Гонур Депе (Раскоп 16) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2, М., 2008. С. 28–49.

116. Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Мозаика III тыс. до н. э. в Гонур Депе // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б. А. Литвинского. М., 2013. С. 379–413.

117. Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 3, СПб.: Алетей, 2010. С. 144–171.

118. Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2011–2013 // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 5. М., 2014. С. 92–111.

119. Сарияниди В. И., Дубова Н. А. Сокровища древней Маргианы. Ашхабад, 2013. 208 с.

120. Сатаев Р. М. Животные в культуре древней Маргианы. Палеоэтнозоологические исследования / Отв. ред. Н. А. Дубова. М.: Старый сад, 2016. 196 с.

121. Сатаева Л. В., Сатаев Р. М. Археоботанические исследования на Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 4, М., 2012. С. 159–163.

122. Скандоне-Маттиэ Г. Связи между Эблой и Египтом в период ранней и средней бронзы // Древняя Эбла (Раскопки в Сирии). Составление и введение П. Маттиэ. М., 1985.

123. Соловьева Н. Ф. Антропоморфные изображения и культовые комплексы Южного Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам раскопок Илгынлы-депе): автореферат дисс ... кандидата исторических наук. СПб., 2005. 32 с.

124. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966.

125. Тенгберг М. Анализ образцов дерева с Гонура (Маргуш), Туркменистан // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 2, М., 2008. С. 163–165.

126. Толковая Библия, или комментарий на все книги Ветхого и Нового Завета. Т.1. СПб, 1904–1907.

127. Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств материальной культуры. Л., 1989.

128. Топоров В. Н. К проблеме реконструкции индоевропейского погребального обряда // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности». Тезисы докладов. М., 1985.

129. Топоров В. Н. Квадрат // Мифы народов мира: Энциклопедия, Т. 1. М., 1980.
130. Топоров В. Н. Крест // Мифы народов мира: Энциклопедия, Т. 2. М., 1982.
131. Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия, Т. 2. М., 1982.
132. Топоров В. Н., Мейлах М. Б. Круг // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.
133. Удеумурадов Б. Н. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение / Отв. ред. В. М. Массон. Ашхабад: Ылым, 1993. 148 с.
134. Урманова А. М. К проблеме сооружений типа «кельи» // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. М., 2014. С. 138–151.
135. Успенский Б. А. К исследованию древней живописи // Жегин Л. Ф. Язык живописного произведения (условность древнего искусства). М., 1970.
136. Фалькенштейн А. Архаические тексты из Урука // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976.
137. Фоссе Ш. Ассирийская магия. СПб.: Евразия, 2001. 336 с.
138. Франкфор А. П. Печати Окса: разнообразие форм и изменчивость функций // ВДИ, № 4, 1997. С. 60–68.
139. Хинц В. Государство Элам / Пер. с нем. Л. Л. Шохиной. М.: Наука, 1977. 191 с.
140. Хлопин И. Н. К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана: (по материалам ЮТАКЭ 1956–1957 гг.) // Труды ЮТАКЭ. Т. X. Л., 1960.
141. Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) // Труды ИИМК РАН / Под ред. Массон В. М., Березкин Ю. Е. СПб.: Нестор-История, 2005. 540 с.
142. Царева Е. Г. Филикли: к истории узелкового ткачества в Центральной Азии (по материалам Месопотамии и Туркменистана) // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 4, М., 2012. С. 240–250.
143. Чвырь Л. А. Проблема оседло-кочевнического диалога в древней Средней Азии (мнения археологов и комментариев этнографа) // Азия – диалог цивилизаций. СПб.: ИВ РАН, 1996. С. 383–434.

144. Шапошникова Т. А. Мозаики и рельефный декор стен царского некрополя Гонур Дене // Труды Маргианской археологической экспедиции, Т. 4, М., 2012. С. 170–176.

145. Элиаде М. Мефистофель и андрогин. СПб.: Алетейя, 1998. 374 с.

146. Akkermans P. M. M. G., Schwartz G. M. The Archaeology of Syria: From Complex Hunter-Gatherers to Early Urban Societies (ca 16000–300 BC). Cambridge, 2003.

147. Amiet P. La glyptique mésopotamienne archaïque. P., 1961.

148. Amiet P. L'âge des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. P., 1986.

149. Art of the First Cities. The Third Millennium B. C. from the Mediterranean to the Indus / ed. by Joan Aruz with Ronald Wallenfels. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2003. 540 p.

150. Bietak M. Avaris: The Capital of the Hyksos. L., 1996.

151. Bulgarelli G. M. Tepe Hissar. Preliminary Report on a Surface, August 1972 // East and West, Vol. 24, 1974. P. 15–27.

152. Child V. G. The Urban Revolution // Town Planning Review. Vol. 21, 1950.

153. Collon D. First Impressions. Cylinder Seals in the Ancient Near East. L.: British Museum Publications, 1987. 208 p.

154. Danmanville J. La libation en Mésopotamie // Revue d'assyriologie, Vol. 49.2, 1955.

155. Finet A. Le sacrifice de l'âne en Mésopotamie // Ritual and Sacrifice in the Ancient Near East / ed. By J. Quaegebeur, *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 55. Leuven: Peeters, 1993. P. 135–142.

156. Francfort H.-P. Dungeons and Dragons: Reflections on the System of Iconography in Protohistoric Bactria and Margiana // South Asian Archaeology Studies, Vol. 4 / ed. by G. Possehl. New Delhi – Bombay – Calcutta – Oxford, 1992.

157. Francfort H.-P. How the Twins met: Indus and Oxus Bronze Age Civilizations in Eastern Bactria. Shortugai Revisited Forty Years Later // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарияниди. М., 2016. С. 461–476.

158. Francfort H.-P., Tremblay X. Marhaši et la civilisation de l'Oxus // *Iranica Antiqua*, Vol. XLV, 2010. P. 51–224.

159. Frankfort H. Cylinder Seals. A Documentary Essay on the Art and Religion of Ancient Near East. L., 1939.

160. Gordon A. H., Schwabe C. W. The Egyptian Was-Scepter and its Modern Analogues: Uses as Symbols of Divine Power or Authority // Journal of the American Research Center in Egypt, No. 32, 1995. P. 185–196.

161. Groenevegen-Frankfort H.-F. Arrest and Movement. An essay on Space and Time // Representational Art of the Ancient Near East. Chicago, 1951.

162. Gürsan-Salzman, Ayşe. The New Chronology of the Bronze Age Settlement of Tepe Hissar, Iran. Philadelphia, 2016.

163. Kepinski-Lecomte Ch. Turkmenistan and Northern Mesopotamia during the bronze period // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб., 2010. С. 128–133.

164. Lamberg-Karlovsky C. C. The Bronze Age of Bactria // Bactria. An Ancient Oasis Civilization from the Sand of Afghanistan / ed. by Ligabue G., Salvatori S. Venezia: Erizzo Edirice, 1989. P. 13–24.

165. Lobban R. Solution to the Mystery of the *Was* Scepter of Ancient Egypt and Nubia // KMT. A Modern Journal of Ancient Egypt. Vol. 10, No. 3, Fall 1999.

166. Lyonnet B. A New Possible Interpretation of the Bactro-Margiana Culture (BMAC) of Central Asia: The Tin Trade // South Asian Archaeology 2001 / ed. by Jarrige C., Lefevre V. Vol.1, Prehistory, 2005. P. 191–200.

167. Masson V. M., Sarianidi V. I. Central Asia: Turkmenia before the Achaemenids. Southampton // Ancient Peoples and Places, Vol. 79. London: Thames and Hudson, 1972. 219 p.

168. Mellink M. Anatolian Libation Pourers and the Minoan Genius // Monsters and Demons in the Ancient and Medieval Worlds. Papers Presented in Honour of Edith Porada. Mainz am Rhine, 1987. P. 65–72.

169. Özgüç N. Kültepe Mühür Baskılarında Anadolu Grubu / The Anatolian Group of Cylinder Seal Impressions from Kültepe. Ankara, 1965.

170. Piperno M. Socio-economic Implications from the Graveyard of Shahr-i Sokhta // South Asian Archaeology 1977 / ed. By Taddei M., Vol.1, Naples, 1979. P. 123–139.

171. Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'Âge du Bronze. P., 1984.

172. Rossi-Osmida G. Preliminary report on research carried out in the Oasis of Adji Kui 2004 // Central Asia Cultural Values № 3. St. Petersburg, 2004.

173. Sarianidi V. I. The Biblical lamb and the funeral rites of Bactria and Margiana // Mesopotamia, V. XXXI, 1996. P. 33–48.

174. Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. M., 1998. 335p.

175. Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.

176. Tosi M., Cerasetti B. Once upon time... a Brief reflections on the history of «The Archaeological Map of the Murghab Delta (AMMD)» Project in relation to the Fundamental Role of V. I. Sarianidi // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. СПб., 2010. С. 86.

177. Tosi M., Lamberg-Karlovsky C. C. Pathways across Eurasia // Art of the First Cities. The Third Millennium B. C. from the Mediterranean to the Indus / ed. by Joan Aruz with Ronald Wallenfels. N.Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2003.

178. Tunca Ö. L'architecture religieuse protodynastique en Mésopotamie. T. I (Accadica Supplementum II). Louven, 1984.

179. Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne. T. II. Les grandes époques. L'architecture funéraire. P., 1954. 543 p.

180. Vivante A. The Sacrificial Altar in Assyrian Temples // Revue d'assyriologie. Vol. 2 (88), 1994.

Научное издание

АНТОНОВА Елена Вадимовна

**БАКТРИЯ И МАРГИАНА НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ
ОЧЕРКИ**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

*Редактор Д. В. Сарабьева
Верстка Н. В. Макеева*

Подписано 27.03.2020
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 14,25. Уч.-изд. л. 10,1
Тираж 500 экз. Зак. № 412.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5